

СЕРИЯ
МОЭМ

Тогда и теперь

Ринас и Ингмар Модеггелл

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО»

Annotation

Сомерсет Моэм — один из самых читаемых авторов XX века. Он выступал как драматург, романист, новеллист и критик. Широкую известность в России получили такие его романы, как «Театр», «Бремя страстей человеческих», «Луна и грош», а также новеллы, ставшие классикой жанра. «Тогда и теперь» — роман о Никколо Макиавелли — посвящен деятельности этого выдающегося политика эпохи Возрождения в тот период, когда он, находясь на службе у Флорентийской республики, выполнял различные дипломатические поручения. Цезарь Борджа, герцог Валентино, при дворе которого находился Макиавелли, вызвал у него огромный интерес. Впечатления от общения с одним из самых преступных деятелей в истории человечества легли впоследствии в основу трактата Макиавелли «Государь».

- [Сомерсет Моэм](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)

- [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Сомерсет Моэм ТОГДА И ТЕПЕРЬ

1

Plus ca change, plus c'est la meme chose.[\[1\]](#)

У Биаджо Бонаккорси был трудный день. Он устал, но из приверженности к порядку перед отходом ко сну записал в дневнике: «Совет послал человека к герцогу в Имолу». Имени посыльного он не упомянул, вероятно, потому, что не придавал этому событию особого значения. Звали его Никколо Макиавелли. Ехал он к Чезаре Борджа.

День выдался не только трудным, но и длинным: Биаджо вышел из дому на рассвете. Рядом с ним на крепком муле ехал его племянник Пьеро Джакомини, высокий, хорошо сложенный юноша приятной наружности. Макиавелли согласился взять его с собой. В этот день, шестого октября 1502 года, Пьеро исполнилось восемнадцать лет — подходящий возраст для первого выезда в свет. Благодаря стараниям дяди (мать Пьеро рано овдовела) юноша получил неплохое образование. Писал и читал он не только по-итальянски, но и по-латыни, а по совету Макиавелли, восхищавшегося древними римлянами, достаточно глубоко изучил историю расцвета и падения Вечного города. Макиавелли веровал: люди во все времена одинаковы, ими владеют одни и те же чувства, поэтому в сходных ситуациях их действия должны приводить к одним и тем же результатам. А помня, как, сообразуясь с обстоятельствами, поступали древние, и современный человек будет вести себя благоразумно.

И Биаджо, и его сестра хотели, чтобы Пьеро поступил на государственную службу. Поездка с Макиавелли предоставляла юноше прекрасную возможность окунуться в мир политики. И к тому же, полагал Биаджо, вряд ли он мог найти наставника лучше, чем мессер Никколо. Вопрос о поездке решился только вчера, когда Макиавелли получил верительные грамоты и охранное свидетельство. Биаджо попросил его взять с собой Пьеро, и Макиавелли — по натуре человек доброжелательный — сразу же согласился. Мать юноши понимала: такой шанс упускать нельзя, — но она, естественно, беспокоилась. Пьеро еще никогда не разлучался с ней и, по ее мнению, был слишком молод для такого опасного путешествия. К тому же она боялась, что этот беспутный Макиавелли испортит ее сына: все знали, какой он любитель погулять. А он нисколько и не стыдился, мало того, частенько рассказывал о своих похождениях разные неприличные истории, вызывая румянец смущения на щеках добропорядочных женщин. Но, самое возмутительное, рассказывал так забавно, что как бы вы ни негодовали, удержаться от смеха не могли.

— Дорогая Франческа, — урезонивал ее Биаджо, — теперь, когда Никколо женился, он оставит дурные привычки. Мариетта — хорошая женщина и очень его любит. Он не так глуп и не станет тратить деньги на то, что дома можно получить задаром.

— Так любить женщин, как Никколо, и довольствоваться одной?.. Тем более женой...

В душе Биаджо разделял сомнения сестры, однако признать ее правоту не захотел. Только плечами пожал.

— Пьеро уже восемнадцать. Ему пора становиться мужчиной. Или ты уже стал им, племянник?

— Нет, — ответил Пьеро с искренностью, которая могла обмануть любого, кто хотел ему поверить.

— Мне известно все о моем сыне, — довольно улыбнулась Франческа. — Перед тем как что-либо сделать, он подумает, не вызовет ли его поступок моего неодобрения.

— В таком случае я не понимаю твоего беспокойства. Макиавелли посодействует продвижению Пьеро по службе, а если у мальчика достанет ума, он научится у него многому из того, что пригодится в жизни.

Монна Франческа нахмурилась.

— Этот человек свел тебя с ума. Ты словно податливая глина в его руках. А он как к тебе относится? Помыкает тобой, делает из тебя посмешище. С какой стати он занимает более высокий пост, чем ты? Неужели тебя удовлетворяет роль его подчиненного?

Биаджо, как и Макиавелли, исполнилось тридцать три года. Однако благодаря содействию тестя, Марсилио Фичино, знаменитого ученого, которому покровительствовали Медичи, на государственную службу он поступил раньше Макиавелли. В те времена связи помогали человеку занять место под солнцем не в меньшей степени, чем его достоинства.

Биаджо был среднего роста, полноватый, с круглым краснощеким добродушным лицом. Честный и трудолюбивый, никому не завидующий, он трезво оценивал свои возможности и не рвался к вершинам власти. Он любил хорошо поесть, посидеть в веселой компании. Умом он не блистал, но и не слыл дураком. Иначе он никогда не стал бы другом Макиавелли.

— Сейчас на службе в Синьории нет человека умнее Никколо, — ответил Биаджо.

(Вот уже восемь лет после изгнания Медичи высшим исполнительным органом власти во Флоренции являлась Синьория — городской Совет.)

— Чепуха, — фыркнула Франческа.

— Он разбирается в людях и государственных делах лучше, чем мужи

вдвое старше его. Вот увидишь, сестра, он далеко пойдет, и, поверь мне на слово, он не из тех, кто забывает друзей.

— Я не доверяю ему. Он отбросит тебя, как старый башмак, когда ты станешь ему не нужен. Биаджо рассмеялся.

— Ты сердишься, потому что он никогда не пытался ухаживать за тобой? А ты еще хороша и должна нравиться мужчинам.

Монна Франческа поджала губы.

— Просто он знает: порядочная женщина даст ему достойный отпор. Ты всегда защищаешь его. Конечно, он ведь смешит тебя, рассказывает разные непристойные истории. Ты такой же, как он.

— Но признай, никто лучше Макиавелли эти истории не рассказывает.

— И поэтому ты считаешь его таким удивительно умным?

Биаджо вновь рассмеялся.

— Конечно, нет. Он успешно провел переговоры с Францией, а его донесениями восхищались все. Даже те члены Синьории, кто не слишком благоволит к нему.

Монна Франческа сердито повела плечами.

Все это время Пьеро, как и подобает благовоспитанному молодому человеку, молчал, скромно потупив взор. Он без энтузиазма воспринял желание матери и дяди устроить его на государственную службу и с радостью ухватился за возможность отправиться в путешествие. Как он и предполагал, житейская мудрость дяди восторжествовала над нерешительностью матери. И на следующее утро в сопровождении Биаджо Пьеро подъехал к дому Макиавелли.

Лошади уже стояли у крыльца: одна — для Макиавелли, две — для его слуг. Пьеро спрыгнул с мула и, отдав поводья слуге, вслед за дядей прошел в дом. Макиавелли ждал их, нетерпеливо расхаживая по комнате.

— Не будем терять время, — сказал он, коротко поздоровавшись с вошедшими.

— В путь.

По щекам Мариетты катились слезы. Особой красотой она не отличалась. Правда, Макиавелли женился на ней не из-за ее красоты. Мариетта была из почтенной состоятельной семьи и принесла ему солидное приданое, да и на холостяков его возраста смотрели косо.

— Не плачь, дорогая, — успокаивал ее Макиавелли. — Ты же знаешь, я скоро вернусь.

— Тебе нельзя ехать, — всхлипнула Мариетта и, обращаясь к Биаджо, добавила: — Он не готов к такому длительному путешествию: плохо себя чувствует.

— Что с тобой, Никколо? — озабоченно спросил Биаджо.

— Старая болячка. Опять что-то с желудком. Но тут уж ничем не поможешь.

— Он обнял Мариетту: — До свидания, моя радость.

— Ты будешь мне писать?

— Обязательно, — улыбнулся Макиавелли. При улыбке с его лица исчезало обычное сардоническое выражение, и оно становилось даже привлекательным. Макиавелли поцеловал жену, погладил по щеке.

— Не сердись, дорогая. В случае чего обращайся к Биаджо. Он всегда поможет тебе.

Пьеро, войдя в комнату, так и остался у дверей. Никто не обращал на него внимания. И хотя его дядя был едва ли не самым близким другом Макиавелли, Пьеро почти не встречался с ним раньше. Сейчас юноша воспользовался случаем, чтобы получше разглядеть своего будущего господина. Среднего роста, Макиавелли казался выше из-за своей худобы. Коротко стриженные черные волосы, словно бархатная шапочка, обрамляли его голову. Маленькие, очень подвижные темные глаза сверкали над запавшими щеками. Длинный нос нависал над тонкогубым ртом. Задумчивое, настороженное, даже суровое выражение лица. Несомненно, он не из тех, кто позволяет смеяться над собой.

Видимо, почувствовав изучающий взгляд Пьеро, Макиавелли повернулся и вопросительно посмотрел на юношу.

— Это Пьеро? — обратился он к Биаджо.

— Да. Его мать надеется, что ты позаботишься о нем, проследишь, чтобы он не попал в беду. Макиавелли сухо улыбнулся.

— Анализируя неблагоприятные последствия моих ошибок, он, без сомнения, поймет, что добродетель и трудолюбие ведут кратчайшей дорогой к успеху в этом мире и к блаженству в мире ином.

Они тронулись в путь. По брусчатым улицам Флоренции лошадей пустили шагом, а миновав городские ворота, перешли на легкий галоп. Предстояла дальняя дорога, и всадники не хотели попусту утомлять лошадей. Макиавелли и Пьеро скакали впереди, двое слуг — чуть сзади. Все четверо были вооружены. Флоренция не воевала с соседями, но в государстве было беспокойно: за любым поворотом могли встретиться мародерствующие солдаты-наемники. Макиавелли молчал, погруженный в раздумье, а Пьеро — от природы не из робких, — глядя на сосредоточенное, хмурое лицо своего спутника, заговорить не решался. Несмотря на осеннюю прохладу, стояло чудесное утро. На душе у Пьеро было радостно. Хотелось не молчать, петь от восторга, задавать миллион разных вопросов. А они ехали и ехали. Солнце поднималось все выше, прогревая осенний воздух. Макиавелли так и не проронил ни слова, только время от времени жестом показывал, что надо перейти на шаг.

Макиавелли было о чем подумать. В поездку он отправился не по своей воле и приложил все силы, чтобы уговорить Синьорию послать кого-нибудь еще. И не только потому, что плохо себя чувствовал — хотя сейчас каждый шаг лошади отзывался болью в животе, — он также не хотел сразу после женитьбы огорчать Мариетту своим отъездом. Он обещал ей, что разлука будет недолгой, но в душе понимал: дни могут сложиться в недели, недели — в месяцы, прежде чем он получит разрешение вернуться домой. Как затягиваются дипломатические переговоры, он мог убедиться во время поездки во Францию.

И все-таки личные дела составляли лишь малую толику его забот. Италия находилась в отчаянном положении. Людовик XII, король Франции, обладал абсолютной властью. Он завладел большей частью Неаполитанского королевства, хотя Сицилия и Калабрия все еще оставались у испанцев. Ему принадлежал Милан с прилегающими к нему территориями. Он наладил хорошие отношения с Венецией, а города-государства Флоренция, Сиена и Болонья находились под его опекой. Он заключил союз с папой, и тот разрешил ему развестись с бесплодной и нелюбимой женой и жениться на Анне Английской, вдове Карла VIII. В благодарность Людовик XII выдал Шарлотту д'Албре, сестру короля Наваррского, за сына папы, Чезаре Борджа, и пообещал представить в его распоряжение войска, чтобы тот смог отвоевать владения, потерянные церковью.

Чезаре Борджа, известному по всей Италии как Эль Валентино — по названию герцогства, пожалованного ему Людовиком XII, — не было еще и тридцати. Капитаны его наемных войск — Паголо Орсини, глава знатного римского рода, Паоло Бальони, правитель Перуджи, и Вителлоццо Вителли из Читта-ди-Кастелло — прекрасно знали свое дело. И сам Чезаре показал себя бесстрашным и мудрым командиром. Силой оружия, подкупом, хитростью он захватил значительную территорию. Весть о его победах разнеслась по всей Италии. Воспользовавшись удачным стечением обстоятельств, он вынудил Флоренцию подписать договор, по которому обязывался три года защищать город, получая за это крупное вознаграждение. Но вскоре флорентийцы, заручившись покровительством Людовика XII, приостановили действие договора и прекратили платежи. Борджа пришел в ярость и обещал при первой возможности отомстить

Республике.

В июле 1502 года — года, к которому относится данное повествование, — Ареццо, подвластный Флоренции город, восстал и объявил себя независимым. Вителлоццо Вителли, самый способный из капитанов Эль Валентино, смертельный враг флорентийцев, казнивших его брата, и Бальони, правитель Перуджи, выступили в защиту мятежников и разбили флорентийский гарнизон. Его остатки укрылись в цитадели. В панике Синьория послала в Милан Пьеро Содерини, исполняющего обязанности президента Республики, чтобы тот ускорил отправку четырехсот кавалеристов, обещанных королем Людовиком. Выступить в Ареццо был отдан приказ и войскам Синьории, длительное время осаждавшим Пизу, но цитадель пала незадолго до их прихода. А тут еще Эль Валентино, обосновавшийся в захваченном им Урбино, потребовал прислать посла для переговоров. К нему выехал епископ Волтеррский, брат Пьеро Содерини, а сопровождал его Макиавелли. Однако французский король, верный обещанию, данному Флоренции, послал в Ареццо своих кавалеристов, и Чезаре Борджа пришлось отозвать капитанов.

Капитаны Борджа — сами правители небольших государств — не могли не опасаться, что при первом удобном случае герцог расправится с ними так же безжалостно, как и с другими. Узнав, что Чезаре заключил секретное соглашение с Людовиком XII, согласно которому король обещал помочь ему захватить Болонью, а затем уничтожить капитанов, они встретились в местечке Ла-Маджиони, недалеко от Перуджи, чтобы выработать общий план защиты. Вителлоццо Вителли, больного, на встречу принесли на носилках. Паголо Орсини прибыл в сопровождении брата-кардинала и племянника — герцога Гравины. Присутствовали также Эрмек Бентивольо, сын правителя Болоньи, братья Бальони из Перуджи, молодой Оливеротто да Фермо и Антонио да Венафро, правая рука Пандолфо Петруччи, правителя Сиены. Ради своей же безопасности капитаны решили действовать, но, зная вероломство герцога, действовать осторожно. Для начала в строжайшей тайне подготовить отряды, а потом нанести неожиданный удар. В их распоряжении имелись и пехота, и кавалерия, а также мощная артиллерия Вителлоццо. Посланники капитанов разъехались по разным городам, чтобы нанять еще несколько тысяч солдат, наводнивших Италию. А во Флоренцию был направлен гонец с письмом к городскому Совету: капитаны предлагали заключить с ними союз, ибо честолюбивые замыслы Чезаре представляли немалую угрозу не только для них, но и для Республики.

Прошло не так уж много времени, прежде чем Борджа узнал о

заговоре и, со своей стороны, потребовал от Синьории направить ему в случае необходимости обещанные войска. Но вместо войск в Имолу отправился Макиавелли. Он ехал с тяжелым сердцем. Синьория не разрешила ему принимать самостоятельные решения, каждый свой шаг он должен был согласовывать с Флоренцией. И герцог Романьи, Валенсии и Урбино, принц Андрии, правитель Пиомбино — пусть и незаконнорожденный сын папы — не мог воспринять приезд такого посла иначе, как оскорбление его достоинства. Макиавелли надлежало сообщить Борджа, что Республика отказалась сотрудничать с заговорщиками. Если же герцогу все еще требовались войска или деньги, то Макиавелли должен был известить Синьорию и ждать ответа. Тянуть время — такая задача стояла перед ним. Подобная тактика являлась основой политики Республики. У Синьории всегда находились убедительные причины ничего не предпринимать. И лишь в крайнем случае приоткрывались сундуки казначейства. Макиавелли предстояло сдерживать нетерпение человека, не привыкшего к промедлению, давать ничего не значащие обещания, на хитрость отвечать хитростью, противостоять обману и попытаться отгадать замыслы того, кто славился своим вероломством и лицемерием.

Он видел Чезаре Борджа лишь однажды, да и то мельком, во время поездки в Урбино, но герцог произвел на него сильное впечатление. Там же, в Урбино, он услышал рассказ о том, как герцог Джидобальдо ди Монтефелтро, поверив в дружбу Борджа, лишился своего герцогства и едва спасся сам. Признавая неслыханное вероломство Эль Валентино, Макиавелли не мог не восхищаться его энергией и ловкостью. Умный и бесстрашный, беспринципный и безжалостный, Чезаре Борджа показал себя не только блестящим полководцем, но и способным организатором, и хитрым политиком. На тонких губах Макиавелли заиграла улыбка, в глазах появился азартный огонек. От одной только мысли, что ему предстоит померяться силами с таким достойным соперником, его настроение улучшилось. Он уже не вспоминал о ноющей боли в животе и даже не без удовольствия предвкушал легкий обед в Скарперии, находившейся на полпути из Флоренции в Имолу. Там Макиавелли собирался нанять почтовых лошадей. Ему не терпелось попасть в Имолу. Но, чтобы не загнать своих лошадей, он решил оставить их в Скарперии. На следующий день слуги привели бы в Имолу его жеребца и мула Пьеро.

Перекусить и поразмяться они остановились в Альберго-делла-Поста. Поинтересовавшись, что из еды им могут предложить, и получив без задержки макароны, жареных перепелок, болонскую колбасу и свиные отбивные, Макиавелли остался доволен. Он любил поесть: вкусная пища

доставляла ему истинное наслаждение. С не меньшим удовольствием поглощал все эти яства Пьеро. Когда они вновь тронулись в путь, юноша от переполнявшей его радости запел одну из популярных флорентийских песенок.

— Пьеро, твой дядя никогда не говорил мне, что у тебя хороший голос. Юноша продолжал петь.

— Приятный тенор, — тепло улыбнулся Макиавелли.

Он попридержал лошадь и Пьеро, принимая это за приглашение, начал напевать другую песню. Макиавелли прислушался: мотив известный, а стихи его собственные. Без сомнения, юноша стремился наладить с ним дружеские отношения, и Макиавелли одобрил столь изящный способ сближения.

— Откуда у тебя эти стихи?

— Дядя Биаджо списал их для меня.

Макиавелли ничего не сказал и вновь пустил лошадь рысцой. Ему следует побольше узнать об этом юноше, решил он. Ведь он взял его с собой не только для того, чтобы доставить удовольствие Биаджо, но и чтобы сделать своим помощником.

Не было человека более приветливого, интересного и хитроумного, чем Макиавелли, когда он хотел выяснить, с кем имеет дело. Пьеро и не догадывался, с какой целью задаются вроде бы ничего не значащие вопросы, и отвечал на них откровенно и простодушно. Рассказывать о себе ему нравилось. Знаменитый ученый Марсилио Фичино, тесть Биаджо, умерший три года назад, взял на себя заботы об образовании Пьеро. Под его руководством юноша выучил латынь и, с большой неохотой, греческий.

— А я, к сожалению, не знаю этого языка, — вздохнул Макиавелли. — Остается только позавидовать, что ты можешь читать сочинения греческих философов в оригинале.

— Какая мне от этого польза?

— Они научат тебя, что счастье — это цель, к которой стремятся все люди. А чтобы достичь ее, не нужно ничего, кроме хорошего происхождения, верных друзей, доброй удачи, здоровья, богатства, красоты, силы, славы, чести и добродетели.

Пьеро рассмеялся.

— И еще они покажут тебе, что жизнь коротка и полна страданий, из чего ты мог бы сделать вывод, что не следует отказываться от удовольствий, пока возраст позволяет наслаждаться ими.

— Совсем необязательно читать об этом по-гречески, — возразил Пьеро.

— Возможно, ты и прав, но как приятно сознавать, что великие предки думали так же.

Макиавелли выяснил, с кем дружил и чем занимался Пьеро во Флоренции, и, получив ответы, составил мнение о его характере и способностях. Конечно, юноше не хватало опыта, но он схватывал все на лету, его распирала жажда деятельности и приключений. Прямодушный и совсем еще наивный, он в то же время не отличался чрезмерной щепетильностью. В глазах Макиавелли это выглядело скорее достоинством, чем недостатком, ибо означало: молодой человек не будет мучиться угрызениями совести, совершив не совсем благородный поступок. Обаяние Пьеро, его искренность, подкупающая откровенность могут оказаться бесценными качествами. Оставалось только выяснить, не болтлив ли он и умеет ли ценить доверие. В отношении первого покажет время, что же до второго, то Макиавелли и не собирался доверять ему, как, впрочем, любому другому, больше, чем требовалось. Во всяком случае, юноша, несомненно, понимал: произведенное им хорошее впечатление пойдет ему только на пользу. Доброе слово Макиавелли обеспечивало Пьеро безбедное будущее. В противном случае ворота государственной службы закрылись бы перед ним навсегда.

Путники подъезжали к Имоле, расположенной в плодородной долине у самой реки. Они не увидели разрушительных последствий военных действий: город сдался, заслышав о приближении войск Чезаре. В двух или трех милях от Имолы им повстречался небольшой отряд из восьми всадников. В одном Макиавелли узнал Агапито да Амалу, первого секретаря герцога, с которым он познакомился в Урбино. Тепло поприветствовав Макиавелли и узнав причину его приезда, Агапито развернул отряд и направился обратно в город. Днем раньше Синьория послала курьера к герцогу предупредить его о прибытии посла. И теперь курьер ждал Макиавелли у городских ворот. Зная, что флорентиец проделал неблизкий путь, Агапито спросил, не хочет ли Макиавелли отдохнуть, прежде чем предстать перед герцогом.

Улицы маленькой Имолы, ставшей столицей Эль Валентино, заполнили его офицеры, придворные, посланники многочисленных итальянских городов-государств, купцы, стряпчие, шпионы, актеры, поэты, проститутки и всякий сброд, обычно сопровождающий победоносную армию в надежде поживиться остатками ее добычи. Требовалось приложить немало усилий, чтобы найти сносное жилье. Гостиницы Имолы были переполнены: на каждой кровати спали три, четыре, а то и пять человек. Но посланник Флоренции договорился с доминиканцами, и те согласились принять Макиавелли и его слуг под кров своего монастыря. Туда курьер и предложил проводить их. Макиавелли взглянул на Агапито.

— Если его светлость сможет принять меня, я бы предпочел не откладывать встречу.

— Я поеду вперед и узнаю, свободен ли герцог. Офицер проводит вас во дворец. — Агапито указал на одного из своих спутников и ускакал в сопровождении остальных.

Узкие улочки вывели путников на центральную площадь. По дороге Макиавелли спросил офицера, какую таверну он считает лучшей в городе.

— Я представляю себе, чем могут накормить меня эти добрые монахи, и не хочу ложиться спать на голодный желудок.

— «Золотой лев», — не задумываясь, ответил офицер.

Макиавелли обратился к курьеру:

— Проведешь меня во дворец, а затем отправляйся в «Золотой лев» и закажи нам ужин. А ты, Пьеро, проследи, чтобы лошадей поставили на

конюшню. Курьер покажет тебе, как пройти в монастырь. Переметные суммы оставь Антонио (так звали одного из слуг), потом возвращайся во дворец и жди меня там.

Дворец, большое незатейливое здание — ибо Катарина Сфорца, построившая его, была женщиной прижимистой — располагался на центральной площади Имолы. Макиавелли и офицер спешили и прошли мимо часового. Офицер послал одного из солдат к первому секретарю герцога доложить об их приезде. Несколько минут спустя Агапито да Амала вошел в комнату, где ждал Макиавелли. Секретарь герцога, высокий смуглый мужчина с длинными черными волосами, маленькой черной бородкой и умными пронзительными глазами, отличался хорошими манерами и изящной речью. А его напускная искренность обманывала многих, кто недооценивал способности этого безгранично преданного Борджа человека. Эль Валентино умел подбирать людей, на которых мог полностью положиться. Агапито предложил Макиавелли пройти с ним. Герцог ждал посла Флоренции. Они поднялись по широкой лестнице и вошли в просторный зал с большим мраморным камином, над которым скульптор изваял руки отважной, но несчастной Катарины Сфорца, брошенной Борджа в тюрьму. Герцог стоял спиной к камину с весело потрескивающими поленьями. Кроме него в зале находился лишь кардинал Хуан Борджа, племянник папы Александра. Он сидел в кресле с высокой спинкой, вытянув ноги к огню.

Макиавелли поклонился герцогу и кардиналу, и Чезаре Борджа, подойдя к флорентийцу, взял его за руку и подвел ко второму креслу, стоящему у камина.

— Должно быть, вы продрогли и устали с дороги. Вы не голодны?

— Нет, ваша светлость. Прошу извинить меня, что явился к вам, даже не переодевшись, но я счел себя обязанным безотлагательно выполнить поручение Республики.

Макиавелли передал герцогу верительные грамоты. Тот мельком взглянул на бумаги и отдал их секретарю.

Чезаре Борджа был поразительно красив: высокий атлет с широкими плечами, мощной грудью и тонкой талией. Черная одежда еще больше подчеркивала его яркую внешность. Единственным украшением кроме перстня на указательном пальце правой руки был орден Святого Михаила, пожалованный герцогу королем Франции. Тщательно уложенные, густые золотисто-каштановые волосы достигали плеч. Прямой тонкий нос, большие красивые дерзкие глаза под изогнутыми бровями, четко очерченный чувственный рот дополняли усы и короткая борода. Полная

достоинства походка, величественная осанка говорили о праве повелевать. Макиавелли не раз задавался вопросом: откуда у отпрыска римской простолюдинки и толстого крючконосого испанского первосвященника, купившего себе папский престол, манеры великого принца?

— Я обратился к вашему правительству с просьбой прислать посла, потому что хотел бы знать истинное положение дел в наших взаимоотношениях. — Герцог четко выговаривал каждое слово.

Макиавелли произнес заранее подготовленную речь. И хотя Борджа внимательно его слушал, Макиавелли прекрасно видел, что все заверения Синьории в готовности сотрудничать с ним он воспринимал как ни к чему не обязывающие вежливые фразы. Наступило короткое молчание. Откинувшись на спинку кресла, герцог поглаживал орден, висящий на груди. Когда же он заговорил, в его голосе слышалось нескрываемое раздражение.

— Мои владения на большом протяжении граничат с вашими. Охрана границ требует колоссального напряжения всех сил. Однако мне хорошо известно, что ваш город недолюбливает меня. Вы пытались поссорить меня с папой и королем Франции. Хуже не обращаются даже с убийцей. Пришло время выбрать, друг я вам или враг.

У герцога был высокий мелодичный голос, но манера говорить, пожалуй, слишком резкая. Таким тоном разговаривают разве только с судомойками. Не каждый мог стерпеть это оскорбительное высокомерие. Но Макиавелли — опытный дипломат — умел скрывать свои чувства.

— Смею заверить вашу светлость: моему правительству не нужно ничего, кроме вашей дружбы, — вкрадчиво проговорил он. — Но оно не забыло, что вы позволили Вителлоццо вторгнуться на нашу территорию. Синьория, естественно, сомневается в вашей искренности.

— Вителлоццо действовал на свой страх и риск. Я не имею к этому никакого отношения.

— Но платите ему вы, и вам же он подчиняется.

— Экспедиция началась без моего ведома и без моей помощи. Не буду притворяться, секретарь, я не сожалею о происшедшем. Флорентийцы пренебрегли моим доверием и получили хороший урок. Когда я счел наказание достаточным, я приказал капитанам вывести войска. А они в результате затаили на меня злобу и строят козни за моей спиной.

Разумеется, Макиавелли не стал напоминать герцогу, что тот отозвал капитанов лишь после вмешательства короля Франции.

— Вы сами виноваты во всем, и за вторжение Вителлоццо должны винить только себя.

— Себя?! — с неподдельным изумлением воскликнул Макиавелли.

— Этого бы не произошло, если бы у вас хватило ума не казнить Паоло Вителли. Стоит ли удивляться, что его брат Вителлоццо решил отомстить вам. А помешав ему, я нажил себе врага.

Слова герцога требуют короткого пояснения. Флорентийцы долгое время осаждали Пизу. Генеральный штурм прошел неудачно, войска Республики потерпели жестокое поражение. Синьория возложила вину на командующего армией и наняла двух кондотьеров, в то время служивших королю Франции, — Паоло и Вителлоццо Вителли, назначив Паоло главнокомандующим. Войска вновь пошли на приступ. В крепостной стене образовалась брешь, и солдаты ворвались в Пизу. Но тут Паоло Вителли приказал отступить. По его словам, он сделал это во избежание ненужного кровопролития, так как не сомневался: город капитулирует. Однако Синьория решила, что Паоло их предал, и послала двух специальных уполномоченных вроде бы с деньгами для армии, а на самом деле — арестовать генералов. Ставка Паоло Вителли находилась в миле от Касчины; уполномоченные предложили встретиться в этом городе и обсудить ход военных действий. В честь Вителли был дан обед. А затем его арестовали, доставили во Флоренцию и казнили, хотя даже под пыткой он не признал своей вины.

— Паоло Вителли — изменник, — сказал Макиавелли. — Его судили и признали виновным. Совершенное им преступление заслужило смертной казни.

— Какая разница, виновен он или нет. А вот, убив его, вы допустили серьезную ошибку.

— Врагов Республики необходимо уничтожать. Пусть все знают: Флоренция может постоять за себя.

— Тогда почему же вы оставили в живых его брата?

Макиавелли раздраженно пожал плечами. Вопрос герцога задел его за живое.

— Мы послали людей, чтобы привезти Вителлоццо во Флоренцию. Но он почуял ловушку. Когда за ним пришли, он болел и лежал в постели. Вителлоццо попросил дать ему время одеться, и каким-то образом ему удалось бежать. Все пошло насмарку. Да и можно ли оградить себя от глупости людей, с которыми приходится иметь дело?

Герцог весело рассмеялся.

— Зачем же так упорствовать, если обстоятельства изменились и казнь стала нецелесообразной? После побега Вителлоццо вам следовало бы привезти Паоло во Флоренцию и не бросать в подземелье, а поместить в

самых роскошных апартаментах палаццо Веккио. Судить его и признать невиновным. Потом вновь назначить главнокомандующим, увеличить ему жалованье, наградить высшими орденами Республики. И, наконец, убедить в том, что полностью доверяете ему.

— А он снова предал бы нас.

— Возможно, но сначала стремился бы доказать, что ему поверили не напрасно. Эти наемные капитаны алчны и за деньги готовы на все. Вы могли бы сделать Вителлоццо заманчивое предложение, и он вряд ли нашел бы в себе силы отказаться. Присоединился бы к брату, а спустя некоторое время, усыпив их бдительность, вы нашли бы удобный момент без лишнего шума убрать их обоих.

Макиавелли покраснел.

— Подобное вероломство навечно запятнало бы честное имя Флоренции.

— С предателями надо поступать по-предательски. Государством правит не христианская добродетель, а расчет, сила, решительность и жестокость.

В этот момент в зал вошел офицер и шепотом заговорил с Агапито да Амалой. Эль Валентино раздраженно забарабанил пальцами по столу, за которым сидел.

— Его светлость занят, — сказал Агапито. — Пусть они подождут.

— Что там случилось? — резко спросил герцог.

— Два гасконских солдата обвиняются в грабеже, ваша светлость. Стража привела их сюда вместе с краденым.

— Нехорошо заставлять ждать подданных короля Франции, — сухо улыбнулся герцог. — Пусть их приведут.

Офицер вышел, и герцог любезно обратился к Макиавелли:

— Вы позволите мне решить эту маленькую проблему?

— Мое время в полном распоряжении вашей светлости, — ответил тот.

— Надеюсь, вы доехали без приключений? Макиавелли понял, каким должен быть ответ.

— Да, конечно. И даже нашли таверну в Скарперии, где нас хорошо накормили.

— Я хочу, чтобы люди могли путешествовать по моим владениям так же спокойно, как, говорят, они ездили по Римской империи времен Антониев. Находясь здесь, вы сможете воочию убедиться, что, лишив права владения мелких тиранов — этого проклятия Италии, я сделал довольно много для безопасности и процветания моих подданных.

Послышались шум шагов, громкие голоса, открылись парадные двери, и в зал вошел знакомый офицер в сопровождении двух мужчин, судя по одежде — городских сановников. По пятам за ними шли две женщины, одна — старая, вторая — средних лет, и пожилой мужчина. Солдаты в желто-красной форме войск герцога несли два серебряных подсвечника, золоченый кубок и две тарелки из серебра. Следом ввели двух мужчин в потрепанной одежде, со связанными за спиной руками. Одному, мощного телосложения, с густой черной бородой и шрамом на лбу, было лет сорок. Второму, еще совсем мальчику с болезненным цветом лица и бегающими испуганными глазами, — не более двадцати.

— Подойдите сюда! — приказал герцог. Грабителей подтолкнули вперед.

— В чем их обвиняют?

Как выяснилось, кто-то проник в дом двух женщин, когда они были в церкви, и украл столовое серебро.

— Как вы можете доказать, что эти вещи принадлежат вам?

— Монна Бригида — моя кузина, ваша светлость, — сказал один из сановников. — Я хорошо знаю эти подсвечники и кубок. Они составляли часть ее приданого.

Второй сановник подтвердил его слова. Герцог повернулся к пожилому мужчине, вошедшему вместе с женщинами.

— Кто ты?

— Джакомо Фабринио, ваша светлость, серебряных дел мастер. Эти двое, — он указал на гасконцев, — продали мне подсвечники, кубок и тарелки. Они сказали, что захватили их при взятии Форли.

— Ты уверен, что именно они приходили к тебе?

— Да, ваша светлость.

— Мы отвели его в лагерь гасконцев, — вмешался офицер, — и он сразу опознал их.

Герцог не сводил с Джакомо тяжелого взгляда.

— Ну?

— Когда я услышал, что ограблен дом монны Бригиды и украдены серебряные вещи, у меня возникли подозрения. — Голос мастера дрожал, а сам он побледнел как полотно. — Я тут же пошел к мессеру Бернардо и рассказал ему, что два гасконских солдата продали мне серебряные подсвечники, кубок и тарелки.

— Ты пришел к нему из страха или чувства долга?

Джакомо ответил не сразу. Его трясло. Наконец он заговорил:

— Мессер Бернардо — судья, уважаемый в городе человек. Я не раз

выполнял его заказы. Коли эти вещи краденые, я не хотел держать их у себя.

— Он говорит правду, ваша светлость, — добавил Бернардо. — Я пришел к нему и сразу узнал подсвечники и тарелки.

— Они мои, ваша светлость! — воскликнула одна из женщин. — Каждый скажет вам, что они мои!

— Тихо. — Герцог перевел взгляд на гасконцев. — Вы признаете, что украли эти вещи?

— Нет, нет, нет! — истерично закричал юноша. — Это ошибка. Клянусь душой матери, я этого не делал. Мастер обознался. Я никогда его не видел.

— Уведите, — приказал герцог. — На дыбу его. Может, тогда вспомнит.

— Нет, — взвизгнул юноша. — Я этого не перенесу.

— Уведите его.

— Я сознаюсь, — выдохнул гасконец.

Герцог довольно усмехнулся и повернулся ко второму.

— А ты?

Тот гордо откинул голову.

— Я не крал. Я взял эти вещи. Это наше право. Мы захватили город.

— Ложь. Мы не захватили город. Он сдался.

По неписаным правилам ведения военных действий в Италии тех времен города, взятые штурмом, отдавались солдатам на разграбление и они могли брать все, что попадалось под руку. Если же город капитулировал, его жители выплачивали крупную сумму на покрытие расходов армии-победительницы, а их жизнь и собственность оставались неприкосновенными. Поэтому горожане предпочитали сдать город и только в редких случаях стояли насмерть.

— По моему приказу солдаты обязаны оставаться вне стен города. Тот, кто посягает на честь, достоинство или собственность его жителей, должен быть казнен. — Герцог взглянул на офицера. — На заре повесить обоих на площади. Объявить в лагере, в чем заключалось их преступление и какое они понесли наказание. Около виселицы выставить охрану. Городскому глашатаю каждый час сообщать населению, что оно может положиться на справедливость своего повелителя.

— Что он говорит? — испуганно спросил юноша старшего гасконца, так как герцог, обращаясь к офицеру, перешел с французского на итальянский. Гасконец не ответил, только с ненавистью посмотрел на герцога. Борджа повторил приговор по-французски.

— Вас повесят на рассвете в назидание остальным. Юноша вскрикнул — казалось, его пронзила невыносимая боль — и упал на колени.

— Пощадите, пощадите! — зарыдал он. — Я слишком молод, чтобы умирать! Я не хочу умирать! Я боюсь!

— Уведите их, — сказал герцог.

Юношу подняли на ноги, он всхлипывал и продолжал что-то кричать. Второй гасконец, задыхаясь от ярости, плюнул ему в лицо. Пленников вывели. Герцог повернулся к Агапито да Амале.

— Проследи, чтобы их исповедовал священник. Меня будет мучить совесть, если они предстанут перед своим создателем, не получив возможности покаяться в грехах.

Секретарь, чуть улыбнувшись, кивнул и вышел из зала. А герцог — по всей видимости, в прекрасном расположении духа — обратился к кардиналу и Макиавелли:

— Надо же быть такими дураками. Непростительная глупость — продавать краденое там, где крадешь. Могли бы выждать и без всяких хлопот продать серебро в... Болонье или во Флоренции... — Тут он заметил серебряных дел мастера, переминавшегося с ноги на ногу у самых дверей. — Что ты тут делаешь?

— Кто отдаст мне деньги, ваша светлость? Я — бедный человек.

— Ты хорошо заплатил за эти вещи? — учтиво осведомился Эль Валентино.

— Я заплатил столько, сколько они стоили. Эти мерзавцы запросили слишком много. Я же не могу торговать себе в убыток.

— Пусть это послужит тебе уроком. Впредь не покупай серебра, если не уверен, что оно попало к продавцу честным путем.

— Я разорюсь, если потеряю эти деньги, ваша светлость.

— Убирайся! — взревел герцог, и бедняга шмыгнул за дверь, как испуганный кролик. Эль Валентино расхохотался.

— Еще раз прошу извинить меня, что пришлось прервать нашу беседу, — обратился он к Макиавелли. — Но полагаю, суд должно вершить скоро. Я хочу, чтобы мои подданные знали: они всегда могут прийти ко мне, если с ними дурно обошлись. Во мне они найдут справедливого судью.

— Мудрая политика для правителя, который хочет удержать власть, — добавил кардинал.

— Люди всегда смирятся с потерей политической свободы, если не будет затронута их личная свобода, — заметил герцог. — Они стерпят все, если никто не станет насиловать их женщин и грабить их дома.

Макиавелли с интересом наблюдал за происходящим. Он не сомневался: перед ним разыгрывается спектакль. Эль Валентино никогда не решится повесить подданных французского короля. Скорее всего, гасконцев уже освободили и, наградив щедрыми подарками, отправили обратно в лагерь. Спектакль же устроен, как догадывался Макиавелли, с расчетом, чтобы он рассказал в Синьории об эффективных методах правления герцога и не забыл, самое главное, упомянуть фразу, в которой говорилось о Флоренции и Болонье. Намек, что в скором времени войска герцога могут оказаться в этих городах, был слишком явным и, конечно, не ускользнул от Макиавелли.

Наступило неловкое молчание. Герцог поглаживал бородку, задумчиво глядя на флорентийца. Он явно стремился понять, кого же прислала Синьория для переговоров. Не желая встретить его изучающий взгляд, Макиавелли рассматривал ногти, как бы раздумывая, не пора ли их стричь.

Слова герцога смутили Макиавелли, а такое случалось нечасто. Ведь именно он настоял на казни Паоло Вителли, несмотря на побег Вителлоццо. Не сомневаясь в виновности кондотьера, он приложил все силы, чтобы убедить членов Совета в необходимости решительных действий. Он лично инструктировал людей, посланных за братьями Вителли. Но он даже и не подозревал, что Эль Валентино известно о его роли в этой истории. Видимо, герцог намеренно завел разговор о казни Паоло. Этот человек ничего не делал просто так. Вряд ли он хотел показать свою осведомленность в делах Республики, скорее преследовал цель поколебать уверенность Макиавелли в себе самом, заставить его быть несговорчивей. На губах флорентийца заиграла улыбка, он взглянул на Борджа. Герцог, казалось, только и ждал этого.

— Секретарь, хочу открыть вам тайну, об этом не знает ни одна живая душа.

— Мне уйти, кузен? — спросил кардинал.

— Нет, останься. Я полагаюсь на твое благоразумие, как и на благоразумие секретаря.

Макиавелли не сводил глаз с красавца герцога.

— Орсини чуть ли не на коленях умолял напасть на Флоренцию. Я не держу зла на ваш город, и ответил отказом. Но если ваше правительство хочет жить со мной в мире, ему следует поторопиться, пока я вновь не наладил отношений с Орсини. И я, и Флоренция — друзья короля Франции. Естественно предположить, что и между собой нам следует жить в дружбе и согласии. Имея общую границу, мы можем как облегчить, так и усложнить друг другу жизнь. Вы целиком зависите от наемных войск,

которыми командуют, прямо скажем, ненадежные капитаны. У меня своя армия, отлично подготовленная, хорошо вооруженная. А мои капитаны — лучшие в Европе.

— С недавних пор они так же ненадежны, как и наши, ваша светлость, — сухо заметил Макиавелли.

— У меня есть другие, которым я доверяю, как себе. Кто они, эти болваны, строящие козни за моей спиной? Глупец Паголо Орсини, Бентивольо со своей Болоньей, Бальони, дрожащий за Перуджу, Оливеротто да Фермо и Вителлоццо с его французской болезнью.

— Они сильны и восстали против вас.

— Мне известен каждый их шаг, и в нужный момент я приму необходимые меры. Поверьте мне, под их ногами горит земля, а они не из тех, кто сможет этот пожар загасить. Рассудите здраво: владея Урбино, я контролирую всю Среднюю Италию. Джидобальдо ди Монтефелтро был моим другом, и папа собирался выдать свою племянницу Анжелу Борджа за его племянника и наследника. Я никогда не напал бы на него, если бы не видел стратегической важности его герцогства. Мне пришлось сделать это, чтобы осуществить свои замыслы. Нельзя позволять чувствам вмешиваться в политику. А вам я предлагаю надежную защиту от врагов. Я со своей армией и вы со своим богатством, заручившись моральной поддержкой папы, станем самой могущественной силой Италии. Вместо того чтобы платить золотом за милости короля Франции, мы заставим его говорить с нами как с равными. И это время придет, если мы станем союзниками.

Слова герцога встревожили Макиавелли.

— У вас очень веские аргументы, ваша светлость. Никто не смог бы представить их более убедительно. Такое сочетание тактической мудрости великого полководца с умением рассчитывать самые отдаленные последствия принятого решения и даром оратора выпадает на долю одного человека раз в тысячу лет.

Герцог, улыбаясь, вяло запротестовал, но Макиавелли продолжал, хотя и понимал, что Эль Валентино ждет от него совсем других слов.

— Я обо всем напишу Синьории.

— Что это значит? — удивленно воскликнул герцог. — Столь важное дело не терпит отлагательства.

— Я не обладаю правом заключать соглашение.

Герцог вскочил.

— Тогда зачем вы сюда приехали?

В этот момент открылась дверь, и по спине Макиавелли пробежал холодок. Но вместо красно-желтых солдат Борджа в зал вошел Агапито да

Амала.

— Я прибыл сюда по требованию вашей светлости прислать посла для ведения переговоров с моим государством.

— Да, но полномочного посла.

Предельная вежливость герцога сменилась яростью. Сверкая глазами, он подошел к флорентийцу. Макиавелли встал.

— Синьория дурит мне голову. Вас прислали только потому, что вы не вправе принимать решения. Эта вечная нерешительность выводит меня из себя. Как долго они собираются испытывать мое терпение?

Кардинал, все время молчавший, попытался успокоить бурю, но герцог резко осадил его. Он метался по залу, извергая громы и молнии. Макиавелли молча наблюдал за ним. Наконец Эль Валентино бросился в кресло.

— Я глубоко оскорблен. Так и передайте вашему правительству.

— Меньше всего мое правительство хотело бы оскорбить вашу светлость. Мне поручено сообщить, что мятежники обратились к нам за помощью и получили отказ.

— Вы, как всегда, выживаете... — усмехнулся герцог, — полагаю, чтобы узнать, куда прыгнет кот.

Герцог был прав, и его слова задели Макиавелли. Но флорентиец остался совершенно спокойным.

— Синьория не питает симпатий ни к Орсини, ни к Вителлоццо. Мы хотим иметь с вами дружеские отношения, но я должен просить вашу светлость высказаться более определенно. Это необходимо для того, чтобы я мог сообщить во Флоренцию, какие конкретные положения вы хотели бы увидеть в будущем соглашении.

— Разговор закончен, — отрезал герцог. — Вы заставляете меня начать переговоры с мятежниками. Я могу привести их к повиновению хоть завтра, обещав Орсини напасть на Флоренцию.

— Флоренция находится под защитой короля Франции, — резко ответил Макиавелли. — В случае необходимости он обещал прислать нам четыреста кавалеристов и пехоту.

— Французы много обещают, когда им нужны деньги, но редко держат слово.

Действительно, флорентийцы часто страдали от жадности и лживости короля Франции. Получив золото, он тянул и тянул время, а потом, бывало, посылал вдвое меньше солдат, чем обещал. Герцог не мог выразиться яснее. Либо Республика заключает с ним договор (а во всей Италии не было более вероломного союзника, чем Борджа), либо готовится к

отражению нападения войск герцога и мятежных капитанов. Шантаж! Макиавелли лихорадочно искал выход из создавшегося положения. Нужно было оставить хоть какую-то лазейку для продолжения переговоров. Но герцог не позволил ему говорить.

— Чего вы ждете, секретарь? Можете идти.

Он не потрудился ответить на глубокий поклон Макиавелли. Агапито да Амала проводил посла до дверей.

— Его светлость — вспыльчивый человек и не привык, когда ему перечат, — пояснил он.

— Я это заметил, — холодно ответил Макиавелли.

Пьеро и курьер ждали Макиавелли в караульном помещении. Втроем они вышли из дворца и направились к «Золотому льву». Там они хорошо и вкусно поели, выпили красного вина, хотя и уступающего тосканскому, но достаточно крепкого и приятного на вкус. Поразмыслив, Макиавелли пришел к выводу, что беседа с герцогом прошла небесполезно. Эль Валентино явно нервничал, раз позволил себе вспылить, а настойчивое требование немедленного союза с Флоренцией свидетельствовало о шаткости его положения. Настроение Макиавелли улучшилось. Неучтивость герцога его не огорчила: он был готов к этому. Закончив трапезу, он попросил слугу отвести его в монастырь. Монахи выделили флорентийцу просторную келью, а Пьеро и курьеру пришлось расположиться в коридоре на соломенных матрацах среди прочих путешественников, благодаривших бога за крышу над головой. Перед тем как лечь спать, Макиавелли написал письмо Синьории, в котором подробно изложил события прошедшего дня. На заре курьеру предстояло увезти послание во Флоренцию.

— А ты напиши Биаджо. Пусть он успокоит твою мать, сообщит ей о твоём благополучном прибытии, — сказал он Пьеро. — И попроси его прислать мне Плутарха.

Макиавелли взял в дорогу только своего любимого Данте и «Анналы» Ливия. Когда Пьеро закончил, Макиавелли без особых церемоний взял письмо и прочел его:

«Мессер Никколо молчал все утро, и, понимая, что его ум занимают важные проблемы, я старался не докучать ему. Но после обеда он заговорил. Более остроумного и доброжелательного человека я не встречал. Даже не заметил, как доехали до Имолы. Мессер Никколо полагает, что у меня хороший голос. Жаль, я не взял с собой лютню. Он просит прислать сочинения Плутарха».

— Отличное письмо, — улыбнулся Макиавелли. — Твоя мать будет довольна. Ну а теперь пора и отдохнуть. У нас был трудный день.

Макиавелли не привык долго спать. Он поднялся с рассветом и позвал Пьеро помочь ему одеться. Долго оставаться в монастыре он не собирался: не хотел, чтобы вся Имола знала, как и с кем он проводит время. Макиавелли не без оснований полагал: визиты некоторых гостей целесообразно сохранять в тайне.

Курьер уже ускакал во Флоренцию. И Макиавелли вместе с Пьеро отправился в «Золотой лев». Шли они по узким, извилистым улочкам. Смена власти никак не ощущалась в маленькой Имоле. Горожане занимались своими делами. Казалось, ничто не потревожило мирного течения их жизни. Многочисленные пешеходы расступались, пропуская всадников или вереницу ослов, навьюченных дровами. Разносчик иголок и булавок, ниток и лент громко расхваливал свой товар. Все лавочки гостеприимно раскрыли двери. Кто-то покупал молоко, женщина примеряла башмаки, цирюльник стриг мужчину. Все дышало спокойствием и процветанием. Ни один нищий не приставал к прохожим.

В «Золотом льве» Макиавелли заказал хлеба и вина. Хлеб, смоченный вином, казался приятнее на вкус. Под крепившись, они пошли к цирюльнику. Тот побрил Макиавелли, брызнул ароматной водой на его короткие волосы и причесал их. Все это время Пьеро задумчиво поглаживал свой гладкий подбородок.

— Я думаю, мне надо побриться, мессер Никколо.

— А я полагаю, тебе можно подождать еще пару месяцев, — улыбнулся Макиавелли и добавил, обращаясь к цирюльнику: — Причеши его. И не забудь подушить.

Когда Пьеро встал, Макиавелли спросил цирюльника, как пройти к дому некоего мессера Бартоломео Мартелли. Объяснения оказались такими путанными, что Макиавелли попросил найти кого-нибудь, кто бы отвел их к мессеру Бартоломео. Цирюльник кликнул игравшего на улице оборвыша и велел ему показать дорогу. Они вышли на площадь, по случаю ярмарки запруженную повозками крестьян, привезших в город овощи, фрукты, цыплят, мясо и сыр, и лотками ремесленников, продающих посуду, инструменты, одежду, обувь. Люди торговались, покупали, просто смотрели. Залитая ярким октябрьским солнцем площадь грохотала. Когда Макиавелли и Пьеро проходили мимо дворца герцога, раздался удар гонга и шум на площади разом стих.

— Это глашатай! — воскликнул мальчишка. — Пойдемте послушаем, что он скажет.

Толпа ринулась вперед, и на другой стороне площади Макиавелли увидел виселицу, на которой качались тела двух мужчин. Забыв обо всем, их провожатый уже бежал туда, в центр событий. Глашатай начал говорить, но Макиавелли стоял слишком далеко и ничего не слышал.

— Что там случилось? — спросил он толстуху с лотком. — О чем он говорит?

Она пожала плечами.

— Вздернули двух воров. Герцог приказал каждые полчаса до полудня объявлять, что повешены они за кражу собственности горожан. Говорят, это французские солдаты.

Макиавелли вздрогнул. Ничего подобного он предвидеть не мог. Протискиваясь сквозь плотную толпу, он не сводил глаз с повешенных. Ему нужно было удостовериться самому. Глашатай закончил речь, сошел с помоста и беспечно зашагал прочь. Люди начали расходиться, и Макиавелли удалось подойти к виселице. Без сомнения, это вчерашние гасконцы, хотя лица их страшно искажены, — мужчина с бородой и юноша с бегающими глазками, приговоренные герцогом к смерти. Значит, он ошибся и комедии не было. На душе стало тревожно.

Маленький провожатый коснулся руки Макиавелли.

— Жаль, что я не видел, как их вешали, — сказал он.

— Это зрелище не для детей, — рассеянно ответил Макиавелли, занятый своими мыслями.

— Вешают у нас часто, — улыбнулся мальчишка. — Они так забавно пляшут в воздухе.

— Пьеро!

— Я, здесь мессер Никколо.

— Пошли, мальчик, отведи нас к мессеру Бартоломео.

Остаток пути Макиавелли шел молча. Он хотел разгадать замысел Эль Валентино. Почему герцог повесил двух несомненно нужных ему солдат, укравших какую-то ерунду, когда дюжина плетей — вполне достаточное наказание за их проступок? Разумеется, человеческую жизнь он ни в грош не ставил. Но вряд ли он так уж стремился завоевать расположение жителей Имолы, что рискнул вызвать гнев командира гасконцев, не говоря о самих войсках. Макиавелли никак не мог найти разумное объяснение случившемуся. Интуиция подсказывала ему: смерть гасконцев и его присутствие в Имоле каким-то образом связаны. Иначе герцог никогда бы не стал лично заниматься этим делом. И уж, во всяком случае, не прервал

бы важную беседу с послом ради такого пустяка, как пара украденных тарелок. Хотел ли он показать Республике свою независимость от короля Франции? А может, все дело в тех невольно вырвавшихся словах, что гасконцы могли бы безбоязненно реализовать добычу во Флоренции? Но кто мог знать замыслы, зреющие в коварном мозгу Эль Валентино?

— Мессер, вот этот дом, — неожиданно сказал мальчик.

Макиавелли дал ему серебряную монетку, и оборванец убежал, не веря своему счастью. Пьеро поднял и отпустил бронзовое дверное кольцо. Никто не появился, и Пьеро постучал еще раз.

С Бартоломео Мартелли, хозяином дома, Макиавелли не был знаком, и Синьория поручила ему связаться с ним. Человек влиятельный, член городского управления, Мартелли пользовался заслуженным уважением в Имоле. Ему принадлежали обширные участки земли и несколько домов в самом городе. Отец Бартоломео нажил большое состояние на торговле с Левантом. Он сам в юности прожил несколько лет в Смирне. Именно там и завязались его отношения с Флоренцией: флорентийцы издавна торговали с Ближним Востоком. Отец Бартоломео женился на дочери флорентийского купца, с которым вел торговые дела. Он, как оказалось, приходился дальним родственником Биаджо Бонаккорси: бабки Биаджо и Бартоломео по материнской линии были сестрами. Собственно, поэтому Биаджо и удалось уговорить Макиавелли взять с собой Пьеро. Его родство с мессером Бартоломео несомненно поможет Макиавелли найти подход к этому полезному для дела человеку.

Бартоломео действительно мог оказаться очень полезным. По существу, первый человек в Имоле, именно он настоял на капитуляции города. А герцог, щедрый в отношении чужой собственности, подарил ему поместье, владение которым давало право на титул графа. Об этом Макиавелли узнал от словоохотливого цирюльника, не оставившего без внимания тот факт, что, став графом, Бартоломео чуть ли не прыгал от счастья. Герцог поручал ему ведение многих торговых операций. И хотя Эль Валентино мало кому доверял, Макиавелли не сомневался, что Бартоломео знает о планах герцога больше, чем кто-либо, и со временем расскажет ему обо всем. Синьория имела власть над ним. Во Флоренции Бартоломео принадлежали два дома, оставшиеся ему в наследство от матери. И было бы жаль, если бы случайный пожар превратил их в груды пепла. А еще ведь могут расстроиться торговые дела на Востоке.

«Хорошо иметь друзей, — размышлял Макиавелли, — и хорошо, когда они знают, что за любой недружеский поступок ты можешь отомстить».

Дверь открыл слуга. Макиавелли представился и спросил, дома ли хозяин.

— Граф ждет вас, — ответил слуга.

Он провел их во двор, затем по наружной лестнице на второй этаж, открыл одну из дверей, и они вошли в небольшую комнату, по-видимому, кабинет. Через пару минут появился Бартоломео и сердечно приветствовал

гостей.

— Я слышал о вашем приезде, мессер Никколо, и с нетерпением ждал вас к себе.

Бартоломео, высокий, полный мужчина лет сорока, с красным лоснящимся от жира лицом, длинными, начавшими редеть волосами, с двойным подбородком и большим животом, с первого взгляда не понравился Макиавелли. Сам худой, как щепка, он не любил толстяков. В Италии, говорил Макиавелли, нельзя растолстеть, не обирая вдов и сирот.

— Биаджо Бонаккорси написал мне о вашем приезде. Курьер привез письмо еще вчера.

— Да, я знаю. Познакомьтесь, это Пьеро Джакомини, сын сестры нашего дорогого Биаджо.

Бартоломео обнял юношу, прижал к животу и расцеловал в обе щеки.

— Вы родственники? — спросил Макиавелли.

— Разве вы не знали? Моя бабушка и бабушка Биаджо были сестрами.

— Странно, Биаджо мне никогда об этом не говорил. А тебе, Пьеро?

— Нет, мессер Никколо. И матушка мне ничего не рассказывала.

Макиавелли отрицал хорошо известный ему факт, потому что придерживался одного мудрого правила: никогда не показывай, насколько хорошо ты осведомлен, если на то нет особых причин. Порадовал его в этой ситуации Пьеро. Он без колебания вступил, в предложенную игру. Смышленный мальчуган. Бартоломео предложил гостям присесть. В кабинете не было камина, но жаровня с горящими углями давала достаточно тепла. Бартоломео спросил о своих друзьях во Флоренции, куда он часто навещался по делам, и Макиавелли, как мог, удовлетворил его любопытство. Вскоре разговор зашел о Пьеро Содерини, накануне избранном пожизненным гонфалоньером.

— Он — мой хороший друг, достойный, честный человек, — сказал Макиавелли. — Это он настоял, чтобы в Имолу поехал именно я, — добавил флорентиец, давая понять, что пользуется расположением главы Республики.

— Очень рад знакомству с вами. Можете всегда рассчитывать на мою помощь. Я просил Биаджо прислать мне рулон тонкого полотна, но у вас, вероятно, не было возможности привезти его.

Биаджо постоянно осаждали просьбами, и он помогал всем и каждому. Но так бессовестно, как Макиавелли, его никто не эксплуатировал.

— Напротив... Я привез его, — ответил Макиавелли. — Правда, полотно осталось у моих слуг, а они приедут в Имолу только сегодня вечером.

— Жена хочет сшить мне несколько рубашек. Монахини научили ее вышивать, и, скажу без хвастовства, искусней ее нет женщины в Имоле.

Макиавелли размышлял. Он пытался понять, что представляет из себя этот пышущий здоровьем и, видимо, любящий выпить и поговорить толстяк. Не скрывается ли за маской радушия и сердечности хитрый интриган? Ведь он пользовался репутацией делового человека, не упускающего выгодной сделки. Макиавелли завел разговор о состоянии дел в Имоле. И Бартоломео на все лады стал расхваливать герцога. Эль Валентино добросовестно соблюдал условия капитуляции. Запрошенная им сумма выкупа оказалась вполне приемлемой, и большую часть он собирался потратить на благоустройство города, ведь Имола стала столицей созданного им государства. Герцог решил построить новый дворец, дом собраний для купцов, где те без помех могли бы обсуждать свои дела, и больницу для бедняков. В городе царил порядок, меньше стало совершаться преступлений, а суд творился без малейшего промедления. Перед законом были равны богач и бедняк. Процветала торговля, исчезла коррупция. Войска стояли вне города, что снижало расходы на их содержание. Короче, к полному удовлетворению горожан, Имола вступила в полосу благоденствия.

— А что произойдет с вами, если капитаны сбросят герцога и захватят город? — с улыбкой спросил Макиавелли.

Бартоломео расхохотался.

— Они ничего не добьются. Без герцога они — пустое место, и им это хорошо известно. Вот увидите, скоро они вновь будут у него на службе.

Макиавелли никак не мог решить для себя, верил ли Бартоломео в то, что говорил, хотел ли верить или говорил просто для того, чтобы поверил Макиавелли. За этой искренностью, простодушием, дружеской улыбкой могло скрываться все что угодно.

— Мессер Бартоломео, вы были так любезны, предложив свою помощь. Подскажите, пожалуйста, где бы я мог остановиться на время вместе с Пьеро и слугами.

— Лучше бы вы попросили о чем-нибудь другом, — рассмеялся Бартоломео. — Город заполнили приближенные герцога и все эти прихлебатели-поэты, художники, архитекторы, инженеры, не говоря уж о купцах, торговцах, приехавших сюда либо по делам, либо в поисках денег.

— Я не собираюсь оставаться в Имоле дольше, чем того требует необходимость. Но я выполняю поручение Синьории и не могу заниматься делами в монастырской келье.

— Я спрошу у тещи. В таких делах она разбирается лучше меня.

Пойду позову ее.

Бартоломео вышел из кабинета, а вернувшись, предложил гостям следовать за ним. Он провел их в большую просторную комнату с расписными стенами и камином. Дамы вышивали у огня. При появлении незнакомцев они поднялись и ответили реверансом на их низкие поклоны.

— Это мать моей жены, монна Катерина Каппелло, — представил Бартоломео миловидную женщину средних лет. — А это моя жена.

По возрасту она скорее годилась ему в дочери. Следуя моде тех дней, она выкрасила волосы — из жгучей брюнетки превратилась в блондинку, а смуглая кожа ее лица, шеи и груди стала белоснежной благодаря толстому слою пудры. Сочетание золотистых волос с красивыми черными глазами и тоненькими ниточками черных бровей производило неотразимое впечатление. Светло-серое платье с низким вырезом, широкой юбкой и пышными рукавами плотно облегалo ее стройный стан. Девичья невинность сочеталась в ее красоте со зрелостью женщины. Макиавелли вдруг охватило волнение, сердце учащенно забилося.

«Хороша, — подумал он про себя. — С удовольствием провел бы с ней ночь».

Мужчины сели, и Бартоломео рассказал монне Катерине о просьбе Макиавелли, а затем, как бы вспомнив, сообщил, что Пьеро приходится ему кузенom. При этих словах обе женщины улыбнулись, и Макиавелли не без удовольствия отметил, какие белые ровные зубки у жены Бартоломео.

— Не хотели бы господу подкрепиться? — спросила монна Катерина.

Сказав, что они уже завтракали, Макиавелли отказался. Но гостеприимный хозяин уговорил его выпить хотя бы стаканчик вина — оно ведь еще никому не повредило.

— Аурелия, пойди скажи Нине, — улыбаясь, обратился он к жене.

Молодая женщина вышла, и Бартоломео вновь заговорил о жилье для Макиавелли.

— Это невозможно, — покачала головой монна Катерина. — Во всем городе не осталось ни одной свободной комнаты. Хотя, постойте. Может быть, Серафина согласится поселить их у себя, ведь мессер Никколо — важная персoна, а этот юноша — ваш кузен. Правда, до сих пор она отказывалась сдавать комнату. Только на днях я стыдила ее за это. Сейчас люди отдадут что угодно за крышу над головой.

Как объяснил Бартоломео, монна Серафина — вдова одного из его посредников в Леванте — живет в принадлежащем ему доме. Ее старший сын работает в конторе Бартоломео в Смирне, а двое младших — мальчик, готовящийся стать священником, и девочка лет четырнадцати — жили

вместе с ней. Из-за детей Серафина и отказывалась пускать в дом чужих людей, опасаясь их дурного влияния.

— Едва ли она откажет вам, сын мой, особенно если вы проявите должную настойчивость.

Обращение монны Катерины к этому толстяку как к своему сыну вызвало улыбку Макиавелли: если она и родилась раньше Бартоломео, то не больше чем на два или три года.

— Я отведу вас к Серафине, — кивнул Бартоломео. — Думаю, мы все уладим.

В комнату вошла Аурелия, следом за ней служанка с серебряным подносом, на котором стояли бокалы, бутылка вина и блюдо со сладостями. Аурелия села и продолжила вышивание.

— Мессер Никколо привез полотно, дорогая, — сказал Бартоломео. — Теперь ты сможешь сшить мне рубашки. Аурелия улыбнулась, но ничего не ответила.

— Позвольте мне показать вам, какая она искусница. — Бартоломео подошел к жене и взял ткань, над которой она работала.

— Нет, Бартоломео, это же не твоя рубашка.

— Если мессер Никколо никогда не видел женского белья, то ему пора расширить свой кругозор.

— Я женат, монна Аурелия, — улыбнулся Макиавелли.

— Обратите внимание на красоту и изящество рисунка.

— Неужели она придумала это сама?

— Конечно. Она у меня просто чудо.

Макиавелли не замедлил высказать восхищение мастерством Аурелии, получив в награду улыбку ее прекрасных глаз. Когда вино было выпито, а сладости съедены, Бартоломео предложил пройти к вдове Серафине.

— Ее дом совсем рядом, — сказал он.

Мужчины спустились вниз, пересекли маленький двор с водоемом и через калитку вышли в узкий переулок. Напротив в заборе оказалась другая дверь.

— Нам сюда, — пояснил Бартоломео.

Такое жилище как нельзя лучше подходило Макиавелли. Тут он мог принимать гостей без излишней огласки. Бартоломео постучал, и минуту спустя дверь открыла высокая седая женщина с бледным морщинистым лицом и потухшими глазами. Подозрительный взгляд, которым она встретила незнакомцев, исчез при виде Бартоломео, и она пригласила их войти.

— Это мессер Никколо Макиавелли, первый секретарь Второй

канцелярии, посол Флорентийской республики, а юноша — мой кузен, племянник моего близкого друга и родственника Биаджо Бонаккорси, — представил их Бартоломео.

Монна Серафина провела гостей в дом, и Бартоломео сообщил о цели их визита. Она нахмурилась.

— Мессер Бартоломео, вы же знаете, я всем отказываю. В доме маленькие дети. А я ничего не знаю об этих людях.

— Я знаю, Серафина, я знаю... и могу поручиться за них. Пьеро — мой кузен. Он станет другом твоему Луиджи.

Серафина продолжала упрямыться, а Бартоломео с добродушной непосредственностью втолковал ей, что дом принадлежит ему и он может выставить ее на улицу, а сына выгнать с работы. Серафина тяжело вздохнула и с мрачной улыбкой сказала, что рада услужить Бартоломео и его друзьям. Все устроилось как нельзя лучше: Макиавелли получил комнату и право пользоваться гостиной. Пьеро поселился с Луиджи, а для слуг Серафина обещала постелить на чердаке матрацы. Правда, за жилье она запросила чересчур много, но Макиавелли торговаться не стал. Он прекрасно знал: хочешь завоевать чье-либо расположение — дай себя обокрасть. Монне Серафине пришлось уступить Макиавелли свою комнату, а самой с дочерью перебраться на первый этаж.

Договорившись с Серафиной, Бартоломео вернулся домой, а Макиавелли и Пьеро пошли пообедать в «Золотой лев». Когда обед подходил к концу, появились слуги, прибывшие из Скарперии. Макиавелли попросил Пьеро показать им дорогу в монастырь и забрать оставленные там переметные сумы.

— Возьми полотно и сходи к мессеру Бартоломео. Уговори служанку отнести его дамам. Она ведь прехорошенькая, эта служанка. Воспользуйся случаем, познакомься с ней поближе. Потом возвращайся к Серафине и жди меня. — Макиавелли помолчал немного и добавил: — Женщина она словоохотливая и, по всей видимости, любит посплетничать. Посиди с ней, поговори. Она будет только рада. Расскажи ей о своей матери. И разузнай, что сможешь, о Бартоломео, его жене и монне Катерине. Серафина наверняка имеет зуб против нашего приятеля, слишком уж многим она ему обязана. Ты юн, у тебя открытое честное лицо, и, если ты сумеешь расположить ее к себе, она выплеснет все, что накопилось у нее на душе. А для тебя это будет хорошим уроком. Ты поймешь, как с помощью добрых слов и сладких улыбок можно заставить человека обнажить свои чувства.

— Мессер Никколо, а почему вы так уверены, что монна Серафина ненавидит Бартоломео?

— Я вовсе не уверен. Возможно, она всего лишь глупая болтунья. Но не забывай: он богат, она бедна и целиком зависит от его милости. А ноша благодарности нелегка. Поверь мне, куда легче простить оскорбление врагу, чем благодеяние другу.

Макиавелли сухо улыбнулся и вышел. Его ждала встреча с неким Джакомо Фаринелли, изгнанным из Флоренции вместе с Медичи и в настоящее время служившим у герцога. Желая вернуться во Флоренцию и получить обратно конфискованное имущество, Фаринелли всеми силами старался завоевать расположение флорентийского посла. Он подтвердил сказанное утром Бартоломео. Новых подданных герцога вполне устраивало его правление — суровое, но справедливое. Тирания сменилась свободой, которой они не знали уже сотню лет. Взяв по одному мужчине из каждого дома, находившегося в его владениях, герцог создал собственную армию, куда более надежную, чем отряды наемников. Гасконцев в любой момент мог отозвать их король, швейцарцы с удовольствием переходили на сторону того, кто больше платит, а там, где проходили германцы, оставалась

выжженная земля. Солдаты же герцога, вымуштрованные и хорошо вооруженные, гордились своей желто-красной формой и по его приказу пошли бы в огонь и в воду.

— А что слышно о капитанах Вителлоццо и Орсини? — спросил Макиавелли.

— Ничего. Никто не знает, что они делают.

— А какое настроение во дворце?

— Все ведут себя так, как будто ничего не произошло, — ответил Фаринелли. — Герцог почти все время проводит в своих апартаментах. А секретари даже веселы. Во всяком случае, я давно не видел мессера Агапито в таком благодушном настроении.

Макиавелли нахмурился. Герцог что-то замышлял, в этом он не сомневался. А Фаринелли — хотя и старался рассказать все, что знал, — похоже, так и не поумнел. Макиавелли вернулся к себе. Пьеро терпеливо ждал его.

— Ты передал полотно?

— Да. Мессер Бартоломео ушел во дворец. А служанка просила подождать, пока она отнесет полотно. Потом вернулась и сказала, что госпожа лично хочет поблагодарить меня. И я поднялся наверх.

— Выходит, ты не подружился со служанкой?

— Не представилось случая.

— Ну, чтобы сказать девушке, как она мила, особого случая не требуется.

— Госпожа и ее мать встретили меня очень приветливо. Угостили вином, фруктами, пирожными. И забросали вопросами.

— О чем же они спрашивали?

— В основном о вас. Давно ли вы женаты, на ком, хороша ли собой монна Мариетта.

— А с Серафиной ты поговорил?

— В отношении нее, мессер, вы оказались правы. И если бы вы не пришли, она продолжала бы говорить. Я думал, она никогда не остановится.

Пьеро закончил рассказ, и Макиавелли довольно улыбнулся.

— Ты молодец, Пьеро. Я знал, стареющая женщина не останется равнодушной к твоей юности и доверится тебе.

Пьеро удалось разузнать довольно много. Герцог благоволил к Бартоломео, и в Имоле тот стал чуть ли не первым человеком. Все отмечали его честность, доброту, щедрость и набожность. Аурелия была его третьей женой. Первая умерла от холеры через восемь лет после

женитьбы. Со второй он жил одиннадцать лет, до самой ее смерти. Обе принесли ему хорошее приданое, но не порадовали детьми. Три года он оставался вдовцом, а потом неожиданно женился на Аурелии, уроженке Синигалы, маленького порта на Адриатическом море. Ее отец был владельцем и капитаном торгового судна, возившего товары в далматские города. Во время шторма он пропал без вести вместе с кораблем, и его вдове пришлось зарабатывать на жизнь вышиванием. К тому времени она жила только с одной дочерью: две старшие вышли замуж, а сын исчез вместе с отцом. Аурелии исполнилось шестнадцать, когда ее случайно увидел Бартоломео. Красота девушки поразила его. Конечно, ни по происхождению, ни по положению она не была для него выгодной партией. Но он страстно мечтал о сыне. Дважды женившись на бесплодных женщинах, он не хотел и в третий раз совершить ту же ошибку. Бартоломео навел справки и узнал, что монна Катерина родила шестерых (двое умерли в младенчестве), а у каждой из ее замужних дочерей по три-четыре ребенка. Но Бартоломео не торопился. Через посредника он предложил монне Катерине поселиться с дочерью на одной из вилл, недалеко от Имолы, и в случае рождения ребенка пообещал признать его законным наследником. Он даже намекнул, что женится на Аурелии, если та родит ему сына. Но монна Катерина — либо по религиозным убеждениям, а скорее всего житейский опыт подсказал — с негодованием отвергла это предложение. Скорее она отдаст любимое дитя в монастырь, чем позволит стать наложницей купца. Красота Аурелии не давала Бартоломео покоя. Пожалуй, ни одна из молодых женщин Имолы не привлекала его так, как она. К тому же ни у одной из них не было столько сестер и племянников. Человек дела, Бартоломео прекрасно понимал: за нужный товар платят назначенную цену. Он попросил у монны Катерины руку Аурелии и сразу получил ее благословение. А поразмыслив хорошенько, пришел к выводу, что благоразумнее будет взять в Имолу и монну Катерину: та в его отсутствие присмотрит за молодой женой.

— «Старый дурак доверяет ей. Вы только посмотрите на нее, похожа она на верную жену? Уверена, как только муженек выходил в море, она моментально забывала о добродетели», — передразнивая Серафину, рассказывал Пьеро.

— Несомненно, она не любит монну Катерину, — заметил Макиавелли. — Интересно, почему? Скорее всего, сама хотела выйти замуж за Бартоломео. А может, просто завидует?

Молодые жили счастливо. Бартоломео восхищался молодой Аурелией, дарил ей красивые наряды и украшения. Покорная и почтительная, она

выполняла все желания мужа. Однако со дня свадьбы прошло уже три года, а детей у них все не было. Бартоломео страдал. Теперь, став графом, он хотел наследника как никогда раньше.

— А не намекала ли монна Серафина, что прекрасная Аурелия изменяет мужу? — улыбаясь, спросил Макиавелли.

— Нет. Она редко выходит из дому, только к мессе и обязательно с матерью или со служанкой. По словам монны Серафины, Аурелия очень набожна, считает прелюбодеяние смертным грехом.

Макиавелли задумался.

— Когда ты рассказал обо мне, ты случайно не упомянул, что монна Мариетта беременна?

Пьеро покраснел.

— Я думал, это не секрет.

— Ничего страшного. Хорошо, что они узнали.

Макиавелли многозначительно улыбнулся.

Как уже говорилось, женился он на монне Мариетте не по любви. Она была рачительной хозяйкой и в скором будущем готовилась стать матерью его ребенка, и прекрасной матерью, Макиавелли в этом не сомневался. Он уважал Мариетту, однако не считал себя обязанным хранить ей верность. Аурелия поразила его. Макиавелли взволновала не только ее красота: еще ни одна женщина не вызывала у него такого страстного желания.

«Она будет моей, даже если мне придется умереть», — подумал он про себя.

Макиавелли хорошо разбирался в психологии женщин: редкая из них могла устоять перед его напором. Он не питал иллюзий относительно своей внешности. Многие мужчины были красивее, да и богаче, чем он. Но Макиавелли как никто умел расположить женщину к себе. Он забавлял их, и его комплименты пришлись бы по вкусу любой. А главное, он пылко влюблялся в них и его чувство редко оставалось без ответа.

«Когда женщина каждой клеточкой ощущает страсть мужчины, она может устоять, если только безумно влюблена в другого», — как-то сказал он Биаджо.

Макиавелли и мысли не допускал, что Аурелия любит своего мужа, этого толстяка, лет на двадцать старше ее. И Бартоломео, конечно, понимал, какая опасность ему грозит — в городе много молодых мужчин, приближенных герцога, несомненно, заметивших красоту Аурелии, — и наверняка принял меры предосторожности. Подозрительного вида слуга явно приставлен следить за своей госпожой. Да и мать Аурелии всегда начеку. Правда, в молодости монна Катерина, по словам Серафины, любила

погулять, но теперь, в более зрелом возрасте, она могла вознегодовать от одного намека на внебрачную связь дочери. И Бартоломео вряд ли простит измену. Он человек тщеславный, а Макиавелли знал: нет людей более мстительных, чем тщеславные. Короче, Макиавелли брался за сложное дело, но, уверенный в себе, не сомневался, что справится с любыми трудностями. Ему предстояло усыпить бдительность Бартоломео и наладить отношения с монной Катериной. Хорошо, что он поручил Пьеро поговорить с Серафиной. Теперь он имел хоть какое-то представление о положении дел. Но нужно узнать все до мельчайших подробностей. А со временем он что-нибудь да придумает. Придется поломать голову, цель стоит того.

— Пошли ужинать, — позвал он Пьеро. Из «Золотого льва» они вновь вернулись в дом Серафины. Она сидела на кухне и штопала чулки. Отправив Пьеро спать, Макиавелли спросил разрешения и присел погреться у огня. Скоро, он полагал, монна Катерина начнет расспрашивать Серафину о ее постояльце, и ему хотелось, чтобы она представила его в выигрышном свете. Он рассказал Серафине о своей поездке во Францию, о встречах с королем и его министром-кардиналом, о любовных похождениях знатных дам. Затем заговорил о Мариетте и, тяжело вздохнув, долго сокрушался, что ему пришлось оставить ее одну, а он так хотел быть рядом с ней. Макиавелли не составило труда убедить Серафину, что у нее поселился честный, добропорядочный человек и верный любящий муж. Он сочувственно выслушал рассказ Серафины о болезни и смерти мужа, о лучших, но уже ушедших днях, о том, как трудно прокормить и поставить на ноги детей. План Макиавелли удался на славу. Он просто очаровал Серафину. А когда он признался в том, что у него больной желудок, Серафина, вполне естественно, предложила готовить ему и Пьеро. Макиавелли это очень даже устраивало — удобно и дешево. Поблагодарив Серафину, он поднялся к себе и читал Ливия, пока не заснул.

Утром Макиавелли решил подольше не вставать. Он открыл одну из песен «Ада». Дантову поэму Макиавелли знал почти наизусть и не переставал восторгаться красотой ее языка. Чтение доставляло ему истинное наслаждение. Но сейчас он никак не мог сосредоточиться, время от времени откладывал книгу и погружался в размышления. Его преследовал образ Аурелии, сидящей у камина за вышиванием. Он мечтал вновь увидеть ее. Вполне вероятно, что при новой встрече она показалась бы ему менее привлекательной. В каком-то смысле это только обрадовало бы Макиавелли: ему хватало дел и без любовных интриг. Хотя после забот политических ласки Аурелии представлялись ему особенно приятными. Его размышления прервал слуга. Он сообщил, что пришел мессер Бартоломео. Макиавелли быстро оделся и спустился вниз.

— Граф, прошу извинить за задержку, я заканчивал письмо Синьории, — солгал он.

Бартоломео явно польстило такое обращение, хотя он и заметил: мол, можно обойтись без громких титулов. Он принес интересные новости. Вооруженные крестьяне воспользовались строительными работами по укреплению крепости Сан-Лео, неподалеку от Урбино, сломали ворота и вырезали гарнизон герцога. При этом известии восстали все соседние деревни. Эль Валентино, узнав о нападении, пришел в ярость. Он не сомневался: за крестьянами стоят мятежные капитаны. Значит, они решились на открытый конфликт с ним. Дворец бурлил в ожидании дальнейших событий.

— Какими силами располагает герцог? — спросил Макиавелли.

— Поезжайте в лагерь и посмотрите сами, — предложил Бартоломео.

— Едва ли мне удастся получить разрешение герцога.

— Тогда присоединяйтесь ко мне. Я как раз еду в лагерь и могу взять вас с собой.

Макиавелли вдруг осенило. Конечно, Бартоломео пришел не для того, чтобы сообщить о взятии крепости — не такой уж это секрет, а чтобы по поручению герцога пригласить поехать в войска. Как охотник, слышавший шорох в кустах, Макиавелли насторожился.

— Вы, должно быть, очень влиятельный человек. Не каждому разрешено свободно приходить и уходить из лагеря.

— Ну что вы, — заскромничал Бартоломео. — Просто герцог поручил

мне снабжение войск.

— Наверное, вы неплохо зарабатываете на этом, — подмигнул Макиавелли.

Бартоломео довольно рассмеялся.

— Наоборот, едва покрываю расходы. С герцогом шутки плохи. В Урбино войска чуть не взбунтовались из-за плохой пищи. Герцог провел расследование и, убедившись, что претензии солдат справедливы, повесил трех поставщиков.

Они отправились в лагерь, находившийся в трех милях от города. Герцог располагал тремя отрядами по пятьдесят кавалеристов под командованием испанских капитанов, конным отрядом из ста римских аристократов, присоединившихся к его армии в поисках славы и богатства, и более чем двумя тысячами наемников. Прибытие шести тысяч мобилизованных солдат герцога ожидалось со дня на день. Кроме того, одному из секретарей Эль Валентино поручил сформировать отряд из пятисот гасконцев, рассеянных по всей Ломбардии, а другому — нанять полторы тысячи швейцарцев. Значительную силу представляла и мощная артиллерия герцога. Макиавелли внимательно наблюдал, задавая множество вопросов и солдатам, и офицерам. И в конце концов пришел к выводу: недооценка сил герцога может привести к опасным последствиям.

Дома Макиавелли ждала записка Агапито да Амалы. Герцог назначил ему аудиенцию на восемь часов. После обеда Макиавелли послал Пьеро к Бартоломео передать приглашение посидеть вечером в «Золотом льве», выпить немного вина. Пока только через мужа он мог увидеться с Аурелией, а для этого он должен подружиться с ним. Предложение провести вечер с флорентийским послом наверняка польстит самолюбию Бартоломео.

Немного отдохнув, Макиавелли решил еще раз поговорить с Серафиной. В беседе с Пьеро она хорошо отзывалась о Бартоломео. Вероятнее всего, из осторожности, полагал Макиавелли. Если он хоть как-то разбирался в людях, она скорее обижена на этого толстяка, чем признательна ему за его милости.

Спускаясь вниз, Макиавелли запел флорентийскую песенку — своего рода маленькая хитрость.

— Вы здесь, монна Серафина? — притворно удивился он, заглядывая на кухню. — А я думал, вы ушли.

— У вас чудесный голос, мессер Никколо.

— Благодарю за комплимент. Можно войти на минутку?

— У моего старшего сына тоже прекрасный голос. Мессер

Бартоломео, бывало, приглашал его к себе, и они пели вместе. У мессера Бартоломео — бас. Странно, что у такого большого сильного мужчины такой слабый голос.

— Мой друг Биаджо Бонаккорси, флорентийский родственник мессера Бартоломео, и я тоже любим петь дуэтом. Жаль, я не привез лютню! С удовольствием спел бы вам.

— У меня осталась лютня сына. Он хотел взять ее с собой, но это очень дорогой инструмент, подаренный его отцу, моему бедному мужу, одним аристократом за оказанную услугу. Я уговорила сына оставить лютню дома.

— Вы позволите мне взглянуть на нее?

— Боюсь, не порвались ли струны. На ней не играли уже года три.

Она все-таки принесла лютню — прекрасный инструмент из ливанского кедра с инкрустацией из слоновой кости — и передала Макиавелли. Он настроил ее и запел. Макиавелли любил музыку, прекрасно разбирался в ней и даже сочинял мелодии к своим стихам. Спев три песни, он заметил, что монна Серафина с трудом сдерживает слезы.

— Почему вы плачете? — ласково спросил он.

— Я вспомнила моего мальчика. Он так далеко от дома. Один среди этих варваров.

— Но он набирается жизненного опыта, а покровительство мессера Бартоломео обеспечит ему спокойное будущее.

Серафина бросила на него сердитый взгляд.

— Да, Лазарь должен быть благодарен за крохи, упавшие со стола богача.

Макиавелли не ошибся. Серафина недолго любила своего благодетеля.

— В Святом писании сказано: он обрел Царство Небесное.

Она только фыркнула в ответ и сказала:

— Он отдал бы половину состояния за моих детей.

— Действительно странно: ни одна из трех жен не родила ему ребенка.

— Мужчины всегда думают, что в этом виновата женщина. Не зря монна Катерина так волнуется. Она понимает, если у Аурелии в ближайшем будущем не появится ребенок, им не поздоровится. Не будет больше ни нарядных платьев, ни колец и браслетов. Я знаю Бартоломео с давних пор. Он не привык бросать деньги на ветер. Монне Катерине есть о чем призадуматься. Она уже щедро оплачивает молитвы фра Тимотео о скорейшем зачатии Аурелии.

— А кто, простите, этот фра Тимотео? — спросил Макиавелли.

— Их духовник. Бартоломео обещал пожертвовать церкви

кругленькую сумму, когда Аурелия родит сына. А пока фра Тимотео сосет из них денежки. Вертит ими, как хочет. И знает не хуже меня, что Бартоломео — импотент.

Макиавелли выяснил даже больше, чем требовалось. В его голове моментально созрел план, гениальный по своей простоте. Он вновь перебрал струны лютни, благоразумно решив не продолжать разговора.

— Какой прекрасный инструмент! Играть на нем — одно удовольствие. Не удивительно, что вы не позволили сыну увезти ее за море.

— С вами так приятно беседовать, мессер Никколо, — улыбнулась Серафина. — Я вижу, игра доставляет вам удовольствие. Вы всегда можете брать лютню, когда захотите. Я знаю, вы будете с ней осторожны.

Макиавелли тепло поблагодарил монну Серафину. Ее любезное предложение избавляло его от дальнейших хлопот.

— Когда я пою песни, которые нравятся моей жене, — добавил он, — мне кажется, она рядом со мной. Я женился совсем недавно. Она ждет ребенка, и мне тяжело было расставаться с ней. Но что оставалось делать? Я слуга Республики и не должен ставить личные интересы выше государственных.

За эти полчаса, проведенные на кухне, Макиавелли удалось еще больше убедить Серафину, что ее постоялец не только важная персона, но хороший муж, верный друг и очаровательный собеседник.

В назначенное время один из секретарей герцога в сопровождении солдат с факелами зашел за Макиавелли проводить его во дворец. Эль Валентино оказал ему на удивление теплый прием, если учесть, что два дня назад практически выгнал флорентийца. Герцог пребывал в хорошем настроении. Как бы между прочим он упомянул о падении крепости Сан-Лео, добавив, что без труда наведет порядок в Урбино. А затем показал Макиавелли письмо, полученное от епископа Арля, папского легата во Франции. При этом доверительно сообщил ему, что новости несомненно заинтересуют господ из Синьории. Король и его министр-кардинал отдали приказ господину де Шамо в Милане немедленно послать герцогу триста кавалеристов под командованием де Ланкре для штурма Болоньи. Кроме того, по первому требованию герцога де Шамо поручалось лично привести в Парму еще триста кавалеристов.

Макиавелли стало ясно, почему герцог так весел. Если после взятия Урбино он не пошел на Флоренцию, то только потому, что французы послали войска для ее защиты. Герцог не мог больше рассчитывать на поддержку короля. И капитаны решились на мятеж. Теперь французы — о причинах можно только догадываться — вновь встали на сторону герцога, и ситуация резко изменилась в его пользу.

— Послушайте, секретарь, — продолжал Эль Валентино, — письмо написано в ответ на мою просьбу оказать помощь при взятии Болоньи. Как вы сами могли убедиться, у меня хватит сил разделаться с этими мерзавцами. Они выдали себя в самый подходящий момент. Теперь я знаю, кто мои враги, а кто — друзья. И среди друзей я хотел бы видеть Синьорию, если она согласится на незамедлительное заключение договора. Если же нет, я окончательно порву с вами все отношения и уже никогда не заговорю о дружбе.

Эти отнюдь не безобидные слова герцог произнес так весело и добродушно, что они не прозвучали как угроза. Макиавелли обещал немедленно написать обо всем во Флоренцию. Герцог пожелал ему спокойной ночи и проводил до дверей.

Бартоломео уже ждал Макиавелли в таверне. Они заказали подогретое вино. И флорентиец, для большей важности заставив Бартоломео поклясться хранить тайну — хотя и понимал, тот и без него скоро обо всем узнает, — рассказал о письме епископа. А от себя добавил, что в разговоре

Эль Валентино тепло отозвался о Бартоломео. Когда же толстяк попросил дословно припомнить сказанное герцогом, Макиавелли мгновенно процитировал себя самого. Бартоломео сиял от радости.

— Вы уже первый человек в Имоле, мессер Бартоломео, и, если папа будет здравствовать, а фортуна — благоволять к герцогу, станете одним из первых и в Италии.

— Я всего лишь купец. Я не мечу так высоко.

— Козимо Медичи тоже был всего лишь купцом, однако стал властителем Флоренции, а его сына Лоренцо Великолепного принимали как равного короли и принцы.

Стрела попала в цель, Макиавелли это понял.

— Я слышал, ваша жена ждет ребенка?

— Да, для меня это великая радость. Она должна родить в начале следующего года.

— Счастье улыбнулось вам больше, чем мне, — вздохнул Бартоломео. — Я женат в третий раз, но ни одна из жен не подарила мне наследника.

— Монна Аурелия — цветущая молодая женщина. Трудно поверить, что она бесплодна.

— Я не нахожу другого объяснения. Мы женаты уже три года.

— Может, вам стоит вместе пойти в бани...

— Мы были там. А когда и это не помогло, совершили паломничество к пресвятой деве Марии Мизерикордийской в Алвейно. Говорят, она помогает зачать бесплодным женщинам. Все бесполезно. Можете представить, как это унижительно для меня. Недруги говорят, что я импотент. Какой абсурд! Да у меня в каждой деревне рядом с Имолой по внебрачному ребенку. (Макиавелли знал, это ложь.) Трижды жениться на бесплодных. Выпадет же такая судьба.

— Не отчаивайтесь, мой друг, — успокаивал его Макиавелли. — Уповайте на чудо. Вы-то уж наверняка заслужили благословения святой церкви.

— Вот и фра Тимотео так говорит. Он молится за меня.

— Фра Тимотео? — спросил Макиавелли, как будто впервые услышал это имя.

— Наш духовник. Только благодаря ему я не теряю надежды.

Макиавелли заказал еще вина. Он тонко льстил Бартоломео, спрашивая у него совета, как следует держаться во время сложных переговоров с герцогом. Настроение у толстяка улучшилось, и вскоре он уже гоготал над непристойными историями Макиавелли. Когда же пришло

время расстаться, Бартоломео не сомневался: более приятного собеседника он в жизни никогда не встречал. И Макиавелли, со своей стороны, полагал, что время потеряно не зря. Поднявшись к себе, он написал подробное письмо Синьории, в котором изложил последний разговор с герцогом и свои впечатления о визите в его лагерь. Писал он быстро и без помарок. Прочитав написанное, довольно улыбнулся. Это было хорошее письмо.

Эль Валентино имел обыкновение работать до поздней ночи и утром, как правило, вставал поздно. Пользуясь этим, секретари герцога, почти до рассвета занятые его поручениями, тоже отдыхали. Поэтому следующее утро, а до обеда у Макиавелли особых дел не было — письмо Синьории уже написано, — он решил провести в свое удовольствие. Почитал Ливия, сделал кое-какие записи в дневнике, а затем взял у Серафины лютню и сел у открытого окна. Стоял теплый солнечный день. Где-то неподалеку жгли дерево, и до Макиавелли долетал приятный запах дыма. Он смотрел вниз на крохотный дворик Бартоломео. От дома Серафины его отделял лишь узенький проулок, по которому едва мог протиснуться навьюченный корзинами осел. Макиавелли запел. Вскоре он заметил, как в доме напротив кто-то приоткрыл окно. Сердце Макиавелли учащенно забилося. Интуиция подсказала ему, что его слушает не кто иной, как Аурелия. Он спел две свои любимые песни, песни о любви, и начал третью, как вдруг створка окна резко закрылась. Это несколько остудило пыл Макиавелли. Закралось сомнение: ведь его могла слушать и служанка, которая, естественно, не хотела, чтобы госпожа застала ее не за работой. Позже, за обедом, осторожными вопросами ему удалось выяснить у Серафины, что таинственная слушательница открывала окно в спальне Бартоломео и его жены.

Вечером Макиавелли пошел во дворец, но ему не удалось увидеться ни с герцогом, ни с кем-либо из его секретарей. Он заговаривал со многими придворными, бесцельно слонявшимися по дворцу, спрашивая, нет ли каких-нибудь новостей. Ничего конкретного они не знали, хотя несомненно догадывались, что что-то произошло. Макиавелли это понял. Ближайшее окружение герцога соблюдало строжайшую тайну. Вскоре он столкнулся с Бартоломео. Герцог назначил ему встречу, но принять не смог.

— Мы оба просто теряем здесь время, — заметил Макиавелли. — Не пойти ли нам в гостиницу выпить вина? Могли бы сыграть в карты или шахматы.

— Я обожаю шахматы.

По пути в «Золотой лев» Макиавелли спросил, не знает ли Бартоломео, почему у всех во дворце такой деловой вид.

— Понятия не имею. Я ни у кого не мог добиться путного ответа.

Раздражение, проскользнувшее в голосе Бартоломео, подсказало

Макиавелли, что толстяк говорит правду. Он уже уверовал в важность своей персоны, и его унижало недоверие Борджа.

— Если герцог хочет сохранить что-либо в тайне, он, как я слышал, ничего не говорит даже ближайшим помощникам.

— Он с утра сидит с секретарями. А гонцы один за другим покидают дворец.

— Очевидно, что-то произошло.

— Кажется, утром прибыл курьер из Перуджи.

— Курьер? Может, кто-то, переодетый курьером? Бартоломео бросил на него быстрый взгляд.

— Я не знаю. Вы что-то подозреваете?

— Ничего. Я просто спрашиваю.

В таверне они заказали кувшин вина и попросили принести шахматы. Хороший игрок, Макиавелли сразу понял: Бартоломео ему не соперник, — но, следуя своему плану, сделал вид, что сопротивляется на пределе возможностей. И в конце концов проиграл партию. Бартоломео даже запыхтел от гордости. И пока они пили вино, он дотошно объяснял Макиавелли, какие тот сделал ошибки и как следовало бы ходить. Макиавелли и не рад был, что проиграл.

— Утром кто-то пел в вашем доме, — заметил Бартоломео по дороге домой. — Теще очень понравился голос. Это вы, мессер Никколо, или мой юный кузен Пьеро?

— У Пьеро голос лучше моего, но сегодня пел я. Я счастлив слышать, что монне Катерине понравились мои песни. Во Флоренции мы с Биаджо частенько поем вместе.

— У меня тоже неплохой бас.

— А у Пьеро тенор. Если вас не смущает скромность моего жилища, я буду только рад, если вы сможете выкроить время и прийти ко мне. Тогда мы бы дали маленький концерт нашей дорогой Серафине.

Проглотила ли рыба искусно заброшенную приманку? Бартоломео не подал и виду.

— Обязательно! — воскликнул он. — Это напомнит мне мою юность. В Смирне мы пели с утра до ночи.

«Терпение, — сказал себе Макиавелли. — Терпение». Поднявшись к себе, он достал замусоленную колоду карт и начал раскладывать пасьянс, обдумывая услышанное от Серафины и Бартоломео. Он составил хороший план, но проведение его в жизнь требовало немалой изобретательности. Чем больше он думал об Аурелии, тем сильнее разгоралось его воображение. И при этом он мог помочь Бартоломео, который так хотел

сына. «Не так часто, — отметил он про себя, — удастся совместить приятное с полезным».

В первую очередь ему следовало войти в доверие к монне Катерине. Без ее помощи он не мог рассчитывать на успех. Трудность заключалась в том, как добиться ее расположения. Женщина она сладострастная. Может, стоит уговорить Пьеро поухаживать за ней? Он молод. Вряд ли она останется равнодушной, наоборот, будет только благодарна. Но Макиавелли отбросил эту мысль. По его замыслу, Пьеро должен стать любовником служанки. А монна Катерина? В одном он не сомневался: когда женщина перестает быть желанной, рождается сводница. Едва ли она будет защищать честь Бартоломео. А рождение ребенка послужит и ее интересам.

Что же касается фра Тимотео... Он — их духовник, друг дома. Стоит встретиться с ним, посмотреть, что это за человек. Возможно, и он окажется полезным...

Размышления Макиавелли прервал осторожный стук в дверь. Он поднял голову, но не сдвинулся с места. Стук повторился. Макиавелли подошел к окну и поднял рамку с промасленной бумагой.

— Кто тут?

— Фаринелли.

— Подождите. — Вы один?

— Да.

Макиавелли спустился вниз и открыл дверь. Закутанный в плащ Фаринелли проскользнул в дом. Стоит напомнить: Фаринелли был флорентийским агентом, с которым Макиавелли встретился на следующий день после приезда в Имолу. Макиавелли запер дверь и провел его в гостиную, освещенную единственной свечой.

— У меня есть важные новости, — начал Фаринелли.

— Говорите.

— Могу я рассчитывать на благодарность Синьории?

— Вне всякого сомнения.

— Сегодня утром во дворец прибыл курьер. Мятежники наконец заключили между собой союз и скрепили его договором. Они дали слово помочь Бентивольо в защите Болоньи, вернуть прежним правителям владения, захваченные Борджа, и не вести с ним сепаратных переговоров. В их распоряжении семьсот кавалеристов и девять тысяч пеших солдат. Бентивольо готовится к нападению на Имолу, а Вителлоццо и Орсини должны двинуться на Урбино.

— Вот это действительно новости! — возбужденно воскликнул

Макиавелли. Как зрителю в предвкушении захватывающего спектакля, ему не терпелось увидеть, как поведет себя герцог в критическую минуту.

— И еще. Вителлоццо дал понять герцогу, что присоединится к нему, если получит надежные гарантии безопасности своего собственного города Кастелло.

— Откуда вам это известно?

— Достаточно того, что я знаю об этом. Полагаюсь на вашу осторожность, мессер Никколо. Если кто-нибудь узнает о нашем разговоре, мои дни сочтены.

— Не волнуйтесь, — успокоил его Макиавелли. — Я не из тех, кто убивает курицу, несущую золотые яйца.

События разворачивались быстро. Узнав о восстании крестьян, герцог послал на его подавление испанских капитанов, дона Уго да Монкаду и дона Мигеля да Кореллу. Обосновавшись в Перголе и Фоссомброне, они предали огню окрестные деревни и города, безжалостно уничтожая население. В Фоссомброне женщины вместе с детьми бросились в реку, предпочитая смерть зверствам солдатни. Герцог сообщил об этих подвигах Макиавелли, которого пригласил для разговора.

— Похоже, этот год не слишком удачен для мятежников, — мрачно улыбаясь, сказал он.

Представитель папы в Перудже сообщил ему, что братья Орсини по прибытии в город пришли заверить его в верности святому отцу и просили прощения за свои действия. Макиавелли тут же вспомнил Фаринелли и его слова о Вителлоццо.

— Мне трудно понять, зачем они это сделали, — сказал он.

— Подумайте как следует, секретарь, и вы все поймете. Просто они не готовы к войне, хотят выиграть время, прикидываясь, что переговоры еще возможны.

Несколько дней спустя Вителлоццо штурмом взял Урбино, и герцог вновь послал за флорентийским послом. Макиавелли ожидал, что Эль Валентино будет расстроен плохими новостями, но герцог даже не упомянул о потере этого важного города.

— Хочу обсудить с вами проблемы, касающиеся вашего государства и наших общих интересов. Послушайте, что мне пишут из Сиены.

Он прочел письмо вслух. Писал шевалье Орсини, внебрачный сын главы могущественного римского рода, находившийся на службе у герцога. Орсини вел переговоры с главарями мятежников, и те заявили о своем согласии примириться с герцогом и даже вновь подчиниться ему. При одном условии: герцог не станет нападать на Болонью, а, объединившись с мятежниками, поведет войска на Флоренцию.

— Видите, как я доверяю вам и полагаюсь на честность вашего правительства, — продолжал он, отложив письмо. — Но в ответ я жду того же. Флоренция может быть уверена: я не подведу.

Макиавелли не знал, чему верить. Орсини ненавидели Флоренцию, только и ждали случая восстановить на троне свергнутых Медичи. Он мог лишь предположить, что герцог не согласился на условия мятежников из

опасения вызвать гнев Франции и, открыв ему содержание письма, хочет склонить Синьорию вернуться к выгодному для него договору, заключенному не так давно в трудное для Флоренции время и немедленно расторгнутому, едва опасность миновала. Синьория вынуждена была назначить герцогу щедрое жалованье, которое он хотел бы получать и впредь.

Еще через два дня мятежники атаковали армию герцога под командованием испанцев и наголову разбили ее. Дон Уго да Монкада попал в плен, а дон Мигель да Корелла, тяжело раненный, укрылся с горсткой солдат в цитадели Фоссомброне. Это была катастрофа. В Имоле новости держали в секрете. Как писал Макиавелли Синьории, при дворе герцога не принято обсуждать слухи. Но как только ему стало известно о поражении, он поспешил во дворец просить аудиенции. Его интересовало, каким на этот раз предстанет перед ним герцог, обычно невозмутимый и уверенный в себе. Сейчас же он оказался на пороге гибели, в случае победы мятежники не пощадят его. И он знает об этом. Спокойствие и благодушное настроение Эль Валентино поразили Макиавелли. О мятежниках он говорил с нескрываемым презрением.

— Не хочу хвалиться, но что они по сравнению со мной. Я хорошо знаю всю эту братию. Взять хотя бы знаменитого Вителлоццо. Возможно, он и обладает достоинствами, но храбрость не входит в их число. Правда, у него есть отговорка — французская болезнь. Но факт остается фактом: он способен только грабить беззащитное население. Ненадежный друг и вероломный враг.

Макиавелли искренне восхищался этим человеком, в столь критической ситуации гордо смотрящим в лицо врага. Его положение было почти безнадежным. Бентивольо, правители Болоньи, стояли на северных границах, Вителлоццо и Орсини, окрыленные победой, шли с юга. Атакованному с двух сторон превосходящими силами герцогу не избежать уничтожения. И хотя во Флоренции не любили Эль Валентино и его смерть только облегчила бы положение Республики, Макиавелли хотелось надеяться, что герцог сумеет выскользнуть из сужающегося кольца.

— Я получил письмо из Франции, — продолжал Борджа. — Король рекомендовал вашему правительству оказывать мне полную поддержку.

— Я ничего об этом не слышал, — ответил Макиавелли.

— Тем не менее это так. Напишите Синьории, пусть пришлют мне десять эскадронов кавалерии. Можете добавить, что я готов заключить с Флоренцией нерушимый союз.

— Я незамедлительно выполню ваше поручение, — поклонился

Макиавелли.

Кроме герцога в зале находились Агапито да Амала, епископ Эльнский, его двоюродный брат, и еще один секретарь. Воцарилось зловещее молчание. Борджа задумчиво смотрел на флорентийского посла. Этот немигающий взгляд поверг бы в смятение любого. Даже Макиавелли с трудом сохранял хладнокровие.

— Я слышал, — произнес наконец герцог, — Синьория уговаривает правителей Болоньи объявить мне войну. Из этого следует, что Флоренция хочет либо погубить меня, либо заставить заключить договор на более выгодных для себя условиях.

Макиавелли попытался как можно сердечнее улыбнуться.

— Я в это не верю, ваша светлость! — горячо возразил он. — В письмах, полученных мною, Синьория постоянно выражает желание сохранять вашу дружбу.

— Слова звучат более убедительно, если они подкрепляются конкретными делами.

— Я уверен, мое государство сделает все возможное, чтобы доказать искренность своих намерений.

— Смотрите, как бы они не опоздали с доказательствами.

По спине Макиавелли пробежал холодок — с такой ледяной ненавистью прозвучали слова герцога.

Несколько дней Макиавелли только и делал, что собирал сведения от своих агентов, от Бартоломео, от Фаринелли, от людей Борджа. Полностью он не доверял никому, тем более приближенным герцога. Они говорили ему далеко не все, а иногда и намеренно лгали. Чего он никак не мог понять, так это бездействия восставших капитанов. Собственные войска герцога еще не прибыли. И хотя Эль Валентино по-прежнему удерживал несколько крепостей на территории мятежников, с трудом верилось, что он выдержит решающее сражение. Нападать надо было сейчас. Немедленно. Однако капитаны ничего не предпринимали. Причина столь загадочного промедления вызывала у Макиавелли недоумение. А тут произошло событие, запутавшее его еще больше. Во дворец прибыл посол Орсини. Приехал вечером, а уехал утром. Макиавелли оставалось только гадать о цели его визита.

К этому времени он уже получил ответ Синьории на требование герцога оказать ему военную помощь и в надежде узнать хоть что-то о происходящем попросил аудиенции у Эль Валентино. С тяжелым сердцем шел он во дворец. Синьория отказалась послать войска, предлагая взамен лишь свое благожелательное отношение. Макиавелли представил себе ярость герцога — страшное зрелище! — и приготовился стойко встретить бурю. Полное безразличие Эль Валентино поразило его.

— Я уже не раз говорил вам и могу повторить: мне есть на кого опереться. Скоро сюда придут французские кавалеристы и швейцарская пехота. Вы сами видите: мои силы растут с каждым днем. У папы нет недостатка в деньгах, а у короля Франции — в людях. Очень скоро мятежники пожалеют о своем предательстве. — На губах герцога заиграла жестокая улыбка.

— Вы, наверное, удивитесь. Они уже обратились ко мне с мирными предложениями. Приезжал Антонио да Венафро.

Вероятно, речь шла о том самом таинственном курьере. Венафро был любимцем и ближайшим советником Пандолфо Петруччи, правителя Сиены, считавшегося мозгом заговора.

— Они вновь предложили мне свергнуть правителей Флоренции. Но я ответил, что ваше государство никогда не предавало меня и я вот-вот должен подписать с вами договор о дружбе. «Ни в коем случае не подписывайте его, — упрасивал меня Венафро. — Я съезжу в Сиену и тут

же вернусь. Возможно, мы предложим вам что-нибудь еще». На что я ответил: «Мы зашли слишком далеко, назад пути нет». Я готов слушать этих людей, пускать им пыль в глаза, но, заверяю вас, не пойду против Флоренции, если только она сама не вынудит меня к этому.

Когда Макиавелли уже откланялся и направился к двери, герцог бросил ему вслед:

— В скором времени я жду Паголо Орсини.

Пьеро, сопровождавший Макиавелли во дворец, сразу понял, что его господин очень расстроен и ему не до разговоров. Они шли молча. Придя домой, Макиавелли попросил юношу принести чернила, перья и бумагу и сел писать письмо Синьории.

— Я пойду спать, — сказал Пьеро.

— Нет, подожди. — Макиавелли откинулся в кресле. — Я хочу поговорить с тобой.

Он не знал, можно ли верить словам герцога, и решил сначала высказать свои соображения Пьеро, чтобы потом более четко изложить их на бумаге.

— Я в замешательстве. Все, с кем, мне приходится иметь дело, лгут, обманывают, хитрят.

И Макиавелли пересказал Пьеро свой разговор с Борджа.

— Возможно ли, чтобы Эль Валентино, с его гордостью и чрезмерным честолюбием, смирился с действиями тех, кто не только помешал ему захватить Болонью, но и отнял уже завоеванный Урбино? Капитаны хотели уничтожить герцога прежде, чем он уничтожил бы их самих. Так почему они не напали на него? Ведь он не смог бы оказать им никакого сопротивления.

Макиавелли хмуро смотрел на Пьеро. Юноша молчал. Он понимал: вопрос чисто риторический.

— А теперь он укрепил крепости и разместил гарнизоны в стратегически важных пунктах. С каждым днем прибывает все больше войск. Он получает деньги от папы и людей из Франции. К тому же ему не надо ни с кем советоваться. Капитанов же объединяют лишь ненависть к герцогу и страх перед ним. Союзы такого рода слишком непрочны: договаривающиеся стороны больше заботятся о собственных выгодах, нежели об общих интересах. Они не способны на слаженные и быстрые действия: каждый шаг требует длительных переговоров. Глупость или некомпетентность одного приводит к общей неудаче. Они завидуют друг другу. Ни один не хочет уступать власть. Капитаны знают: к герцогу каждый день прибывают курьеры — он сам наверняка позаботился об этом.

И каждого подсознательно мучает подозрение, не его ли принесут в жертву.

Макиавелли нервно грыз ногти.

— Чем больше я думаю об этом, тем больше убеждаюсь: мятежники уже не в силах сбросить герцога. Они упустили свой шанс и теперь будут стремиться к примирению.

Макиавелли бросил на юношу сердитый взгляд, которого тот явно не заслуживал.

— Ты понимаешь, что это значит?

— Нет.

— Если отряды мятежников соединятся с войсками герцога, под его началом будет огромная армия. И ему придется пустить ее в дело. Никто не станет платить наемникам за праздное сидение в лагере. Но куда он двинет эту армию? Против кого? Я подозреваю, все решит встреча Эль Валентино с Паголо Орсини.

Поскольку доверять своему противнику мог только глупец — а таких в Италии не нашлось бы — и гарантии безопасности ценились не больше той бумажки, на которой они были написаны, кардинала Борджа, племянника папы, отправили к мятежникам в качестве заложника. Два дня спустя Паголо Орсини, изнеженный, тщеславный, словоохотливый толстячок, с круглым лицом и суетливыми манерами, появился во дворце, переодетый курьером. Эль Валентино устроил в его честь грандиозный прием. Они вели долгие переговоры. Но, несмотря на все усилия, даже за золото Макиавелли не удалось выяснить, что там обсуждалось. Секретари герцога избегали его. Лишь Агапито да Амала с улыбкой заметил, что комедия затеяна с единственной целью — удержать мятежников от дальнейшего наступления. Действительно, армии не покидали лагерей, а войска Болоньи, вступившие ранее во владения герцога, отошли за их границу. Ожидание становилось невыносимым, и наконец, используя как предлог письмо, полученное из Флоренции, Макиавелли попросил герцога принять его. Эль Валентино с добродушной улыбкой выслушал торжественные заверения Синьории в преданности и дружбе, а затем перешел к вопросу, интересующему Макиавелли.

— Я думаю, мы скоро придем к соглашению, — заявил герцог. — Капитаны хотят, чтобы я гарантировал безопасность их государств, и нам осталось только решить, как это можно устроить. Кардинал Орсини, брат Паголо, пишет проект договора. Что касается Флоренции, то вы можете быть спокойны. Я не позволю им причинять вред вашей Республике.

Герцог задумался, но через секунду заговорил вновь, снисходительно улыбаясь при этом.

— Бедняга Паголо раздражен поведением Рамиро де Лорки. Он обвиняет его в деспотизме, казнокрадстве и в притеснении людей, находящихся под защитой Орсини. (Рамиро де Лорка — самый верный капитан герцога — руководил отступлением остатков войск, разгромленных в битве под Фоссомброне.) Однажды мальчик-слуга нес вино Рамиро и случайно разлил его. Де Лорка пришел в ярость, толкнул мальчишку в огонь, и тот сгорел живьем. По каким-то своим соображениям Паголо принимал участие в мальчишке. Я обещал ему во всем разобраться и, если факты подтвердятся, наказать виновного.

Но, как оказалось, мятежники не достигли полного согласия между

собой. Наиболее осторожные стояли за мир, наиболее решительные требовали войны. Вителлоццо захватил цитадель Фоссомброне, а два дня спустя Оливеротто да Фермо штурмом взял Камерино. Таким образом, герцог потерял все территории, захваченные во время последней кампании. Не вызывало сомнения: Вителлоццо и Фермо хотели сорвать переговоры. Паголо Орсини пришел в неопишемую ярость. Герцог же, наоборот, сохранял хладнокровие. Орсини и Бентивольо были его наиболее могущественными врагами, и он понимал, что соглашение с ними приструнит всех остальных. Паголо уехал в Болонью. Когда он вернулся, Агапито да Амала сообщил Макиавелли, что соглашение достигнуто. Осталось лишь получить согласие кардинала Орсини.

Теперь Макиавелли ждал самого худшего. Раз Эль Валентино готов простить оскорбления, нанесенные ему мятежниками, а те — забыть страх перед герцогом, заставивший их взяться за оружие, значит, они договорились напасть на третью сторону. А этой третьей стороной могла быть либо Флоренция, либо Венеция. Но Венеция была сильна, а Флоренция — слаба. Порукой ей служила только мощь Франции, чье покровительство она покупала за золото, а казна Республики опустела. Что предпримет Франция, если Чезаре Борджа вместе с капитанами вторгнутся на территорию Флорентийского государства и захватят его беззащитные города?

Макиавелли не доверял французам. Опыт подсказывал ему, что настоящим они обеспокоены куда больше, чем будущим. Когда к ним обращались с какой-либо просьбой, они прежде всего прикидывали собственную выгоду, а верность союзникам хранили, пока это не противоречило их интересам. Юбилей папы принес в казну Ватикана много золота. Кроме того, самовластно захватывая собственность почивших кардиналов, папа обеспечивал себе постоянный источник дополнительных доходов. А смертность среди этих служителей церкви была очень высока. Злые языки говорили, что его святейшество находил возможным оказывать посильную помощь нерасторопному провидению. Таким образом, у папы хватило бы денег смирить гнев короля Людовика, если бы тот узнал, что Эль Валентино нарушил данное ему слово. Герцог имел в своем распоряжении сильную, хорошо обученную армию, и король вряд ли пошел бы войной на того, кто, в конце концов, считался его вассалом и другом. Макиавелли все больше склонялся к мысли, что хитрый Людовик предпочтет получить золото папы, так как Чезаре Борджа и его капитаны еще долго не смогут угрожать интересам Франции. Все шло к тому, что Флоренция, которую Макиавелли любил всем сердцем, обречена не гибель.

Добросовестный, преданный слуга Республики, Макиавелли каждый день писал подробные отчеты и отсылал их во Флоренцию. В доме Серафины, когда открыто, когда тайно, принимал курьеров и агентов. Во дворце, на ярмарке, в домах горожан собирал новости, сплетни, слухи, чтобы постоянно быть в курсе событий. Но не забывал и о соблазнительной Аурелии. Правда, для его замысла требовались деньги, а их, как всегда, не хватало. Жалованье он получал мизерное. И большую часть полученных при отъезде из Флоренции денег он уже потратил. Он привык ни в чем себе не отказывать. К тому же ему приходилось платить курьерам, отвозившим письма, да и многие придворные желали получить вознаграждение за предоставленные сведения. К счастью, в Имоле жили флорентийские купцы, которые могли одолжить ему значительные суммы. Но вот однажды у его дверей появился Джакомо Фаринелли, обычно приходивший к нему темной ночью. На этот раз он пришел днем, ни от кого не таясь, и сразу объяснил причину своего столь неожиданного визита.

— Ваш друг, высоко отзывающийся о ваших способностях, уполномочил меня просить вас принять этот скромный дар.

Он достал туго набитый мешочек и положил его на стол. Раздался звон монет.

— Что это? — холодно спросил Макиавелли.

— Пятьдесят дукатов, — улыбнулся Фаринелли. Огромная сумма. Теперь как никогда она пригодилась бы Макиавелли.

— С какой стати герцог пожелал подарить мне пятьдесят дукатов?

— У меня нет оснований полагать, что герцог имеет к этому отношение. Меня попросили принести вам деньги от доброжелателя, пожелавшего остаться неизвестным. Уверяю вас, никто, кроме него и меня, не узнает об этом подарке.

— Похоже, вы и этот доброжелатель принимаете меня за совершенного дурака. Возьмите деньги и отнесите тому, кто дал их вам. И передайте ему, что посол Республики взятки не берет.

— Но это не взятка, а всего лишь искренний дар друга, высоко ценящего ваш литературный талант.

— Я не понимаю, каким образом этот щедрый друг мог оценить мои литературные способности.

— Ему представилась возможность прочесть ваши донесения

Синьории, посланные вами из Франции. Его восхитили глубина ваших рассуждений, присущий вам здравый смысл, чувство такта и особенно превосходный язык ваших писем.

— У человека, о котором вы говорите, нет доступа к архиву канцелярии.

— Возможно. Но ведь кто-то из чиновников мог заинтересоваться вашими донесениями и сделать с них копии, которые затем случайно попали к вашему доброжелателю. Вам лучше других известно, какие гроши платит Республика своим служащим.

Макиавелли нахмурился. Он спрашивал себя, кто из чиновников продал письма герцогу. Действительно, им платили очень мало, и, несомненно, некоторые из них являлись сторонниками Медичи. Но ведь Фаринелли мог выдумать историю с письмами.

— Герцог меньше всего хотел, чтобы вы поступали против совести или во вред Флоренции, — продолжал Фаринелли. — Он думает о взаимной выгоде, как своей, так и Республики. Синьория высоко ценит ваше мнение. Представьте дело в таком свете, чтобы каждый здравомыслящий человек понял необходимость заключения соглашения. Больше от вас ничего не требуется.

— Достаточно, — прервал его Макиавелли, саркастически улыбаясь. — Пусть герцог не тратит денег зря. В своих рекомендациях Синьории я буду исходить только из интересов Республики.

Фаринелли встал и спрятал мешок с золотом в карман.

— А вот посол герцога Феррарского не побрезговал принять подарок от его светлости, когда встал вопрос о посылке войск в Имолу. Да и господин де Шамо ускорил отправку кавалеристов из Милана только тогда, когда приказ короля был подкреплён золотом его светлости.

— Мне это хорошо известно.

Оставшись один, Макиавелли громко рассмеялся. Разумеется, он не собирался брать эти дукаты, хотя они чертовскигодились бы ему. И тут у него возникла прекрасная идея, и он вновь рассмеялся. Можно ведь занять деньги у Бартоломео, толстяк с радостью окажет ему услугу. Славная шутка — соблазнить жену с помощью денег мужа. Что может быть приятнее! Ему будет что рассказать по возвращении во Флоренцию. Он уже представлял, как хохочут его друзья, собравшиеся вечером в таверне. «Ах, Никколо, Никколо! Никто не рассказывает истории лучше, чем он. Какой юмор, какие остроты! Слушая его, кажется, что сидишь в театре».

Два дня спустя он столкнулся во дворце с Бартоломео.

— Почему бы вам не зайти ко мне сегодня? — предложил

Макиавелли. — Мы бы устроили вечер музыки. Бартоломео с радостью согласился.

— Правда, комната маленькая и холодная, — добавил Макиавелли, — а сводчатый потолок плохо отражает звук. Но я думаю, снаружи нас согреет жаровня, а изнутри — вино.

Макиавелли еще не закончил обедать, когда слуга Бартоломео принес ему письмо. Толстяк писал, что хозяйки дома не хотят лишать себя удовольствия послушать концерт, да и их гостиная уютнее маленькой холодной комнаты Серафины. Там есть камин, который согреет их куда лучше жаровни. И если Макиавелли и Пьеро окажут им честь и придут к ужину, они будут счастливы. Передав слуге, что они обязательно придут, Макиавелли довольно улыбнулся. «Как все просто», — сказал он себе.

Макиавелли побрился, уложил волосы и надел свой лучший костюм — длинную черную блузу из дамаста и плотно облегающий бархатный жакет с пышными рукавами. Пьеро тоже приоделся. На нем была голубая блуза, перехваченная в талии лиловым поясом, темно-синий жакет и такого же цвета чулки. Оглядев юношу, Макиавелли одобрительно кивнул.

— Ты, несомненно, произведешь впечатление на маленькую служанку. Как, ты сказал, ее зовут? Нина?

— Почему вы так хотите, чтобы я попал к ней в постель? — улыбаясь, спросил Пьеро.

— Чтобы потом ты не говорил, что поездка в Имолу прошла для тебя бесполезно. Кроме того, это нужно мне самому.

— Зачем?

— Я хочу оказаться в постели ее хозяйки.

— Вы?

Искреннее изумление Пьеро вызвало сердитый румянец на щеках Макиавелли.

— А почему бы и нет, позволь спросить?

Видя, что Макиавелли рассердился, Пьеро ответил не сразу.

— Вы же женаты и потом... такой же старый, как мой дядя.

— Глупец. Умная женщина всегда предпочтет мужчину в расцвете сил неопытному юнцу.

— Мне и в голову не приходило, что она интересуется вас. Вы ее любите?

— Люблю? Я любил мать. Я уважаю жену и буду любить своих детей. А с Аурелией я хочу провести ночь. Тебе предстоит еще многому научиться. — Гнев Макиавелли быстро утих, и он потрепал Пьеро по щеке. — Бери лютню и пошли. От служанки ведь ничего не утаишь. Ты

окажешь мне большую услугу, если закроешь ей рот поцелуями.

Дамы вышивали, когда Бартоломео ввел в зал Макиавелли и Пьеро.

На монне Катерине было красивое черное платье, а на Аурелии — платье из дорогой венецианской парчи. В нем она казалась еще прекрасней, даже прекрасней, чем воображал ее себе Макиавелли. «Какая нелепость, что у такой красавицы неуклюжий самодовольный муж, которому к тому же уже за сорок», — подумал он.

— Обменявшись любезностями, гости сели у камина.

— Как видите, привезенное вами полотно уже в деле, — похвастался Бартоломео.

— Вы довольны им, монна Аурелия? — спросил Макиавелли.

— Чудесное полотно, в Имоле такого не достать.

От взгляда ее больших черных глаз сердце Макиавелли учащенно забилось.

— Мы с Ниной делаем грубую работу, — добавила монна Катерина. — Снимаем размеры, кроим и шьем. А моя дочь вышивает.

— У монны Аурелии нет двух одинаковых вышивок, — заметил Бартоломео. — Покажи мессеру Никколо рисунок для этой рубашки.

— Мне кажется, это неудобно, — потупилась Аурелия.

— Ерунда. Я сам покажу.

Он взял листок бумаги и протянул его Макиавелли.

— Посмотрите, как изящно она вплела в рисунок мои инициалы.

— Это просто шедевр, — с притворным восхищением воскликнул Макиавелли, совершенно равнодушный к подобным мелочам. — Как бы я хотел, чтобы моя Мариетта обладала таким же талантом и трудолюбием.

— Моя жена — умница, — с нежностью сказал Бартоломео.

За ужином Макиавелли превзошел себя. Поездка во Францию стала для него неиссякаемым источником пикантных историй о придворных дамах и кавалерах. Монна Аурелия слегка краснела, когда он переходил рамки приличий. Бартоломео гоготал, а монна Катерина весьма одобрительно встречала его шутки. Отдав должное обильному ужину, Макиавелли завел разговор о торговых делах Бартоломео, а затем предложил перейти к пению. Он настроил лютню и для начала сыграл какую-то веселую мелодию. Несколько песен они исполнили втроем. Бас Бартоломео неплохо гармонировал с баритоном Макиавелли и тенором Пьеро. Под конец Макиавелли спел одну из песен Лоренцо Медичи. Голос его был нежен, взгляд не отрывался от Аурелии. Он пел только для нее. И когда Аурелия поднимала свои прекрасные глаза и почти в то же мгновение опускала их, он льстил себе надеждой, что она догадывается о его

чувствах. Это был первый шаг. Вечер пролетел незаметно. В скучной, монотонной жизни женщин он стал настоящим праздником. Глаза Аурелии сияли от удовольствия. И чем дольше Макиавелли смотрел в них, тем яснее видел: перед ним женщина, способная на истинную страсть. Надо только разбудить ее. Что ж, он ее разбудит. Прежде чем уйти, Макиавелли сделал еще один шаг к достижению желанной цели.

— Вы говорили, мессер Бартоломео, что с радостью окажете мне услугу. Ловлю вас на слове.

— Я готов на многое ради посла Республики, — ответил Бартоломео, раскрасневшийся от выпитого вина, — но ради моего друга Никколо я готов на все.

— Дело в том, что Синьория ищет священника для великопостных проповедей на следующий год. И меня попросили узнать, нет ли в Имоле достойного служителя церкви, которому можно доверить столь важное дело.

— Фра Тимотео! — воскликнула монна Катерина.

— Спокойно, дорогая теща, — перебил ее Бартоломео. — Тут нельзя принимать поспешных решений. Мы должны рекомендовать человека, достойного такой чести.

Но монна Катерина не собиралась молчать.

— В этом году на Великий Пост он произносил проповеди в нашей церкви, и весь город сбежался послушать его. Когда он описывал муки грешников, мужчины плакали, женщины падали в обморок, а одна бедняжка, которой вскорости предстояло родить, разрешилась от бремени прямо в церкви.

— С этим я не спорю. Я много повидал на своем веку и тем не менее плакал, как ребенок. Действительно, фра Тимотео очень красноречив.

— Кажется, я уже слышал это имя, — сказал Макиавелли. — Вы меня заинтриговали. Раз в год флорентийцы любят вспомнить о покаянии, чтобы в оставшееся время со спокойной совестью обманывать своих соседей.

— Фра Тимотео — наш духовник, — ответил Бартоломео. — Без его совета я ничего не предпринимаю. Несколько месяцев назад я хотел купить большую партию пряностей в Леванте. Но фра Тимотео сказал, что святой Павел явился ему во сне и предупредил о кораблекрушении у Кипра. И я отказался от покупки.

— Корабль утонул? — спросил Макиавелли.

— Нет, но из Лиссабона прибыли три каравеллы с пряностями, и цены на них резко упали. Так что я все равно потерял бы на той сделке много денег.

— Я бы хотел увидеться с этим достойным монахом.

— По утрам вы всегда найдете его в церкви. Если вдруг его там не будет, ризничий скажет, где его найти.

— Могу я обратиться к нему от вашего имени? — вежливо осведомился Макиавелли.

— Посол Республики не нуждается в рекомендациях бедного купца из Имолы, города столь незначительного в сравнении с величественной Флоренцией.

— А каково ваше мнение о фра Тимотео? — обратился Макиавелли к Аурелии. — Дело очень важное, и мне хочется знать, что о нем думают не только влиятельные мужи города, такие, как мессер Бартоломео, и рассудительные, много повидавшие женщины, как монна Катерина, но и юные невинные девушки, не знающие опасностей, таящихся за стенами дома. Ибо проповедник, которого я бы мог рекомендовать Синьории, должен не только побуждать грешников к раскаянию, но и поддерживать добродетельных в их чистоте.

— Фра Тимотео не способен на зло, — ответила Аурелия. — Я готова следовать ему во всем.

— И будешь совершенно права, — добавил Бартоломео. — Он не посоветует тебе ничего плохого.

Утром Макиавелли вместе с Пьеро пошел на рынок и купил две связки жирных куропаток и корзинку ароматных фиников из Римини, славившихся по всей Италии. И то и другое он велел Пьеро отнести мессеру Бартоломео. В перенаселенной Имоле еда стоила дорого, и он знал, что его подарок примут с благодарностью. Затем Макиавелли пошел во францисканскую церковь. Она находилась недалеко от дома Бартоломео. В церкви почти никого не было, кроме двух-трех молящихся женщин, ризничего, подметавшего пол, и монаха, бесцельно слонявшегося у алтаря. «Это, должно быть, и есть фра Тимотео», — догадался Макиавелли.

— Простите, святой отец, что отрываю вас, — вежливо кланяясь, обратился он к монаху. — Мне сказали, в вашей церкви есть чудотворная статуя девы Марии. Я хотел бы поставить ей свечку, чтобы она помогла моей дорогой жене, ждущей ребенка, благополучно разрешиться от бремени.

— Вот она, мессер, — ответил монах. — Я как раз собирался поменять ей покрывало. Никак не могу заставить братьев держать его в чистоте. А они еще удивляются, почему это верующие не выказывают ей должного уважения. Раньше церковь получала крупные пожертвования от своих прихожан, но теперь все в прошлом. И в этом мы можем винить только себя.

Макиавелли выбрал свечку потолще, заплатил за нее целый флорин и передал монаху, который и зажег ее, вставив в железный подсвечник.

— Я хочу попросить вас об одном одолжении, святой отец, — сказал Макиавелли, когда монах вновь по вернулся к нему. — Мне надо поговорить с фра Тимотео. Буду вам очень признателен, если вы подскажете, где мне его найти.

— Я и есть фра Тимотео, — ответил монах.

— Не может быть! Само провидение послало вас. Разве не чудо, что первый человек, с которым я заговорил, оказался именно тем, кого я ищу!

— Пути господни неисповедимы, — пробормотал фра Тимотео.

Монах был среднего роста, с небольшим брюшком — постился он, видимо, не дольше того, чем требовал устав его ордена, но и не предавался обжорству. Внешне он напомнил Макиавелли одного из римских императоров, чьи прекрасные черты, еще не испорченные роскошью и вседозволенностью, были отмечены тем не менее печатью отвратительной

похотливости, приведшей его к гибели от кинжалов убийц. Макиавелли приходилось встречаться с людьми подобного типа. В этих полных красных губах, крючковатом носе, красивых черных глазах он видел честолюбие, хитрость и алчность, для видимости замаскированные под добродушие и почтительность. Макиавелли без труда понял, каким образом фра Тимотео добился такого влияния на мессера Бартоломео и его женщин, и инстинктивно почувствовал, что они найдут общий язык. Он презирал монахов, считая их дураками или пройдохами. Фра Тимотео, несомненно, относился к последним.

— Должен сказать, святой отец, я слышал о вас много хорошего от мессера Бартоломео Мартелли. Он самого высокого мнения о ваших достоинствах и способностях.

— Мессер Бартоломео — верный сын святой церкви. Наш монастырь очень беден, и мы благодарны ему за его щедрость. Но могу я узнать, с кем имею честь говорить?

— Мне следовало представиться, — улыбнулся Макиавелли, понимая, что монаху прекрасно известно, кто его собеседник. — Никколо Макиавелли, гражданин Флоренции и секретарь Второй канцелярии.

— Большая честь для меня говорить с послом столь славного государства.

— Вы смущаете меня, святой отец. Я всего лишь человек, со всеми присущими ему недостатками. Но где мы можем поговорить без помех?

— Присядем сюда. — Фра Тимотео указал на скамьи для прихожан. — Ризничий глух, как тетерев и глуп, как мул, а эти старухи слишком заняты молитвами, чтобы слушать, о чем мы говорим.

Макиавелли рассказал фра Тимотео о поручении Синьории найти проповедника для кафедрального собора Флоренции. Ни один мускул не дрогнул на лице монаха. Но блеск его глаз подсказал флорентийцу, что фра Тимотео уже осведомлен об этом заманчивом предложении.

— Синьория в сложном положении, — продолжал Макиавелли, — и не хочет повторять ошибки, как в случае с фра Джироламо Савонаролой. Разумеется, все мы — грешники, и нам постоянно надо напоминать о раскаянии. Но процветание Флоренции зиждется на торговле, и Синьория не может допустить, чтобы покаяние вызывало смуту и вмешивалось в деловую жизнь. Чрезмерная добродетель так же вредна для государства, как и чрезмерный порок.

— То же самое, насколько мне известно, говорил и Аристотель.

— О, я вижу, в отличие от большинства монахов, вы — человек образованный. Это хорошо. Флорентийцы очень требовательны и не

потерпят невежественного, хотя и красноречивого проповедника.

— Вы правы, — самодовольно улыбнулся фра Тимотео, — к сожалению, большинство братьев абсолютно безграмотны. Насколько я понимаю, вы хотите узнать, есть ли в Имоле монах, который, по моему мнению, достоин такой чести. Я должен подумать. И навести справки.

— Вы окажете мне большую услугу. От мессера Бартоломео, монны Катерины и монны Аурелии мне известно о вашей исключительной проницательности и высокой нравственности. И мне не придется сомневаться в бескорыстии вашего выбора.

— Монна Катерина и монна Аурелия — святые. Только поэтому они так благоволят ко мне.

— Я живу в доме монны Серафины, рядом с мессером Бартоломео. Если бы вы согласились завтра вечером разделить с нами скромный ужин, мы могли бы продолжить разговор. И монна Серафина была бы бесконечно счастлива видеть вас в своем доме.

Фра Тимотео принял приглашение. По дороге домой Макиавелли зашел к Бартоломео и попросил одолжить ему небольшую сумму. Он объяснил, что его миссия в Имоле требует больших расходов, а курьер с деньгами еще не прибыл. И он пустился в долгие рассуждения о скупости флорентийского государства: ему ведь приходится тратить собственные деньги, оплачивая нужные сведения.

— Дорогой Никколо, — улыбаясь, прервал его Бартоломео, — я и сам прекрасно знаю, что без золота от придворных ничего не добьешься. Буду только рад вам помочь. Сколько вам нужно?

— Двадцать пять дукатов, — ответил Макиавелли.

— И всего-то? Подождите, сейчас принесу. Он вышел и через минуту или две вернулся с туго набитым мешочком. «Слишком мало попросил», — ругал себя Макиавелли.

— Если вам еще потребуются деньги, обращайтесь ко мне, не стесняйтесь. — Бартоломео передал деньги Макиавелли. — Считайте меня своим банкиром.

Фра Тимотео, как и обещал, пришел к ужину. Серафина по просьбе Макиавелли купила лучшую еду, и монаха не пришлось долго уговаривать отведать ее. После трапезы Макиавелли провел гостя в гостиную, где они могли спокойно побеседовать, и велел слуге принести кувшин вина.

— Давайте перейдем к делу, — сказал он, как только слуга закрыл за собой дверь.

Фра Тимотео назвал трех монахов, пользующихся популярностью в Имоле. Он многословно расхваливал их достоинства и с ловкостью, которой Макиавелли не мог не восхититься, сдабривал бочку заслуг каждого ложкой хулы, по существу ставя крест на всех трех. Выслушав фра Тимотео, Макиавелли вежливо улыбнулся.

— Вы говорили об этих достойных монахах с искренностью и беспристрастием, святой отец. Но вы забыли еще одного, чьи таланты и добродетель, по всей видимости, несравненно выше, чем у любого из упомянутых здесь.

— Кто же это, мессер?

— Фра Тимотео.

Монах изобразил изумление.

«Хороший актер, — отметил про себя Макиавелли. — Проповеднику это необходимо. Если бы Синьория действительно дала мне поручение найти достойного кандидата, я, скорее всего, остановился бы на этом мошеннике».

— Вы шутите, мессер.

— Разве я могу позволить себе шутить, когда решается столь важный вопрос? Я тоже не сидел сложа руки. И узнал, что ваши проповеди в дни Великого Поста произвели неизгладимое впечатление на верующих, ни с чем, не сравнимое в истории Имолы. Мне говорили не только о вашем выдающемся красноречии, но и о сильном, мелодичном голосе. У вас представительная наружность. Вы умны, тактичны, хорошо воспитаны. Мне достаточно было даже короткого знакомства, чтобы понять это.

— Я в смущении, мессер. Синьория ищет проповедника с хорошей репутацией, а я всего лишь нищий монах из захудалого монастыря маленького провинциального городка. У меня нет влиятельных друзей, и я не могу похвастаться высоким происхождением. От всего сердца благодарю вас за столь лестное мнение обо мне, но я не достоин такой

честь.

— Предоставьте это решать тем, кто знает вас лучше, чем вы сами.

Макиавелли наслаждался беседой. Под маской скромности его острый взгляд без особых усилий разглядел честолюбие, гложущее сердце монаха. Забросив жирную приманку, он не сомневался: добыча от него не уйдет.

— Скажу вам откровенно, во Флоренции я занимаю не очень высокий пост. Я только советую. Последнее слово остается за членами Синьории.

— Неужели они оставят без внимания мнение посланца Республики к его светлости герцогу Романьи? Не могу в это поверить, — заискивающе улыбнулся фра Тимотео.

— Вы правы, наш новый гонфалоньер Пьеро Содерини — мой друг. И скажу вам без ложной скромности, его брат епископ Волтеррский верит в мою искренность и здравый смысл.

Заговорив о епископе, Макиавелли не преминул рассказать о переговорах епископа с Чезаре Борджа в Урбино, в которых он принимал непосредственное участие. Как о равных говорил Макиавелли о королях и кардиналах, принцах и герцогах. Секреты государств были для него открытой книгой. И только глупец мог сомневаться, что он знает куда больше, чем говорит. Фра Тимотео слушал как замороженный.

— Ах, мессер, вы не представляете, что значит для меня разговор с человеком вашего ума и опыта. Слово мне удалось взглянуть на землю обетованную. Мы живем в маленьком скучном городке и не знаем, что делается в мире. В Имоле нет людей высокой культуры и яркой индивидуальности. Живой ум, если бог наградил им кого-то из нас, чахнет и засыхает от бездействия. Требуется терпение Иова, чтобы выносить глупость людей, с которыми суждено общаться всю жизнь.

— Приходится только сожалеть, святой отец, что ваши способности растрачиваются попусту в этом городке.

— Я часто думаю об этом. Я зарыл свой талант в землю. И когда придет время и создатель спросит меня, почему я не отдал его на благо людям, я не найду ответа.

— Святой отец, самое большее, что может сделать один человек для другого, так это предоставить ему благоприятную возможность. А как распорядиться ею, он должен знать сам.

— Кто же предоставит ее никому не известному монаху?

— Я — ваш друг, святой отец, и сделаю все, что в моих силах. И к тому же вы будете не таким уж неизвестным монахом, когда я расскажу о вас епископу Волтеррскому. Вы не должны останавливаться на достигнутом. Пожалуй, я поговорю об этом с Бартоломео. Во Флоренции у

него есть влиятельные друзья, и я не сомневаюсь, что он замолвит за вас словечко.

Фра Тимотео улыбнулся.

— Наш дорогой Бартоломео. Он — сама доброта, но нельзя отрицать, что он немного простоват. Лукавство змея не сочетается в нем с невинностью голубки.

Макиавелли наполнил пустые кружки и сказал:

— Он, без сомнения, очень достойный человек. Но меня часто удивляло, что купцы, столь сведущие в торговле, оказываются совершенно беспомощными, когда дело касается чего-то другого. Однако я ценю и уважаю Бартоломео и хотел бы способствовать его благополучию. А вы, святой отец, имеете большое влияние на него.

— По своей доброте он не оставляет без внимания мои советы.

— Это характеризует его с самой лучшей стороны. Как жаль, что господь бог никак не исполнит его самого заветного желания. Вам, как и мне, хорошо известно: он мечтает о сыне.

— Желание стать отцом превратилось у него в навязчивую идею, — вздохнул фра Тимотео. — Он не может говорить ни о чем другом. Мы молились за него перед нашей чудотворной девой Марией. Все бесполезно. Нельзя же требовать от нас невозможного. Бедняга не способен сделать ребенка.

— Святой отец, у меня есть небольшой участок земли неподалеку от Флоренции. Синьория платит слишком мало, и, чтобы свести концы с концами, мне приходится продавать лес и разводить скот. Иногда случается: бык, с виду сильный и здоровый, страдает тем же недостатком, что и наш дорогой Бартоломео. Тогда его продают мяснику, а на вырученные деньги покупают другого.

Фра Тимотео улыбнулся.

— Подобное неприменимо для существ разумных.

— А применять и необязательно. Главное, теория здравая.

Монах на мгновение задумался и, поняв, куда клонит Макиавелли, снова улыбнулся.

— Монна Аурелия — женщина добродетельная, и ее честь охраняет не только муж, но и мать. Бартоломео не так глуп и прекрасно понимает: красавица супруга — большой соблазн для беспутных молодых людей. А монна Катерина достаточно долго жила в бедности, чтобы рисковать нынешним благополучием из-за нескромности дочери.

— Однако вполне возможно, что эта, как вы говорите, нескромность окажется верхом добродетели. Положение монны Катерины значительно

укрепится, если ей будет кого нянчить.

— С этим я не спорю. Теперь, когда герцог подарил Бартоломео поместье и графский титул, ему как никогда нужен наследник. Кажется, он подумывает усыновить своих племянников. В Форли у него есть сестра-вдова, и она, естественно, не возражает против того, чтобы Бартоломео позаботился о ее детях. Но она не хочет расставаться с ними. Он должен будет взять и ее в Имолу. Таково ее условие.

— Вполне естественное желание матери.

— Разумеется. Но перспектива такого соседства огорчает монну Катерину и монну Аурелию. Они чувствуют, что окажутся в щекотливом положении. У монны Аурелии не было приданого. Бартоломео слаб и нерешителен. А монна Констанца, его сестра, несомненно, постарается убедить Бартоломео, сыграв на его тщеславии, что ему вновь досталась бесплодная жена, и очень скоро станет хозяйкой дома. Монна Катерина умоляла меня уговорить Бартоломео отказаться от усыновления, грозящего большими неприятностями ей и дочери.

— Он советовался с вами?

— Конечно.

— И что вы ему сказали?

— Я рекомендовал ему повременить. Духовник его сестры в Форли — доминиканец, и, переехав сюда, она, скорее всего, пойдет исповедоваться в церковь того же ордена. Мы не слишком ладим с доминиканцами. Наш монастырь во многом зависит от щедрот Бартоломео, а ведь монна Констанца может лишить нас его расположения.

— Я прекрасно понимаю сложность вашего положения, святой отец. И предлагаю единственно приемлемый выход.

— Не кажется ли вам, мессер, что от вашего предложения пахнет грехом? — снисходительно улыбаясь, спросил монах.

— Маленьким грехом, который может принести много добра. Осчастливить нашего достойного друга, обеспечить спокойное будущее двум милым женщинам и сохранить щедрого благодетеля вашему монастырю. Позвольте мне вспомнить Святое писание: не будь в Самарии женщины, совершившей прелюбодеяние, основатель нашей церкви не имел бы возможности донести до нас заповеди терпения и прощения, значение которых бесценно для нас, несчастных грешников.

— Интересная мысль, мессер.

— Я всего лишь человек, святой отец. И не буду скрывать от вас, что красота монны Аурелии пробудила во мне неистовую страсть. Я должен утолить ее или умереть.

— Я и не сомневался, что забота о благополучии Бартоломео и о будущем его жены и тещи продиктована не только добротой вашего сердца, — сухо заметил фра Тимотео.

— Ваш монастырь небогат, и, без сомнения, вам приходится тратить значительные средства на помощь беднякам. Я хотел бы пожертвовать двадцать пять дукатов, чтобы заручиться вашей поддержкой.

Темные глаза монаха жадно сверкнули.

— Когда?

— Сейчас.

Макиавелли вытащил из внутреннего кармана мешочек, полученный от Бартоломео, и небрежно бросил его на стол. Монеты мелодично звякнули, ударившись о деревянную поверхность.

— Но чем я могу вам помочь, мессер?

— Ради выполнения моей просьбы вам не придется вступать в сделку с совестью. Я бы хотел поговорить с монной Катериной без свидетелей.

— Думаю, большого вреда от этого не будет. Но вряд ли вы чего-нибудь добьетесь. Бартоломео очень подозрителен. Когда же торговые дела вынуждают его уезжать из Имолы, слуга охраняет монну Аурелию от посягательств бессовестных сластолюбцев.

— Мне это известно. Однако вы — и, должен признать, совершенно заслуженно — пользуетесь полным доверием нашего дорогого Бартоломео. По вашему совету он водил монну Аурелию в бани и совершил паломничество к месту поклонения святым, обладающим божественным даром избавлять женщин от бесплодия. А если он в сопровождении слуги отправится в Равенну и проведет ночь в молитвах и благочестивых размышлениях у гроба святого Виталья, то, полагаю, монна Аурелия наверняка забеременеет.

— Святой Виталь, разумеется, великий святой, иначе в его честь не построили бы церковь. Но почему вы так уверены, что его мощи помогают таким, как Бартоломео?

— Этот святой не слишком известен, и Бартоломео знает о его чудодейственной силе не больше, чем мы с вами. Утопающий, как известно, хватается за соломинку, а Равенна всего в двадцати милях от Имолы. Вряд ли наш друг откажется от столь короткого путешествия, чтобы превратить в реальность заветную мечту.

— Позвольте мне задать вам вопрос, мессер. Есть ли у вас основания полагать, что монна Аурелия, это добродетельная и скромная жена, уступит вашим притязаниям? Известно ли ей о вашей страсти?

— Мы едва обмолвились несколькими фразами. Тем не менее монна

Аурелия, если только она не отличается от прочих женщин, несомненно догадывается о моих чувствах. Женщин отличают два недостатка: любопытство и тщеславие.

— Простительный грех, — пробормотал монах.

— Однако они куда чаще, чем страсть, сбивают этих милых существ с узкой тропы добродетели.

— У вас неплохой план, — согласился фра Тимотео. — Мне кажется, вам удастся заручиться поддержкой монны Катерины. Она не остановится ни перед чем, лишь бы воспрепятствовать Бартоломео усыновить племянников. Но я слишком хорошо знаю монну Аурелию. Думаю, ни матери, ни вам не удастся убедить ее совершить смертный грех.

— Многое на расстоянии кажется непонятным и невозможным, а приглядишься поближе — все так просто и естественно. У меня нет оснований считать монну Аурелию умнее большинства женщин. Вы могли бы разъяснить ей, что не надо бояться зла, если оно приносит добро. Под добром понимается зачатие и рождение новой бессмертной души, под злом — вероятность того, что муж узнает об измене. Приняв же некоторые предосторожности, этого можно избежать. В ее поступке не будет ничего греховного, так как грешит душа, а не тело. Огорчить мужа — это грех, а в данном случае он только обрадуется. Не надо забывать о результате. А в результате — желания мужа сбываются.

Фра Тимотео молча смотрел на Макиавелли, и флорентийцу показалось, что он едва сдерживает смех. Наконец монах отвел глаза, и его взгляд упал на мешочек с золотом.

— Я уверен, Синьория сделала правильный выбор, поручив вам переговоры с герцогом, мессер, — сказал он. — Я, разумеется, осуждаю ваши намерения, но не могу не восхищаться остротой вашего ума.

— Вы мне льстите, святой отец, — ответил Макиавелли.

— Я должен все хорошенько обдумать.

— Лучше всего довериться первому впечатлению, святой отец. Прошу меня извинить, но мне надо выйти во двор. Хорошее мочегонное это ваше местное вино.

Когда Макиавелли вернулся, монах сидел в той же позе, а мешочек с золотом исчез.

— В пятницу монна Катерина приведет дочь на исповедь, — сказал он, глядя на свои холеные руки. — Вы сможете поговорить с ней, пока монна Аурелия будет в исповедальне.

Следующим утром Макиавелли представился счастливым случай еще раз напомнить о себе восхитительной Аурелии, и он не преминул им воспользоваться. Он встал, оделся, спустился вниз на кухню, где Серафина накормила его скромным завтраком, а затем поднялся к себе. Ему нужно было взять кое-какие бумаги и идти во дворец. Но, взглянув в окно, он увидел, что Нина, служанка монны Аурелии, вытащила на крышу дома Бартоломео кресло и скамеечку для ног. В последние дни небо хмурилось и частенько раздражалось дождем, но сегодня ярко светило солнце. Макиавелли сразу догадался, что означают эти приготовления. И действительно, вскоре на крыше в длинном стеганом халате появилась монна Аурелия, держа в руке соломенную шляпу. Она решила воспользоваться чудесной погодой и высушить на солнце только что вымытые и выкрашенные волосы. Монна Аурелия села в кресло, а служанка, продев длинные волосы сквозь срезанную тулью, разложила их по широким полям шляпы.

Макиавелли забыл о визите во дворец. Схватив лютню, он поспешил на лоджию верхнего этажа. Когда он поднялся по ступенькам, служанка уже ушла, и монна Аурелия осталась одна. Сверкающие на солнце волосы полностью скрывали ее лицо. Она не заметила Макиавелли и испуганно вздрогнула при первых звуках лютни. Приподняв шляпу, монна Аурелия посмотрела на дом Серафины. Но прежде чем Макиавелли смог поймать взгляд прекрасных глаз, волосы вновь скрыли ее лицо. Он запел любовную песню о купидоне и его стрелах, о жестоких ранах, нанесенных взглядом любимой, о том, как он был бы счастлив, если б хоть на мгновение мог забыть о ней. Аурелия была в его власти. Застенчивость, возможно, гнала ее с крыши. Но краска на волосах еще не высохла. А какая женщина пожертвует внешностью ради скромности. Если же она еще сомневается в его чувствах, то сейчас — а более счастливого случая может и не представиться — она должна узнать о сжигающей его страсти. И Макиавелли запел серенаду, которую когда-то посвятил женщине по имени Фенис. Начиналась она словами: «Приветствую тебя, о божественная красота...» А «Фенис» он без труда заменил на «Аурелию». Аурелия сидела неподвижно, и Макиавелли казалось, что она внимательно слушает его. Этого он и добивался. Но она выслушала только два куплета, а затем позвонила в маленький колокольчик. Макиавелли замолчал. Минуту спустя

на крышу поднялась Нина. Аурелия что-то ей сказала и встала. Служанка перенесла кресло в другое место. Аурелия вновь села, а Нина примостилась на скамеечке для ног. Женщины начали о чем-то говорить, и Макиавелли понял, что служанка останется на крыше, пока он не уйдет. Нисколько не огорчившись, он спустился к себе, взял бумаги и отправился во дворец. Пока все шло как нельзя лучше.

Макиавелли не любил служб и вошел в церковь, только когда закончилась вечерняя молитва и большинство прихожан разошлись по домам. Он видел, как фра Тимотео вошел в исповедальню. Тут же за ним последовала Аурелия. Монна Катерина сидела одна. Она не удивилась, увидев Макиавелли, и тот подумал, что монах, скорее всего, уже переговорил с ней. Поэтому он сразу заговорил о деле. Признавшись в страстной любви к ее дочери, Макиавелли попросил замолвить за него словечко перед Аурелией. Монна Катерина с улыбкой ответила, что он не первый, кто пытается соблазнить ее дочь. Но до сих пор никому не удалось добиться успеха.

— Я воспитала ее в строгих правилах, мессер Никколо. И с той поры, когда я отвела ее невинной девушкой в спальню Бартоломео, она остается его верной и покорной женой.

— Если меня правильно уведомили, ей пока не представился случай стать кем-то еще.

Монна Катерина рассмеялась.

— Мессер Никколо, вы прожили достаточно долго и должны знать: уж если жена решит изменить мужу, ее не удержишь.

— Вся история человечества подтверждает ваши слова, монна Катерина. Судя по всему, я могу говорить с вами совершенно откровенно.

Она пристально посмотрела на Макиавелли.

— Мессер Никколо, мне пришлось перенести много бед. Меня швыряло по бурным морям, и теперь, находясь в тихой гавани, мне не хотелось бы вновь оказаться во власти яростной стихии.

— Я понимаю вас, монна Катерина. Но уверены ли вы, что якорь надежно закреплен, а швартовы туго натянуты?

Монна Катерина не ответила, но Макиавелли почувствовал тревогу в ее молчании.

— Если монна Аурелия в ближайшее время не принесет Бартоломео желанного наследника, он усыновит детей монны Констанцы, не так ли?

И вновь монна Катерина промолчала.

— Вы много повидали, монна Катерина, и не мне объяснять вам, в каком положении окажетесь тогда вы и ваша дочь.

Слеза скатилась по щеке монны Катерины. Макиавелли ласково взял ее за руку.

— В таких случаях решаются на крайние средства. Монна Катерина тяжело вздохнула.

— Даже если я смогу перебороть страх Аурелии, как нам найти удобный момент?

— Я не нравлюсь вашей дочери?

— Вы можете заставить ее смеяться, а этот дар так же легко вызывает благосклонность женщины, как и красивое лицо.

— Я вижу, вы меня понимаете. Так я могу рассчитывать на вашу помощь, если представится возможность выполнить наш план?

— Придется не только побороть нерешительность Аурелии но и подавить угрызения ее совести.

— Если вам не удастся окончательно развеять их, нам поможет наш замечательный фра Тимотео. Вы же знаете, он так не любит доминиканцев.

Монна Катерина довольно хмыкнула.

— Вы очень милы, мессер Никколо. Будь я помоложе, я бы не устояла.

«Старая корова», — подумал Макиавелли, а вслух произнес:

— Если бы не страстная любовь к вашей дочери, я был бы уже у ваших ног.

— Идет Аурелия.

— Я покидаю вас.

Выскользнув из церкви, Макиавелли напрямик направился к серебряных дел мастеру и купил позолоченную цепочку, так как на золотую у него денег не было. Днем позже он послал Пьеро на рынок за финиками. Положив цепочку на дно корзины, он велел Пьеро отнести все монне Катерине. Макиавелли чувствовал, что они прекрасно поладят. А скромный подарок только укрепит взаимопонимание.

Несколько дней спустя Бартоломео предложил повторить вечерний концерт. После приятной беседы за ужином мужчины спели несколько песен. Аурелия, и так-то не болтушка, на этот раз вообще не раскрывала рта. Правда, когда Макиавелли что-то рассказывал, она бросала на него оценивающий взгляд. Он был уверен: мать и дочь обсудили его предложение, и теперь Аурелия, видимо, пыталась представить его в качестве любовника. Сознывая, что его успеху у женщин способствовала не красота, а обаяние, остроумие и веселый нрав, Макиавелли постарался предстать перед Аурелией в самом выигрышном свете. Смех, с каким встречали его шутки и забавные истории, еще больше разжигал воображение флорентийца. В этот вечер он превзошел себя. Возможно, ему только казалось, но иногда он видел во взгляде Аурелии дружескую нежность. Из чего он сделал вывод, что небезразличен юной красавице. Странные существа эти женщины, не могут обойтись без сантиментов, тем самым усложняя получение наслаждения, дарованного людям божественным провидением в качестве компенсации за изгнание их праотца и праматери из садов Эдема. Но иногда эта слабость оказывалась вполне уместной. Он вспомнил Мариетту, которая так любила его, что хотела быть рядом с ним каждую минуту. Макиавелли тоже привязался к жене, но круг его интересов не ограничивался домом, и он не собирался всю жизнь держаться за ее юбку.

Еще через пару дней, несмотря на крайнюю занятость, Макиавелли сумел выкроить несколько минут, чтобы купить кувшинчик розового масла. Пьеро отнес масло Аурелии и та не смогла отказаться от столь щедрого подарка. Макиавелли расценил это как добрый знак, похвалил Пьеро, которому удалось передать кувшинчик без лишних свидетелей, и дал ему эскудо.

— А как поживает Нина? — улыбнувшись, спросил он.

— Мне кажется, я ей нравлюсь, — ответил Пьеро. — Но она боится слуги Бартоломео. Он ее любовник.

— Я так и думал. Но не надо отчаиваться. Если Нина захочет провести с тобой ночь, она все устроит.

На следующий день пошел дождь, и Бартоломео прислал слугу узнать, не сможет ли Макиавелли прийти к нему и сыграть партию в шахматы. Флорентиец отложил только что начатое письмо Синьории, резонно

рассудив, что оно может и подождать, и отправился к Бартоломео. Тот ждал его в кабинете. Хотя там не было камина, жаровня хорошо обогревала небольшую комнату.

— Я подумал, здесь нам будет удобнее. Женщины помешают нам своей болтовней, — сказал Бартоломео.

Макиавелли пришел только ради Аурелии и, конечно, расстроился. Однако ничем не выдал своего разочарования.

— Вы правы. Женщины любят поговорить, а шахматы требуют сосредоточенности.

Они начали партию. Но Макиавелли играл не слишком внимательно, и Бартоломео довольно быстро выиграл. Он послал за вином, и слуга принес кувшин и бокалы. Макиавелли вновь расставил фигуры.

— Я попросил вас прийти не только для того, чтобы сыграть в шахматы, — сказал Бартоломео, когда слуга вышел из кабинета. — Мне нужен ваш совет.

— Я к вашим услугам.

— Вы когда-нибудь слышали о святом Витале? Слабая улыбка пробежала по губам Макиавелли. Фра Тимотео его не подвел.

— Странно, что вы спрашиваете об этом. Как я понимаю, речь идет о церкви в Равенне, где хранятся его мощи. Не так давно о нем говорила вся Флоренция.

— В связи с чем?

— Нет пределов человеческой глупости, и наши флорентийцы, гордящиеся своим проницательным умом, могут, как оказалось, поверить чему угодно.

— Что вы имеете в виду?

Макиавелли видел, как Бартоломео напрягся в ожидании, и решил его помучить.

— История настолько абсурдна, что мне просто стыдно рассказывать ее вам. Мои сограждане отличаются здоровым скептицизмом. Они не верят в то, что не могут увидеть, понюхать или пощупать.

— Поэтому они так преуспели в торговых делах.

— Возможно. И тем более удивительно, что они поддались на столь нелепую выдумку. Честно говоря, мне не хочется выставить их на посмеище.

— Я сам почти флорентиец и теперь не успокоюсь, пока не услышу эту историю. В такой дождливый день самое время посмеяться.

— Ну хорошо. Так вот, Джулиано да Альбертелли, гражданин Флоренции, человек состоятельный, в расцвете лет, владелец большого

дома, в котором он жил с красавицей женой, мог бы считаться счастливейшим человеком, если бы не одно обстоятельство: у него не было детей. Это очень печалило достойного Джулиано. Он окончательно разругался с братом, так как не мог смириться с мыслью, что в один прекрасный день этот человек вместе со своим выводком унаследует все его состояние. Он водил жену в бани, совершил паломничество по святым местам, обращался к докторам и старухам, которые будто бы знали тайные снадобья, помогающие бесплодным женщинам, но ничего не помогало.

Бартоломео слушал, затаив дыхание.

— Но как-то раз монах, возвращавшийся из Святой Земли, сказал ему, что в Равенне есть церковь, где хранятся мощи святого Виталья. И этот святой обладает чудодейственной силой возвращать мужчинам способности к воспроизведению потомства. Хотя друзья отговаривали Джулиано, он отправился в Равенну. Можете представить, сколько было смеха, когда он собирался в путь. Наши добрые флорентийцы написали на эту тему не один десяток памфлетов. Когда он вернулся, мужчины отворачивались, чтобы не рассмеяться ему в лицо. А через девять месяцев его жена родила здоровенького мальчугана. Вот тут уж смеялся Джулиано. А пораженные флорентийцы кричали на всех углах, что произошло чудо.

На лбу Бартоломео выступили капельки пота.

— Так что же это, если не чудо?

— В этих четырех стенах, дорогой друг, я скажу вам, что по моему глубокому убеждению, времена чудес давно миновали, ибо мы не достойны их из-за наших грехов. Однако должен признать, что происшедшее с Джулиано озадачило меня. Я могу лишь повторить ваши слова: что же это, если не чудо? Я сообщил вам факты, а выводы делайте сами.

Макиавелли решил поставить еще одну свечку чудотворной деве Марии. Монах потруился на славу.

— Я знаю, что могу доверять вам, мессер Никколо, — сказал наконец Бартоломео. — Я хорошо разбираюсь в людях и уверен: сказанное здесь останется между нами. Я не случайно спросил вас о святом Витале, хотя и не ожидал, что вы подтвердите дошедшие до меня слухи.

— Мой друг, вы говорите загадками.

— Вы же знаете, я тоже мечтаю о сыне, которому мог бы оставить мои деньги, земли, дома и передать титул, пожалованный герцогом. У моей овдовевшей сестры два мальчика, и я подумываю о том, чтобы усыновить их. Однако сестра не намерена расставаться с ними и тоже хочет переехать в Имолу. А характер у нее властный. И вряд ли я найду покой среди трех крикливых женщин. Они будут ссориться двадцать четыре часа в сутки.

— В это легко поверить.

— У меня не будет ни минуты покоя.

— Ваша жизнь станет пыткой. Они разорвут вас на части.

Бартоломео глубоко вздохнул.

— Вы хотели посоветоваться со мной именно об этом?

— Нет. Только вчера я обсуждал свои проблемы с фра Тимотео. Он-то и рассказал мне о святом Витале. Я абсолютно уверен, что не виноват в бесплодии своих жен. Но, если святые мощи творят чудеса, мне, возможно, стоит съездить в Равенну. К тому же у меня там дела, так что время попусту не будет потрачено.

— В таком случае я не понимаю, почему вы колеблетесь. Вы ведь ничего не теряете, а можете приобрести.

— Фра Тимотео — добрый, святой человек. Но он совершенно не знает жизни. Мне кажется странным, что никому не известно об этом чудесном святом.

На мгновение Макиавелли пришел в замешательство, но только на мгновение.

— Вы забываете, мужья не любят признавать за собой недостаток, который они обычно приписывают своим женам. Уверяю вас, те, кто прибегал к помощи святого Виталя, никогда не откроют тайну, каким это образом их жены смогли зачать.

— Я и не подумал об этом. Ну а если кто-нибудь узнает о моей поездке и паломничество не принесет желанного результата, надо мной будет смеяться весь город. Я признаюсь в собственной импотенции.

— Кто же может узнать? Разве фра Тимотео не сказал вам, что надо сделать? Если следовать примеру Джулиано, вы должны провести ночь в молитвах и благочестивых размышлениях у гроба святого.

— Разве это возможно?

— За скромную мзду ризничий позволит вам провести ночь в церкви. А утром, после мессы, вы закончите свои дела и вернетесь к жене.

Бартоломео улыбнулся.

— И вы не сочтете меня дураком, если я решусь поехать в Равенну?

— Мой дорогой, пути господни неисповедимы. Я же рассказал вам, что произошло с Джулиано да Альбертелли. Мне ли судить, чудо это или нет.

— Это моя последняя надежда, — вздохнул Бартоломео. — Я попытаюсь. Если святой Виталь помог мессеру Джулиано, он может помочь и мне.

— Вне всякого сомнения, — поддержал его Макиавелли.

В течение следующей недели настроение Макиавелли менялось раз пять на дню. Утром он был полон надежд, вечером впадал в уныние. Счастливое ожидание сменялось горьким разочарованием, лихорадочное возбуждение — глубокой депрессией. Потому что Бартоломео никак не мог решить, ехать ему в Равенну или нет. Он напоминал человека, которому предлагают вложить деньги в рискованное дело и тот разрывается между страхом потерять их и желанием получить быструю прибыль. Он то начинал собирать вещи, то отказывался от поездки. От волнения у Макиавелли вновь разболелся желудок. К тому же на него навалилась работа. Переговоры герцога с мятежными капитанами близились к завершению, Макиавелли приходилось писать множество писем Синьории, просиживать долгие часы во дворце в ожидании новостей и посещать влиятельных персон, представлявших в Имоле многочисленные итальянские государства. Но наконец удача улыбнулась ему. Торговый партнер Бартоломео из Равенны прислал письмо, в котором сообщал, что условленную сделку необходимо заключить без промедления, иначе товар уйдет к другому покупателю. Это решило дело.

Боли Макиавелли исчезли как по мановению волшебной палочки. Спустя некоторое время после разговора с Бартоломео он встретился с фра Тимотео, и монах обещал посоветовать Бартоломео провести всю ночь у гроба святого Виталя. Чтобы завоевать расположение Аурелии, Макиавелли купил ей перчатки, простроченные золотой нитью. Стоили они недешево, но в такой момент не пристало думать о деньгах. Он послал перчатки с Пьеро и предупредил юношу, чтобы тот обратился к монне Катерине — тогда слуги ничего не заподозрят. И попросил передать монне Катерине, что хочет встретиться с ней в церкви в удобный для нее час. Вернувшись, Пьеро застал Макиавелли в прекрасном расположении духа. Монне Катерине и Аурелии дорогой подарок очень понравился. Такие перчатки высоко ценились. Сама маркиза Мантуанская говорила, что их можно преподнести и королеве Франции.

— Как она выглядела? — спросил Макиавелли.

— Монна Аурелия? Очень довольной.

— Не прикидывайся дурачком, мальчик. Разве она не была прекрасна?

— Она выглядела как всегда.

— Глупец! Когда монна Катерина будет в церкви?

— Сегодня она пойдет к вечерней службе.

Разговор с монной Катериной доставил Макиавелли безмерное удовольствие.

«Замечательное все-таки животное человек, — говорил он себе, возвращаясь домой. — Решительный, хитрый, да еще и с деньгами, он может свернуть горы».

Сначала Аурелия испугалась и отказалась даже выслушать предложение Макиавелли. Но постепенно монне Катерине удалось убедить дочь. Слишком уж вескими оказались доводы флорентийца. А увещевания фра Тимотео рассеяли последние сомнения Аурелии. Девушка разумная, она не могла не признать, что полученное добро с лихвой перекроет совершенное зло. Короче говоря, если Бартоломео и его слуга уедут из города, мечты Макиавелли сбудутся.

Приняв решение, Бартоломео не стал откладывать дело в долгий ящик и на другой день в сопровождении слуги выехал в Равенну. Макиавелли пожелал ему доброго пути и успеха. А Нину, служанку, отправили на ночь к родителям. По поручению Макиавелли Пьеро отнес в дом Бартоломео корзину со свеженаловленной рыбой, двумя жирными каплунами, сладостями, фруктами и кувшином лучшего вина. Через три часа после захода солнца, в девять вечера, когда Серафина спала бы глубоким сном, Макиавелли должен был подойти к маленькой двери, ведущей во двор Бартоломео. Монна Катерина встретила бы его и отвела наверх, а после ужина удалилась бы к себе, оставив наедине с дочерью. Покинуть дом он обещал до рассвета — так просила монна Катерина. Вскоре вернулся Пьеро с запиской. Монна Катерина сообщала Макиавелли условный сигнал. Он должен постучать два раза, выдержать паузу, потом еще раз, снова подождать и постучать дважды. Тогда она бы знала, что пришел именно он. После того как дверь откроется, ему следовало войти, не говоря ни слова.

«Вот что значит иметь дело с умудренной опытом женщиной! — подумал Макиавелли. — Она не упустит ни одной мелочи».

Слуга принес в спальню ведро горячей воды, и Макиавелли вымылся с головы до ног. Затем надушился духами, купленными одновременно с розовым маслом для Аурелии, и надел свой лучший костюм. Чтобы не портить аппетита перед роскошным ужином, ожидавшим его в доме Бартоломео, он отказался от скромной трапезы Серафины, сославшись на приглашение посла герцога Феррарского. Он пытался читать, но буквы прыгали перед глазами. Он взял лютню, но пальцы не слушались. Ему вспомнился один из диалогов Платона, но размышления о вечном казались сейчас безвкусной преснятиной. Его сердце пело. Кто, кроме него, смог бы

так ловко играть страстями, глупостью и корыстью причастных к этому делу людей и подчинить их своей воле? Церковные часы пробили восемь. Макиавелли позвал Пьеро, решив скоротать оставшийся час за игрой в шашки. Обычно он легко побеждал юношу, но на этот раз Пьеро выигрывал партию за партией. Казалось, этот час будет длиться вечно. Но наконец раздался долгожданный бой. Макиавелли вскочил, завернулся в плащ и открыл входную дверь. Он уже было направился к калитке, когда услышал шум приближающихся шагов. Он прикрыл дверь и решил переждать, пока люди пройдут мимо. Но они остановились и постучали. От стука незапертая дверь распахнулась, и факелы осветили стоящего в проходе Макиавелли.

— А, мессер Никколо, — сказал один из пришедших, в котором Макиавелли узнал секретаря герцога. — Вы, как я вижу, собрались во дворец? Его светлость хочет с вами поговорить. У него есть для вас важные новости.

Впервые Макиавелли растерялся и не нашел подходящего предлога, чтобы уклониться от визита. Если бы секретарь не застал его уже одетым, он послал бы записку, что болен и лежит в постели. А теперь? Герцог не привык, чтобы его приглашением пренебрегали. К тому же если он хотел сообщить что-то важное, Макиавелли не мог не пойти. Возможно, речь идет о безопасности Флоренции. Макиавелли тяжело вздохнул.

— Подождите меня. Я только скажу слугам, что провожать меня не надо.

Он вернулся в гостиную и закрыл за собой дверь.

— Послушай, Пьеро. Герцог послал за мной. Я постараюсь вернуться как можно скорее. Сошлюсь на колики в животе. Монна Катерина, должно быть, уже ждет. Пойди и постучи, как мы условились. Расскажи ей, что случилось. Пусть она разрешит тебе подождать во дворе. Когда я приду, ты откроешь мне дверь.

— Хорошо.

— Передай, что я подавлен, раздражен, убит горем. Я вернусь через полчаса.

Во дворце секретарь оставил Макиавелли в приемной, а сам прошел к герцогу доложить о прибытии флорентийского посла. Макиавелли ждал. Пять, десять, пятнадцать минут. Наконец секретарь вернулся и сообщил, что герцог просит извинить за задержку, но курьер привез письма от папы, и его светлость должен обсудить их с Агапито да Амалой и епископом Эльнским. Он обещал пригласить Макиавелли, как только освободится. И снова Макиавелли остался один. Его терпение жестоко испытывали. Он

ерзал на стуле, вставал, снова садился. Он нервничал, горячился, кипел от ярости. Наконец в отчаянии выскочил из приемной и бросился на поиски секретаря, а найдя его, ледяным тоном спросил, не забыл ли герцог о существовании флорентийского посла.

— Если герцог не сможет принять меня, то я пойду домой. Я, кажется, заболеваю.

— Это нелепая случайность, — попытался успокоить его секретарь. — Его светлость не заставил бы вас ждать, если бы не безотлагательное дело. Я уверен, он хочет сообщить вам что-то жизненно важное для Синьории. Пожалуйста, наберитесь терпения.

С трудом подавляя раздражение, Макиавелли бросился в ближайшее кресло. Секретарь старался отвлечь флорентийца разговором, не обращая внимания на то, что собеседник его не слушает. Макиавелли испытывал огромное желание предложить ему заткнуться. Снова и снова он говорил себе: «Если б они пришли на минуту позже, то уже не застали бы меня». Наконец появился Агапито да Амала и сказал, что герцог ждет его. Макиавелли продержали в ожидании ровно час. Вспомнив Пьеро, дрожащего от холода во дворе Бартоломео, он саркастически улыбнулся. Мысль о том, что страдает не он один, приносила слишком малое утешение.

Герцог беседовал с епископом Эльнским. Поздоровавшись с Макиавелли, он сразу перешел к делу.

— Я всегда говорил с вами откровенно, секретарь, и хочу разъяснить вам мою позицию. Меня не устраивают бесконечные заверения Синьории в преданности и дружбе. Папа может умереть в любой момент, и я должен принять необходимые меры, чтобы сохранить свои владения. Король Франции — мой союзник, у меня есть армия, но этого недостаточно. Я хотел бы жить в мире с соседними государствами — Болоньей, Мантуей, Феррарой и Флоренцией.

Макиавелли решил, что сейчас не время повторять набившие оскомину слова о дружбе, и промолчал.

— Я заручился поддержкой герцога Феррарского, отдав ему в жены монну Лукрецию, мою любимую сестру, которая принесла ему огромное приданое. Союз с Мантуей также имеет прочную основу. Во-первых, мы намереваемся сделать кардиналом брата маркиза. И он заплатит за это сорок тысяч дукатов. Во-вторых, моя дочь со временем выйдет замуж за сына маркиза и получит в приданое те же сорок тысяч. Думаю, не надо доказывать вам, что эти соглашения выгодны обеим сторонам.

— Разумеется, ваша светлость, — улыбнулся Макиавелли. — А

Болонья?

Правитель Болоньи Джованни Бентивольо присоединился к мятежным капитанам. И хотя его войска отошли от границ герцога, они могли в любой момент начать боевые действия. Эль Валентино злобно улыбнулся.

— Я не намерен нападать на Болонью. Но мне необходимы гарантии ее доброжелательности. Мне проще назвать мессера Джованни другом, чем захватить его государство, которое, возможно, я не смогу удержать, а это будет равнозначно поражению. Кроме того, герцог Феррарский не окажет мне поддержки, если я не заключу мир с Болоньей.

— Мессер Джованни подписал договор с мятежниками.

— Ваши сведения неверны, секретарь, — добродушно возразил герцог.

— Мессер Джованни придерживается мнения, что этот договор не отвечает его интересам. Он не согласен со многими положениями. Я беседовал с его братом, и мы быстро пришли к общему мнению. За мир с Болоньей братец получит кардинальскую шапку или, если откажется от духовного сана, руку моей кузины, сестры кардинала Борджа. Армия наших четырех государств, поддержанная королем Франции, станет непобедимой. И тогда ваши хозяева будут нуждаться во мне куда больше, чем я в них. Я не хочу сказать, что затаил на них зло, но обстоятельства меняются, и, если нас не свяжет договор, я буду считать себя вправе поступать так, как сочту нужным.

Макиавелли на мгновение задумался. Все замерли в ожидании.

— Что хочет от нас ваша светлость? — спросил, он как можно более безразлично. — Как я понимаю, вы уже пришли к соглашению с Вителлоццо и Орсини?

— Еще ничего не подписано. И лучше бы и не подписывать. Я не стремлюсь к ссоре с Орсини. Если папа умрет, я хочу, чтобы в Риме у меня остались друзья. Когда Паголо Орсини приезжал ко мне, он жаловался на поведение Рамиро де Лорки. Я обещал наказать его и сдержу слово. Вителлоццо — совсем другое дело. Эта змея сделала все, чтобы помешать мне наладить отношения с Орсини.

— Я бы попросил вашу светлость выразиться более определенно.

— Хорошо. Сообщите господам из Синьории, что король Франции, возможно, прикажет им вновь выплачивать мне жалованье, полагающееся по договору, без всякой причины расторгнутому Флоренцией. И будет лучше, если они сами, без принуждения, предложат мне вернуться к договору.

Макиавелли медлил с ответом. Ему нужно было сосредоточиться. Наконец он заговорил:

— Можно только восхищаться предусмотрительностью вашей светлости в выборе друзей. Но, касаясь вопроса о жалованье, мы не имеем права ставить вашу светлость на одну доску с наемными капитанами, которые могут продать разве только себя и несколько десятков солдат. Вся Италия считается с вашей светлостью. И нам представляется более целесообразным заключить с вами союз, а не платить вам деньги, как простому наемнику.

— Я сочту за честь служить Флоренции, — вкрадчиво ответил герцог. — Послушайте, секретарь, мы можем найти взаимоприемлемое решение. Я — профессиональный солдат, связанный с вашим государством дружескими узами. Неужели вы думаете, я не послужу Синьории так же хорошо, как и любой другой?

— Осмелюсь заметить, что мы не можем ставить под угрозу безопасность Флоренции, отдавая три четверти наших войск в распоряжение вашей светлости.

— То есть вы сомневаетесь в искренности моих намерений?

— Ничуть! — с притворным жаром воскликнул Макиавелли. — Но члены Синьории расчетливы и осторожны. Они не могут позволить себе принять решение, в котором им придется раскаиваться. Их самое большое желание — жить со всеми в мире.

— Вы слишком умны, секретарь, чтобы не знать: хочешь мира — готовься к войне.

— Я не сомневаюсь. Синьория поступит так, как сочтет необходимым.

— Например, пригласит на службу других капитанов? — резко спросил герцог.

Именно на такую реакцию и рассчитывал Макиавелли. После внезапных приступов ярости Эль Валентино обычно прогонял прочь объект своего гнева. А мыслями Макиавелли был уже далеко от дворца.

— У меня есть все основания полагать, что таковы намерения Синьории, — подлил он масла в огонь.

К его изумлению, герцог рассмеялся. Поднявшись с кресла, он встал спиной к огню и добродушно сказал:

— Неужели в такое беспокойное время можно сохранить нейтралитет? Я думал, они люди здравомыслящие. Когда два соседних государства начинают воевать друг с другом, одно, рассчитывающее на вашу помощь в силу сложившихся дружеских отношений, будет считать вас обязанным вступить в войну на его стороне. Отказом вы вызовете ненужные трения. Другое будет презирать вас за трусость и нерешительность. Бесполезный друг — для одной стороны, бессильный враг — для другой. Нейтральное

государство в силу своей позиции может помогать либо одной стороне, либо другой. Но в конце концов ситуация складывается так, что оно вынуждено вступить в борьбу. Поверьте мне, гораздо разумнее сразу принять ту или иную сторону, иначе победитель не пощадит вас. И кто тогда придет вам на помощь? Победителю не нужны друзья, на которых он не может положиться. И побежденный отвернется от вас, потому что в свое время вы не спасли его от поражения.

Макиавелли без особого интереса слушал рассуждения Эль Валентино. Он с нетерпением ждал того момента, когда красноречие герцога наконец иссякнет. Но тот, похоже, вошел во вкус и не собирался отпускать флорентийца.

— С каким бы риском ни была связана война, нейтралитет еще опасней. Такая позиция вызывает лишь ненависть и презрение. Рано или поздно вас принесут в жертву первому, кто решит, что пришла пора вас уничтожить. Если же вы без колебаний встанете на сторону одного из противников и тот победит, гарантией вашей безопасности будут дружеские отношения с победителем.

— И опыт вашей светлости подтверждает, что благодарность людей за прошлые благодеяния заставит их подумать, прежде чем сокрушить недавнего союзника? — едко заметил Макиавелли.

— Победа никогда не бывает окончательной, и победитель не всегда может позволить себе отвернуться от друзей. В его интересах обойтись с ними по справедливости.

— А если нейтральное государство встанет на сторону побежденных?

— Тогда тем более оно приобретет верного союзника, который приложит все силы, чтобы облегчить его участь. А со временем фортуна может отвернуться от победителя. Короче, куда ни кинь, нейтралитет — очевидная глупость. Это все, что я хотел вам сказать. Рекомендую Синьории повторить этот урок государственной мудрости.

С этими словами Чезаре Борджа сел и протянул руки к огню. Макиавелли поклонился и сделал уже шаг к двери, когда герцог обратился к Агапито да Амале:

— Ты сказал секретарю, что его приятель Буонаротти задерживается во Флоренции и прибудет лишь через несколько дней?

Агапито покачал головой.

— Я не знаю этого человека, ваша светлость, — удивленно ответил Макиавелли.

— Не может быть! Это скульптор.

Глаза герцога весело сверкнули. И тут Макиавелли вспомнил, о ком

идет речь. Он послал Биаджо письмо с просьбой прислать деньги и получил ответ, в котором сообщалось, что их привезет Микеланджело, скульптор. Имя ничего ему не говорило. Но Макиавелли догадался: просматривается, каждый листок бумаги, оставленный в его комнате, скорее всего, с ведома Серафины — и возблагодарил бога, что вся важная корреспонденция хранилась в более надежном месте. Дома находились лишь ничего не значащие письма, вроде того, что прислал ему Биаджо.

— Во Флоренции много камнетесов, ваша светлость, — холодно ответил Макиавелли. — Не могу же я знать всех по имени.

— Этот Микеланджело очень талантлив. Он высек из мрамора купидона и закопал в землю. Через некоторое время статую нашли и приняли за творение античного мастера. Кардинал ди Сан Джиорио купил ангелочка, но, поняв, что это подделка, вернул покупку. И в конце концов купидон оказался у меня. Я послал его в подарок маркизе Мантуанской.

Насмешливый тон герцога вывел Макиавелли из себя. Он понял, что над ним смеются. И раздражение взяло верх над рассудительностью.

— Ваша светлость собирается заказать ему статую, которая затмит ту, что воздвиг Леонардо для герцога Миланского? — язвительно спросил он.

Секретари герцога испуганно переглянулись, ошеломленные такой дерзостью. Великолепная статуя Франческо Сфорца, расцениваемая многими как шедевр Леонардо, была уничтожена солдатней маршала Тревальцио при штурме Милана. А сына Франческо, Лодовико иль Моро, такого же авантюриста, как Чезаре Борджа, заказавшего статую великому да Винчи, изгнали из города и бросили в подземелье. Своим замечанием Макиавелли как бы напоминал герцогу о шаткости его положения и о том, что может произойти, если фортуна повернется к нему спиной. Эль Валентино расхохотался.

— Нет, я хочу предложить Микеланджело более серьезное дело — начертить планы укреплений города. Ведь Имола практически беззащитна. Но вы заговорили о Леонардо. Сейчас я покажу вам его рисунки. Мои портреты.

— Если бы вы не предупредили меня, что это портреты вашей светлости, я бы никогда не узнал вас.

— Бедный Леонардо, — улыбнулся герцог. — Он видит совсем не то, что мы. Но сами по себе рисунки превосходны.

— Возможно, но я думаю, Леонардо напрасно растрчивает свой талант на картины и статуи.

— Уверю вас, на моей службе он займется другим. Я послал его в Пиомбино, чтобы осушить болото. А на Днях он побывал в Чезене и

Чезенатике. Я хочу прорыть там канал и устроить гавань.

Эль Валентино отдал папку с рисунками секретарю и царственно кивнул Макиавелли на прощание. Флорентиец вышел в сопровождении Агапито да Амалы. За месяц, проведенный в Имоле, Макиавелли всеми силами пытался добиться расположения первого секретаря герцога. Агапито происходил из знатного римского рода, издавна враждовавшего с Орсини. И Макиавелли рассчитывал, что наличие общего врага сблизит их. Время от времени Агапито сообщал флорентийцу важные сведения, которые зачастую соответствовали действительности. Вот и сейчас он коснулся руки Макиавелли и сказал:

— Я хочу показать вам кое-что интересное.

— Уже поздно, и я плохо себя чувствую, — ответил Макиавелли. — Я найду к вам завтра.

— Как вам угодно, — пожал плечами Агапито. — Я хотел показать вам договор между герцогом и мятежниками.

Макиавелли замер. Он знал, что документ находится в Имоле, и даже предпринимал безуспешные попытки взглянуть на него. Условия договора имели исключительно важное значение для Флоренции. В письмах Синьория упрекала Макиавелли в пренебрежении интересами государства. Не имело смысла убеждать ее членов, что он и так посылает им всю доступную ему информацию, а планы герцога держатся в строгом секрете и становятся известными лишь после проведения в жизнь. В этот момент часы пробили одиннадцать. Аурелия ждала его уже два часа. Рыба, должно быть, пережарилась, жирные капли просто обуглились. А он не ел с самого полудня. Любовь и голод справедливо называли самыми сильными инстинктами человека. Кто обвинил бы Макиавелли, уступи он их напору? Макиавелли тяжело вздохнул. На карту была поставлена судьба Флоренции, ее свобода.

— Конечно, пойдемте, — сказал он.

«Никто еще, — с горечью думал Макиавелли, — не приносил такую жертву ради своего государства».

Они поднялись по лестнице, Агапито достал ключ, открыл дверь и пригласил Макиавелли в маленькую комнатку, тускло освещенную масляной лампой. Он зажег свечу, предложил гостю стул и сел сам. Судя по всему, он никуда не торопился.

— К сожалению, я не мог дать вам копию договора раньше. Причину вы сейчас поймете. Герцог и Паголо Орсини набросали совместный проект договора, и Паголо повез его капитанам для согласования. Но после отъезда Орсини герцог еще раз просмотрел документ, и ему показалось, что

в нем не хватает статьи, учитывающей интересы Франции.

Нетерпение Макиавелли уступило место вниманию.

— Герцог составил недостающую статью и приказал мне догнать Орсини и передать, что без нее он не подпишет договора. Я его догнал. Сначала он не хотел и слушать, но после долгих уговоров согласился показать статью капитанам, хотя полагал, что они, как и он, не примут ее. Потом я вернулся в Имолу.

— И в чем же суть статьи?

— Если ее примут, она оставит нам окно, через которое мы могли бы выскользнуть из рамок договора. — В голосе Агапито слышался смех. — А если отклонят, то перед нами откроется дверь, через которую мы можем выйти с высоко поднятой головой.

— Выходит, герцог больше думает о мести тем, кто покусился на его владения, а не о мире.

— Уверю вас, желания герцога никогда не противоречат его интересам.

— Вы обещали показать мне договор.

— Вот он.

Макиавелли жадно прочел его. Согласно условиям договора, с момента его подписания герцог и мятежники обязывались жить в мире и согласии. Войска капитанов должны находиться под командованием герцога и получать то же жалованье, что и прежде. А в знак доверия каждый из них обязан послать ко двору герцога одного из своих законнорожденных сыновей. Оговаривалось, что при герцоге мог находиться лишь один из капитанов и не дольше, чем того требовали обстоятельства. Капитаны соглашались вернуть ему Урбино и Камерино. А герцог, со своей стороны, должен был защищать их от любого, кроме его святейшества папы и его величества короля Франции, кто напал бы на их государства. Именно на этом условии настаивал Борджа, и, как отметил Агапито, даже ребенок мог понять, что оно превращало договор в бесполезный клочок бумаги. Бентивольо, правитель Болоньи и Петриччи, правитель Сиены, подписывали также сепаратные соглашения с папой. Макиавелли нахмурился и вновь перечитал документ.

— Неужели они рассчитывали, что герцог простит нанесенные ему оскорбления! — воскликнул он. — Разве герцог может забыть о грозившей ему опасности?

— «Quem Jupiter vult perdere dementat prius»^[2], — процитировал Агапито.

— Вы позволите мне взять договор и переписать его?

— Он должен постоянно находиться у меня.
— Я верну его завтра утром.
— Это невозможно. Герцог может потребовать его в любую минуту.
— Герцог постоянно убеждает меня в искренней дружбе с Флоренцией. Синьории необходимо ознакомиться с проектом договора. — Поверьте мне, Флоренция щедро отблагодарит вас за эту услугу.

Агапито покачал головой.

— Я слишком давно занимаюсь государственными делами, чтобы рассчитывать на благодарность правителей.

Но Макиавелли продолжал настаивать. И в конце концов Агапито сдался.

— Ну хорошо. Только из уважения к вам я могу разрешить снять копию прямо здесь.

У Макиавелли перехватило дыхание. Чтобы переписать договор, ему требовалось по меньшей мере полчаса. Какого влюбленного подвергали таким испытаниям? Но ему не оставалось ничего другого, как смирить свою страсть. Агапито уступил Макиавелли место у стола, дал чистый лист бумаги и новое перо, а сам лег на кровать и закрыл глаза. Макиавелли дописывал последнюю фразу, когда часы пробили двенадцать.

Агапито спустился с ним вниз и приказал двум солдатам проводить флорентийца до дому. Моросил мелкий дождь, ночной холод пробирал до костей. Когда они подошли к дому, Макиавелли поблагодарил солдат и открыл дверь. Подождав немного, пока стихнут шаги, быстро закрыл дверь и направился во двор Бартоломео. Постучал, как было условлено. Ответа не последовало. Он постучал вновь. Два раза, один, снова два. Макиавелли ждал. Пронизывающий ветер завывал в узком переулке, бросая в лицо капли дождя. Неужели женщины легли спать? И где Пьеро? Он приказал ему ждать во дворе. Юноша еще ни разу не подводил его. Постучав еще раз и не получив ответа, Макиавелли отправился к себе. Он поднялся в свою комнату и подошел к окну. Ничего, кроме непроглядной тьмы. А может, Пьеро отлучился на минутку выпить кружку горячего вина и уже вернулся? Макиавелли спустился вниз и вышел в ледяную ночь. Он стучал и ждал, стучал и ждал. Руки и ноги заоченели, зубы стучали. «Вот простужусь и умру», — бормотал он.

В порыве гнева он едва не забарабанил по двери, но сдержался, вспомнив о соседях. В конце концов ему не осталось ничего другого, как признать, что женщины не дождались его и легли спать. Голодный и замерзший Макиавелли вернулся домой.

Он хотел есть, но на кухне не нашел ни крошки. В гостиной было

холодно, как в склепе. Он даже не мог пойти спать, так как предстояло написать Синьории о беседе с герцогом. Большую часть донесения пришлось зашифровывать, и на это ушло много времени. Поэтому закончил он писать лишь в четвертом часу. Затем поднялся на чердак, разбудил одного из слуг, велел ему оседлать лошадь и, как только откроют ворота, скакать с письмом во Флоренцию. Он подождал, пока слуга оденется и выйдет на улицу, и только после этого лег спать.

«И эта ночь могла стать ночью любви», — пробормотал Макиавелли, натягивая на уши ночной колпак.

Спал он беспокойно, а проснувшись, понял, что его страхи оправдались. Он простудился. Подойдя к двери, Макиавелли позвал Пьеро. Голос его прозвучал, как карканье старой вороны. Юноша тут же вбежал.

— Я болен, — простонал Макиавелли. — У меня лихорадка. Мне кажется, я умираю. Принеси мне вина и что-нибудь поесть. Если я переживу лихорадку, то умру от голода. И притащи сюда жаровню. Я продрог до костей. И куда ты подевался прошлой ночью, черт побери?

Пьеро хотел ответить, но Макиавелли замахал рукой.

— Потом, потом. Принеси вина.

Поев и выпив горячего вина, он почувствовал себя лучше. Пьеро рассказал, что ждал во дворе больше часа, хотя и промок до нитки. Ждал, хотя монна Катерина буквально умоляла его войти в дом.

— Ты объяснил им, что произошло?

— Я в точности передал им ваши слова.

— И что они сказали?

— Они сказали, что очень сожалеют.

— Сожалеют?! — гневно прохрипел Макиавелли. — Подумать только, что всемогущий создал женщину в помощь мужчине. Они, видите ли, сожалеют. Интересно, что бы они сказали о смерти Гектора и падении Трои?

— В конце концов они заставили меня войти в дом. И убедили, что услышат ваш стук из кухни. Они уговорили меня снять плащ и посадили у камина, чтобы я мог высушить одежду.

— А рыба и каплуны?

— Мы очень долго держали их на огне. Но монна Катерина сказала, что они сгорят, если мы их не съедим. Мы очень проголодались.

— А я умирал от голода.

— Мы оставили вам немного рыбы и половину цыпленка.

— Благодарю за заботу.

— Часы пробили одиннадцать, и монна Аурелия пошла спать.

— Спать? — Макиавелли чуть не задохнулся от возмущения.

— Мы пытались задержать ее. Мы говорили, что вы придете с минуты на минуту. Но она ответила, что два часа ожидания — более чем достаточно. И если вы ставите дела выше наслаждения, то чего можно ждать от такого любовника. Она сказала, что вы нашли бы возможность

прервать беседу с герцогом, если бы действительно любили ее. Мы старались убедить ее, но...

— Как будто кому-то удавалось убедить женщину!

— Она не захотела нас слушать. Поэтому монна Катерина решила, что ждать больше нечего, дала мне еще кружку вина и проводила до двери.

Тут Макиавелли вспомнил, что у Пьеро не было ключа от дома Серафины.

— А где ты провел ночь?

Юноша довольно улыбнулся.

— С Ниной.

— Значит, тебе повезло больше, чем мне, — сухо заметил Макиавелли. — Но я думал, она отправилась к родителям.

— Так она сказала монне Катерине. Мы заранее обо всем договорились. Она сняла комнату у Ла Барбетины, и я сразу же пошел туда.

(Ла Барбетина содержала публичный дом в Имоле.)

Несколько минут Макиавелли молчал, собираясь с мыслями. Он не мог смириться с поражением.

— Послушай, Пьеро, этот старый осел Бартоломео вернется сегодня вечером. Мы должны действовать быстро. Не будем забывать, что Юпитер предстал перед прекрасной Данаей в образе золотого дождя. Пойди к купцу Луке Копелли, у которого я покупал перчатки для монны Аурелии, и возьми голубой шарф с серебряной вышивкой. На днях он показывал его мне. Скажи, что я заплачу через пару дней, как только придут деньги из Флоренции. Отнеси шарф монне Катерине и скажи ей, что я умираю от любви к Аурелии и простуды. Но, как только мне станет лучше, мы придумаем новый план.

Макиавелли едва дождался возвращения Пьеро.

— Шарф ей понравился, — доложил юноша. — Монна Катерина спросила, сколько он стоит. После моего ответа шарф понравился ей еще больше.

— Естественно, — хмыкнул Макиавелли. — Что еще?

— «У мессера Никколо не было никакой возможности уйти из дворца», — объяснил я ей. Но она ответила, что это уже не имеет никакого значения.

— Что? — вскричал Макиавелли. — Действительно женщины — самые безответственные существа. Разве она не понимает, речь идет о ее будущем! Я больше часа стоял под дождем. Ты сказал ей об этом?

— Да. Она полагает, что вы поступили неблагоприятно.

— Разве можно ждать благоразумия от влюбленного? С таким же

успехом можно попросить море успокоиться во время шторма.

— Монна Катерина надеется, вы позаботитесь о своем здоровье.

Макиавелли пролежал несколько дней, а встав с постели, первым делом отправился к фра Тимотео. Монах сочувственно кивал, слушая рассказ о трагических событиях той ночи.

— А теперь, — закончил Макиавелли, — давайте подумаем и попробуем еще раз избавиться от нашего дорогого Бартоломео.

— Я сделал все, что мог, мессер. Не требуйте от меня невозможного.

— Святой отец, когда наш прославленный герцог напал на Форли, он сначала потерпел поражение. Но он не снял осаду, а прибег к военной хитрости. И очень скоро крепость пала.

— Я видел мессера Бартоломео. Он в точности выполнил мои указания и убежден в действенности вмешательства святого Виталя. Он уверен, что монна Аурелия зачала в ночь его возвращения из Равенны.

— Он просто дурак.

— Хотя я и далек от мирской жизни, но мне известно, что должно пройти некоторое время, прежде чем станет ясно, прав он или нет.

Макиавелли испытывал все нарастающее раздражение. Монах стремился выйти из игры.

— Подождите, подождите, святой отец, не принимайте меня за круглого идиота. Какой бы чудодейственной силой ни обладали святые мощи, мы знаем, силу импотенту они вернуть не способны. Я сам придумал эту историю, и вам прекрасно известно, в ней нет ни слова правды.

Фра Тимотео ласково улыбнулся и заговорил елейным голосом:

— Что мы знаем о путях господних? Разве вы не слышали о святой Элизабете Венгерской? Жестокий муж запретил ей помогать нуждающимся. Однажды она несла хлеб беднякам и встретила его на улице. Подозревая ее в ослушании, муж спросил, что лежит в ее корзинке. «Розы», — в испуге ответила Элизабета. Муж вырвал корзинку, открыл ее и обнаружил, что она сказала правду. Произошло чудо. Ломти хлеба превратились в ароматные розы.

— Эта история очень поучительна, — холодно заметил Макиавелли. — Но я не могу понять, к чему вы ее рассказали.

— Может, и святого Виталя, услышавшего в раю молитвы Бартоломео, тронула искренняя вера этого благочестивого человека в его могущество и он сотворил чудо. Разве Святое писание не учит нас, что истинная вера

может сдвинуть горы?

Макиавелли с трудом сдерживал злость. Он понимал, почему монах отказывается ему помочь. Полученные двадцать пять дукатов он уже отработал. Задуманный план провалился не по его вине. Он хотел денег, а у Макиавелли их не было. Цепочка, подаренная монне Катерине, перчатки и розовое масло для Аурелии поглотили все его средства. Он задолжал Бартоломео, нескольким купцам, а денег, полученных от Синьории, едва хватало на покрытие текущих расходов. Он не мог предложить ничего, кроме обещаний, а обещания, как подозревал Макиавелли, не впечатляли фра Тимотео.

— О вашем красноречии и благочестии, святой отец, говорит вся Имола. И, если мое рекомендательное письмо произведет должный эффект, я уверен, что флорентийцы также получают незабываемое наслаждение от ваших проповедей.

Монах с достоинством поклонился. Но Макиавелли видел: одних слов слишком мало.

— Мудрый человек не кладет все яйца в одну корзину, — продолжал он. — Когда один план терпит неудачу, придумывают другой. И не стоит забывать, что надежды Бартоломео могут не оправдаться. Тогда он усыновит племянников. А его жена и теща, как и ваш монастырь, окажутся у разбитого корыта.

— Ну что ж, мы перенесем это несчастье с христианским смирением.

— Сказано: на бога надейся, а сам не плошай. Вы уже убедились в моей щедрости. Будьте уверены, я не поскуплюсь и в будущем. Вы, как и мать с дочерью, заинтересованы в том, чтобы не разочаровывать Бартоломео в могуществе святых.

— Вы знаете, я всегда готов оказать услугу такому выдающемуся человеку, как вы. Допустим, поездка Бартоломео не принесет желанного результата. Как я смогу тогда помочь вам?

И тут Макиавелли осенило. Идея показалась ему столь забавной, что он чуть не расхохотался.

— Святой отец, как и всем смертным, вам, несомненно, приходится принимать слабительное. И вы должны знать, что сабур, принятый на ночь, помогает гораздо лучше, если с утра принять еще и соль. Не кажется ли вам, что эффект от паломничества Бартоломео многократно усилится, если наш друг еще разок прогуляется. В Римини, например?

— Я не перестаю восхищаться вашей изобретательностью, мессер. Но на этот раз у вас ничего не выйдет. Бартоломео, возможно, и дурак, но не стоит его считать глупее, чем он есть.

- Ваше влияние на него безгранично.
- Тем более я не хочу терять его.
- Значит, я не могу рассчитывать на вашу помощь?
- Я этого не говорю. Подождем месяц, а потом вновь вернемся к этому вопросу.
- Для влюбленного месяц — целая вечность.
- Иаков ждал Рахиль семь лет.

Макиавелли чувствовал, что монах смеется над ним. Он не собирался и пальцем шевельнуть, не получив награду за труды. Макиавелли кипел негодованием. Но он понимал: скандал не приблизит его к цели. Прощаясь с монахом, он передал фра Тимотео флорин и попросил поставить свечку деве Марии и помолиться за Бартоломео.

Теперь единственной надеждой Макиавелли была монна Катерина. Он не сомневался, что досадный вызов во дворец, помешавший воплощению в жизнь их тщательно продуманного плана, огорчил ее в тысячу раз больше, чем его. Он потерял лишь ночь любви, она могла лишиться безбедного будущего. На монаха Макиавелли уже не надеялся, но в монне Катерине видел верного союзника. Женщины, по его твердому убеждению, не могли жить без интриг. А успешное завершение их совместных усилий полностью отвечало ее интересам. Макиавелли решил встретиться с ней.

На следующее утро Макиавелли купил на базаре чудесную свежую рыбу и, заблаговременно узнав, когда толстяк уйдет по делам, отправил Пьеро с покупкой к Бартоломео. Ему нужно было, чтобы тот поговорил с монной Катериной наедине. Юноша как всегда прекрасно справился с поручением. Монна Катерина сначала сопротивлялась, но затем согласилась встретиться с Макиавелли в церкви святого Доминика. Женская интуиция подсказала монне Катерине, что она не может больше доверять фра Тимотео и будет лучше, если монах не узнает об их встрече.

Макиавелли пришел в церковь, не имея конкретного плана, надеясь на изворотливость монны Катерины. Он только опасался, что ее идея обойдется ему в кругленькую сумму. В крайнем случае он рассчитывал вновь прибегнуть к помощи Бартоломео. В конце концов в выигрыше оставался именно он.

В церкви, кроме монны Катерины, не было ни души. Макиавелли красочно описал ей события той ночи, как он целый час стоял под проливным ледяным дождем, как продрог и простудился.

— Знаю, знаю, — вздохнула монна Катерина. — Пьеро рассказал нам обо всем. Мы очень расстроились. Аурелия неустанно повторяла: «Несчастный господин, его смерть осталась бы на моей совести».

— Я не собирался умирать, — ответил Макиавелли. — Но будь я даже у врат рая, образ Аурелии вернул бы меня обратно.

— Все вышло так нескладно.

— Не будем вспоминать о прошлом. Я уже поправился и полон сил. Давайте подумаем о будущем. Наш план не удался, придумаем другой. Вы — умная женщина. Не могу поверить, что вы не найдете возможности превратить наши мечты в реальность.

— Мессер Никколо, я не хотела приходить сюда сегодня, но Пьеро

умолил меня встретиться с вами.

— Но почему?

— Кому приятно приносить плохие вести?

— О чем вы? — воскликнул Макиавелли. — Неужели Бартоломео что-то заподозрил?

— Нет, нет. Дело в Аурелии. Я спорила с ней, буквально на коленях умоляла, но тщетно. Ах, мой бедный друг, теперь девушки не те, что во времена моей молодости. Тогда они не позволяли себе перечить родителям.

— Давайте не будем ходить вокруг да около. Что все это значит?

— Аурелия наотрез отказалась пойти вам навстречу.

— Но вы объяснили ей последствия? Разве вы не сказали, в каком положении окажетесь и вы, и она, если Бартоломео усыновит племянников, а монна Констанца станет хозяйкой в вашем доме?

— Я все ей объяснила.

— Тогда почему? Даже у женщины должна быть причина.

— Она уверена: это провидение уберегло ее от смертного греха.

— Греха? — взревел Макиавелли, забыв, что находится в стенах святого храма.

— Не сердитесь на меня, мессер Никколо. Не пристало матери убеждать дочь идти против совести.

— Простите меня, монна Катерина, но вы говорите глупости. Вы — умудренная опытом женщина, а она — всего лишь несведущая девушка. Вы обязаны разъяснить ей, что даже святые рекомендуют из двух зол выбирать меньшее. Какой разумный человек откажется совершить маленький грех, да еще такой приятный, ради счастья нескольких людей?

— Бесполезно, мессер. Я знаю свою дочь, она упряма, как мул. Если она приняла решение, спорить с ней бессмысленно. Она просила передать, что из уважения к вам сохранит перчатки и шарф, но больше принимать подарков не будет. Она хочет, чтобы вы не пытались вновь увидаться с ней. А я всегда с благодарностью буду помнить вашу доброту.

На мгновение она замолчала, но Макиавелли ничего не сказал.

— Мне не надо доказывать такому умному и мудрому человеку, что женщины капризны и непостоянны. В удачный момент и скромница примет объятия любовника, но если время упущено, ему откажет даже распутница.

Монна Катерина сделала реверанс и покинула церковь. А Макиавелли еще долго стоял в замешательстве.

Несмотря на все попытки встретиться с Аурелией, Макиавелли удалось увидеть ее лишь перед самым отъездом, почти через месяц после той злополучной ночи. К счастью, работа занимала все свободное время и некогда было сокрушаться о несбывшихся мечтах. Мятежники перессорились между собой. Правда, в конце концов все они, за исключением Бальони из Перуджи, подписали соглашение, текст которого Агапито показывал Макиавелли. Бальони же заявил, что только круглый идиот может поставить свою подпись под таким документом. Когда же он понял, что капитаны хотят заключить мир любой ценой, то в гневе вышел из церкви, где проходила встреча главарей мятежников. Герцог назначил Паголо Орсини губернатором Урбино, возвращенного Борджа согласно договору, и подарил ему пять тысяч дукатов за содействие при ведении переговоров. Вителлоццо писал герцогу смиренные письма, в которых просил прощения за свои действия.

— Предатель воткнул нам нож в спину, — прокомментировал их Агапито. — А теперь думает, что сладкие слова залечат рану.

Но Эль Валентино, казалось, проникся доверием к раскаявшимся мятежникам, забыл прошлые обиды. Такое дружелюбие Макиавелли воспринимал с подозрением. И писал Синьории о том, как трудно предугадать замыслы Борджа и уж совсем невозможно узнать его истинные намерения. В его распоряжении находилась огромная армия, которую он наверняка пустит в дело. Пошли слухи, что Борджа собирается покинуть Имолу. Но никто не знал, куда он двинет войска — на юг, к границам Неаполитанского королевства, или на север, к Венеции. Макиавелли беспокоило появление во дворце людей из Пизы. Оказалось, они предложили герцогу присоединить город к его владениям. Флоренция потратила много средств и времени, чтобы захватить Пизу, стратегическое положение которой имело важное значение для охраны торговых путей. Если город переходил к герцогу, Флоренция попадала в опасную ситуацию как с экономической, так и с военной точки зрения. Совсем рядом находилась Лукка, захватив которую, Эль Валентино держал бы Флоренцию за горло. При последней встрече герцог вновь поднял вопрос о жалованье, обещанном ему Республикой, и Макиавелли изворачивался, как мог, пытаясь объяснить Эль Валентино позицию Синьории. На самом деле Флоренция не желала отдавать свои войска под командование столь

беспринципного человека, которому имела все основания не доверять. Но какие бы зловещие планы ни роились в красивой голове Борджа, пока он ограничился лишь завуалированными угрозами, пытаясь склонить Флоренцию к принятию его условий. А в конце беседы он сообщил Макиавелли, что вместе с армией выступает в Чезену.

Десятого декабря герцог выехал в Форли и двенадцатого прибыл в Чезену. Макиавелли последовал за ним. Послав Пьеро и слуг вперед, чтобы те нашли жилье, подходящее послу Флоренции, он заехал попрощаться к Бартоломео. Толстяк оказался дома, и Макиавелли провели в его кабинет. Бартоломео бурно приветствовал флорентийца. Оказалось, он уже слышал о предстоящем отъезде Макиавелли и ужасно этим расстроен.

— Послушайте, мой друг, — сказал Макиавелли, выслушав толстяка, — я пришел не только для того, чтобы поблагодарить вас за доброту и гостеприимство, но попросить об одном одолжении.

— Все что угодно.

Макиавелли тяжело вздохнул.

— Я должен вам двадцать пять дукатов. Сейчас у меня, к сожалению, нет денег. И я прошу вас немного подождать.

— Не стоит даже говорить об этом.

— Двадцать пять дукатов — большая сумма.

— Какие пустяки! Конечно, я могу подождать. А вообще, смотрите на эти деньги как на подарок.

— Но почему вы должны делать мне такой дорогой подарок? Я не могу принять его.

Бартоломео откинулся в кресле и расхохотался.

— Разве вы не догадываетесь? Это не мои деньги. Наш добрый герцог знал, что с ростом цен в Имоле ваши расходы также увеличивались. И всем известна скаредность Синьории. Казначей герцога поручил мне снабдить вас любой суммой. Попроси вы две сотни дукатов, а не двадцать пять, и я бы тут же принес их вам. Макиавелли побледнел.

— Если б я знал, что это деньги герцога, то не взял бы их ни под каким предлогом.

— Именно поэтому герцог, восхищаясь вашей честностью, выбрал меня в качестве посредника. Он уважает вашу деликатность. Я выдаю вам его тайну. Но, по-моему, вы должны знать об этом благородном и великодушном поступке.

Макиавелли едва сдержался, чтобы не выругаться. Он не верил ни в благородство, ни в великодушие герцога. Неужели Борджа надеялся купить его расположение за двадцать пять дукатов?

— Вы удивлены? — улыбнулся Бартоломео.

— Когда дело касается герцога, я ничему не удивляюсь.

— Это великий человек. Я не сомневаюсь, что потомки будут с благодарностью вспоминать тех из нас, кто хоть чем-то помог ему.

— Мой дорогой Бартоломео, — усмехнулся Макиавелли, — не великие дела увековечивают людей, а прекрасные произведения, в которых их дела восхваляются. Кем был бы для нас Перикл, если бы Фукидид не вложил в его уста речь, прославившую его на весь мир.

С этими словами Макиавелли встал.

— Вы не можете уйти, не повидавшись с Аурелией и монной Катериной, — остановил его Бартоломео. — Они огорчатся, если не попрощаются с вами.

Макиавелли последовал за ним в гостиную. Сердце его вдруг сжалось и учащенно забилося. Женщины не ждали гостя и, похоже, не очень обрадовались его появлению. Бартоломео объяснил, что их гость уезжает в Чезену.

— Что мы будем без вас делать? — воскликнула монна Катерина.

Макиавелли сухо улыбнулся в ответ. Он нисколько не сомневался, что они прекрасно обойдутся без него.

— Мессер Никколо, должно быть, с радостью покидает наш город, который ничем не может развлечь приезжего человека, — добавила Аурелия.

Макиавелли показалось, что в ее голосе прозвучала злобная нотка. Аурелия продолжила прерванную работу. Она все еще вышивала полотно, привезенное им из Флоренции.

— Я не знаю, чем восхищаться больше, монна Аурелия, — вашим терпением или трудолюбием.

Аурелия выглядела неважно. Она давно не красила волосы, и их корни уже потемнели. Сквозь небрежно наложенный слой пудры проглядывала смуглая кожа.

«К сорока годам она будет ничуть не лучше матери», — с удовлетворением отметил Макиавелли.

Он ушел, довольный тем, что повидался с Аурелией. Его страсть угасла. Он не принадлежал к тем, кто отказывается есть свиные ножки только потому, что в меню не оказалось жирных куропаток. Поняв, что Аурелия для него недоступна, Макиавелли утешился в объятиях молодых женщин, с которыми познакомила его Ла Барбетина. И если говорить честно, он страдал не от неразделенной любви, а от уязвленного самолюбия. К тому же он пришел к выводу, что Аурелия просто глупа.

Иначе она не отправилась бы спать только потому, что ей пришлось ждать три часа. И ей не пришла бы мысль, что она совершает грех, лежа с ним в постель, во всяком случае, до того, как она это сделала. Если бы Аурелия знала жизнь так же хорошо, как он, ей было бы известно: сожалеют не о том, что поддались искушению, а о том, что устояли.

«Если Бартоломео усыновит племянников, она получит хороший урок, — сказал он себе. — И пожалеет о собственной глупости».

Два дня спустя Макиавелли прибыл в Чезену. Артиллерия герцога приближалась к городу, войска расположились у его стен. Что-то готовилось, но никто не знал, что именно. Несмотря на активность, все, казалось, замерло в ожидании. Так, говорят, бывает перед землетрясением: люди беспокоятся, нервничают без всякой на то причины, а потом внезапно, без предупреждения, земля уходит у них из-под ног и дома рушатся на глазах. Макиавелли дважды просил герцога принять его и дважды получал вежливый отказ. Ничего не смог он добиться и от секретарей. Они лишь повторяли, что герцог не раскрывает своих планов прежде, чем начать действовать, а действует он, как диктует необходимость. Макиавелли чувствовал себя усталым и больным. И деньги кончились.

Он обратился к Синьории с просьбой заменить его и прислать посла с более широкими полномочиями.

Макиавелли не пробыл в Чезене и недели, как произошло совершенно неожиданное событие. Как-то утром, придя во дворец герцога, он нашел там рассерженных французских капитанов, оскорбленных требованием Борджа в течение двух дней покинуть его армию вместе со своими отрядами. Тщетно Макиавелли пытался найти объяснение этому шагу Эль Валентино. При дворе говорили, что герцог не мог больше выносить французов, доставлявших ему массу хлопот. Но Макиавелли казалось неразумным решение герцога расстаться с французами, когда оставшиеся отряды не превосходили по силе войска, находящиеся под командованием Орсини, Вителлоццо и остальных капитанов, верность которых, особенно после недавних событий, не внушала доверия. Или герцог, уверенный в своих силах, решил показать королю Франции, что не нуждается в его помощи?

Французы уехали. А вскоре Борджа вновь удивил Макиавелли. Он вызвал в Чезену Рамиро де Лорку, назначенного им губернатором Романьи. Тот верно служил герцогу, но его жестокость и нечистоплотность возмущали и пугали людей. И наконец, доведенные до отчаяния, они послали к Эль Валентино своих представителей с жалобой на Рамиро. По прибытии в Чезену его схватили и бросили в тюрьму.

На Рождество Пьеро разбудил Макиавелли раньше обычного.

— Пойдемте на площадь, мессер, и вы увидите кое-что интересное. —

Глаза юноши возбужденно блестели.

— Что произошло?

— Точно не знаю, но на площади собралась большая толпа.

Макиавелли быстро оделся. Шел снег, дул холодный ветер. На площади на рогоже лежало обезглавленное тело Рамиро де Лорки в парадном мундире, со всеми регалиями, в перчатках. А рядом, насаженная на копье, возвышалась над бурлящей толпой голова Рамиро. Макиавелли содрогнулся от ужасающего зрелища.

— Как все это понимать, мессер? — воскликнул Пьеро. — Он же был самым верным капитаном герцога. Вы говорили, что Эль Валентино доверяет ему больше, чем кому-либо.

Макиавелли пожал плечами.

— Это очень похоже на герцога. Вероятно, ему больше не требовались услуги Рамиро и он пожертвовал им, чтобы показать, как дороги ему интересы его подданных.

Многие утверждали, что Рамиро был любовником Лукреции Борджа, а близкие отношения с сестрой Чезаре таили в себе огромную опасность. Борджа любил ее. Первый муж Лукреции, Джованни Сфорца, остался в живых только потому, что она предупредила его об убийцах, посланных Чезаре. Джованни вскочил на лошадь и скакал до самого Пезаро. Когда герцога Гандии выловили из Тибра с девятью ножевыми ранами, молва приписала убийство Чезаре. Причиной называли его любовь к прекрасной Лукреции. Педро Калдерона, испанца, камергера папы, зарезали по приказу Борджа якобы за оскорбление чести мадонны Лукреции. Говорили, она ждала от него ребенка. Ее второму мужу, Альфонсо, герцогу Бисельи, также не повезло. Через год после свадьбы какие-то люди тяжело ранили его у ворот Ватикана. Его отнесли в папские покои, где он почти месяц боролся со смертью, пока его не придушили в собственной постели. Альфонсо считался самым красивым мужчиной Рима. И Лукреция допустила ошибку, полюбив его всем сердцем. В Италии никто не сомневался: его убила ревность Чезаре.

Макиавелли не забыл разговора с герцогом в Имоле. Тогда Паголо Орсини пожаловался на грубость Рамиро, и Эль Валентино обещал разобраться и наказать виновного. Разумеется, он не воспринимал всерьез жалобу человека, не вызывающего у него ничего, кроме презрения. Но, возможно, казнь Рамиро он хотел рассеять последние подозрения мятежных капитанов. Как они могут не верить в искренность его намерений, если по прихоти одного из них он жертвовал своим верным соратником? Макиавелли чуть не расхохотался. Одним ударом герцог

успокоил возмущение жителей Романьи, развеял страхи бывших мятежников и свел счеты с любовником Лукреции.

— Во всяком случае, — с улыбкой сказал он Пьеро, — наш добрый герцог избавил землю еще от одного мерзавца. Пойдем в таверну, выпьем горячего вина. Хочется согреться.

Макиавелли не мог разгадать замыслов герцога по одной простой причине: Эль Валентино еще ничего не решил. Но что-то должно было произойти. Иначе какой смысл иметь огромную армию и не использовать ее. Но против кого он направит войска? Капитаны послали в Чезену своих представителей, чтобы обсудить совместные действия. Однако встреча закончилась безрезультатно. А несколько дней спустя в Чезену прибыл Оливеротто да Фермо с конкретным предложением капитанов.

Еще недавно этот молодой человек заставил говорить о себе всю Италию. С юных лет, оставшись без отца, он воспитывался дядей Джованни Фольати, братом матери. А с восемнадцати лет учился военному искусству под руководством Паоло Вителли. После казни Паоло Оливеротто примкнул к Вителлоццо и очень скоро стал одним из лучших его офицеров. Но честолюбие не давало ему покоя. Он хотел не служить, но править. И для достижения своей цели разработал ловкий план. Он написал дяде, что хочет посетить родной город и взглянуть на родительский дом. А чтобы его сограждане знали, что он не зря прожил все эти годы, просил разрешения приехать со свитой из друзей и слуг. Он писал, что своими успехами обязан не столько себе, сколько Джованни, воспитавшему его как сына. Джованни растрогался до слез — племянник не забыл его доброту и заботу — и по прибытии Оливеротто в Фермо предложил тому остановиться в его доме. Но спустя несколько дней Оливеротто переехал к себе, чтобы не стеснять дядю и его семью, и пригласил всех влиятельных горожан Фермо на торжественный банкет. После обильного угощения в разгар веселья в зал ворвались солдаты и перебили всех гостей. В одну ночь Оливеротто стал правителем Фермо. И за короткое время благодаря принятым мерам, как экономическим, так и военным, он не только укрепил свое положение в городе, но и как следует припугнул соседей. Вот этого человека и послали капитаны к Эль Валентино. Они предлагали герцогу вторгнуться в Тоскану, а если это его не устроит, захватить Синигалью. Тоскана была лакомым кусочком. Взятие Сиены, Лукки, Пизы и Флоренции сулило богатую добычу. К тому же Вителлоццо и Орсини представится возможность свести старые счеты с Республикой. Но Сиена и Флоренция находились под защитой короля Франции, а герцог не хотел ссориться с союзником, помощь которого еще могла ему понадобиться. Он сказал Оливеротто, что не пойдет на Тоскану, но с радостью примет участие в

захвате Синигальи.

Синигальей, небольшим, но стратегически важным городом с выходом к морю, правила овдовевшая сестра злополучного герцога Урбино. Она подписала договор с мятежными капитанами, а после их примирения с Борджа (уже без ее участия) убежала в Венецию вместе с малолетним сыном, оставив Андреа Дориа, генуэзца, защищать крепость. Оливеротто захватил город, а затем к нему присоединились Вителлоццо и Орсини. Но тут возникла небольшая заминка: Андреа Дориа соглашался сдать крепость только Чезаре Борджа. Для штурма требовались время, деньги и люди. И здравый смысл возобладал. Теперь, когда герцог отказался от услуг французских наемников, капитаны чувствовали себя куда уверенней. Известив его о требовании Дориа, они пригласили Борджа приехать в Синигалью.

В это время герцог покинул Чезену и прибыл в Фано. Получив приглашение капитанов, он послал секретаря с сообщением, что немедленно выезжает в Синигалью, и попросил ждать его там. После подписания перемирия капитаны под любым предлогом избегали личных встреч с герцогом. Стараясь рассеять их подозрения, Борджа велел секретарю передать капитанам, что отчужденность только мешает их взаимоотношениям и отражается на действенности заключенного соглашения. Его же единственное желание — воспользоваться их опытом и знаниями.

Макиавелли удивился, узнав, что герцог принял приглашение капитанов. Он не сомневался: высокие договаривающиеся стороны не доверяли друг другу. И говоря герцогу, что Андреа Дориа может сдать крепость только ему, капитаны, по мнению Макиавелли, заманивали Эль Валентино в ловушку. Распустив французских кавалеристов, герцог ослабил свою армию. А войска капитанов стояли вокруг Синигальи, и им не составило бы большого труда уничтожить Борджа и его немногочисленную свиту. Казалось невероятным, что он согласился отдать себя в руки смертельных врагов. Возможно, он уверовал в свою счастливую звезду и, ослепленный гордыней, полагал, что одними словами сможет склонить их к повиновению. Он знал: капитаны боятся его, но страх и трусов превращает в храбрецов. Правда, до сих пор фортуна благоволила к герцогу, но, как известно, она отличается непостоянством. Макиавелли улыбнулся. Разделавшись с герцогом, капитаны оказали бы Флоренции большую услугу. Только ужас перед Борджа держал их вместе, а после его смерти, умело действуя, можно будет перессорить их и уничтожить поодиночке.

Макиавелли радовался слишком рано. Когда Орсини предложил Дория деньги, чтобы тот согласился сдать крепость капитанам, генуэзец уже получил золото Эль Валентино за свой отказ. Герцог разгадал замысел капитанов. В ночь перед отъездом из Фано он собрал у себя восемь наиболее преданных ему людей и приказал им при встрече с капитанами встать по двое за спиной каждого из них и сопровождать до дворца, отведенного ему в Синигальи. А во дворце они окажутся в его власти. Чтобы никто не знал, какой силой он располагает, Эль Валентино разбросал войска по всей стране. Теперь он отдал приказ собрать армию на берегу реки в шести милях от Синигальи. Как знак полного доверия капитанам герцог послал вперед обозы с имуществом. Он с улыбкой думал о том, как те довольно облизываются, предвкушая богатую добычу.

Закончив последние приготовления, Борджа отправился спать.

Из дворца он выехал, едва забрезжил рассвет. Наступил последний день 1502 года. Все пятнадцать миль от Фано до Синигальи дорога вилась между морем и горами. Впереди ехали полторы тысячи всадников под командованием Лодовико делла Мирандола, затем тысяча гасконцев и швейцарцев, за ними герцог в доспехах на великолепном боевом коне. Замыкала колонну еще тысяча кавалеристов.

Капитаны ждали герцога в трех милях от Синигальи.

Вителлоццо Вителли, высохший от французской болезни, с запавшими щеками и тусклыми полуприкрытыми тяжелыми веками глазами, не так давно заслуженно пользовался репутацией лучшего артиллериста Европы. Но ртуть, которой его лечили, вызывала у Вителлоццо приступы глубокой депрессии, и от него осталась лишь тень бывшего смелого и решительного командира. Когда Паголо Орсини привез проект договора и Бальони, правитель Перуджи, высказал свои возражения, Вителлоццо поддержал его. Он не доверял Эль Валентино. Однако ему не хватило сил выдержать долгие споры с остальными капитанами, и в конце концов он подписал текст, предложенный герцогом. Но подписал против своей воли. Он направил герцогу смиренное письмо, в котором просил прощения за участие в заговоре. И хотя Эль Валентино уверял его, что прошлое забыто, на душе у Вителлоццо было беспокойно. Интуиция подсказывала ему: Борджа ничего не забыл и не простил. Согласно договору, в распоряжении герцога должен находиться только один из капитанов. А теперь все они собрались вместе. Паголо Орсини пытался переубедить его. Он несколько раз ездил к герцогу, они говорили честно и открыто, как мужчина с мужчиной, и у него нет оснований сомневаться в искренности Эль Валентино. К тому же герцог распустил французских кавалеристов. Это ли

не лучшее доказательство? И казнил Рамиро де Лорку.

— Поверь мне, мы преподали этому молодому человеку хороший урок, и я не сомневаюсь: в будущем у нас не будет повода для недовольства.

Паголо Орсини, однако, не потрудился сообщить Вителлоццо об одной беседе с герцогом, в которой речь шла о здоровье папы. Тому шел восьмой десяток, и в любой момент его мог хватить удар. Эль Валентино имел влияние как на испанских кардиналов, так и на кардиналов, назначенных его отцом. В ответ на гарантии безопасности своих владений он обещал папский престол кардиналу Орсини, брату Паголо. Завороженный столь блестящей перспективой, Паголо верил каждому слову герцога.

Вителлоццо первым подъехал к Чезаре Борджа. По выражению его бледного взволнованного лица можно было понять: он знал, какая участь ему уготована. Как мало напоминал он того Вителлоццо, который когда-то собирался изгнать из Италии короля Людовика XII. Он хотел спешиться, но герцог остановил его, обнял и расцеловал в обе щеки. Через несколько минут к ним присоединились Паголо Орсини и герцог Гравины. Эль Валентино встретил капитанов с такой сердечностью, с какой встречают только старых друзей после долгой разлуки. Но он заметил отсутствие Оливеротто да Фермо и, справившись о нем, узнал, что тот ждет его в городе. Герцог послал за ним дона Мигеля, а сам занял остальных непринужденным разговором. Пустив в ход все свое обаяние, он спросил Вителлоццо о его здоровье и предложил прислать врача. С веселой улыбкой осведомился о последней пассии герцога Гравины. И с большим интересом выслушал рассказ Паголо Орсини о строительстве его виллы.

Дон Мигель нашел Оливеротто неподалеку от города, где тот муштровал своих людей, и посоветовал ему отвести солдат в казармы. В противном случае их могут занять солдаты герцога. Оливеротто внял умному совету, отдал соответствующие приказания и вместе с доном Мигелем поехал к месту встречи. Герцог принял его так же тепло, как и остальных, как товарища, а не подчиненного.

Затем он отдал приказ ехать в город. Вителлоццо охватил ужас. Теперь, увидев, насколько сильна армия герцога, он осознал: их план обречен на провал. Первой мыслью было вернуться к своему отряду, расквартированному неподалеку под предлогом нездоровья. Но Паголо не позволил ему уехать. Сейчас не время, говорил он, сомневаться в честности герцога. У Вителлоццо не хватило решимости сделать так, как подсказывало сердце. Он остался.

— Я убежден, что не доживу до рассвета, — сказал Вителлоццо. —

Но, раз уж вы готовы положиться на слово герцога, я пойду с вами и разделю вашу судьбу.

Кавалькада въехала в Синигалью. У дверей дворца капитаны хотели попрощаться с герцогом, но тот уговорил их войти, чтобы немедленно обсудить план совместных действий. Нельзя терять ни минуты, говорил он. Надо решить, что делать дальше. Они согласились. По широкой лестнице Чезаре Борджа ввел их в просторный зал, а затем извинился и попросил разрешение отлучиться на минуту. Как только за герцогом закрылась дверь, в зал ворвались солдаты и арестовали капитанов. Таким образом Эль Валентино повторил ловкий прием Оливеротто, причем обошелся без банкета. Паголо Орсини потребовал позвать герцога, но тот уже покинул дворец, отдав приказ разоружить отряды капитанов. Людей Оливеротто, находившихся рядом, захватили врасплох. Другим, расквартированным за городом, повезло больше. Они каким-то образом прослышали о судьбе своих командиров и, объединившись, пробились сквозь кольцо войск герцога. Чезаре пришлось довольствоваться казнью сторонников Вителлоццо и Орсини.

Солдаты герцога, покончив с отрядом Оливеротто, начали грабить город. Эль Валентино с трудом восстановил порядок, повесив несколько наиболее рьяных мародеров. Город гудел как потревоженный улей. Закрылись все лавки, жители заперлись в домах. Но солдаты заставили виноторговцев выкатить бочки и поить их вином. На улице лежали мертвецы, и бездомные собаки слизывали их кровь.

Макиавелли приехал в Синигалью следом за герцогом. Он провел тревожный день. Появляться на улице одному было опасно, и, если необходимость заставляла его выходить из гостиницы, где он нашел убежище, он брал с собой Пьеро и слуг. Ему не хотелось попасть под горячую руку пьяным солдатам.

В восемь вечера его вызвал герцог. Обычно во время аудиенции присутствовали секретари, священнослужители или кто-нибудь еще, но на этот раз, к удивлению Макиавелли, офицер, приведший его в кабинет, тут же вышел, и они впервые остались одни.

Герцог пребывал в отличном настроении, его глаза сверкали, щеки пылали румянцем. Таким красивым Макиавелли его еще никогда не видел.

— Я оказал Флоренции большую услугу, избавив ее от смертельных врагов. Теперь я хочу, чтобы Синьория собрала пехоту и кавалерию. И мы вместе выступим на Кастелло или Перуджу.

— Перуджу?

Веселая улыбка осветила лицо герцога.

— Бальони отказался подписать перемирие. Он же сказал: «Если я понадобится Чезаре Борджа, пусть он приходит в Перуджу, да не забудет взять оружие». Именно так я и поступлю. Борьба с Вителлоццо и Орсини обошлись бы Флоренции в кругленькую сумму. И вряд ли господа из Синьории так ловко провернули бы это дело. Я думаю, они должны отблагодарить меня.

— Они обязательно это сделают, ваша светлость, — ответил Макиавелли.

Герцог не сводил с него пристального взгляда.

— Так пусть они поторопятся. Им не пришлось и пальцем шевельнуть. А то, что я сделал, думаю, стоит ста тысяч дукатов. Разумеется, эти деньги нигде не зафиксированы, но я бы хотел, чтобы Синьория начала мне их выплачивать.

Макиавелли понимал: члены Синьории придут в ярость, услышав столь наглое требование, — и не испытывал ни малейшего желания сообщать об этом во Флоренцию.

— Ваша светлость, — сказал он, — я обратился к своему правительству с просьбой отозвать меня. Посол при дворе вашей светлости должен иметь более широкие полномочия. Мне кажется, вопрос о выплате

целесообразнее обсудить с моим преемником.

— Вы правы. Мне надоела медлительность вашего государства. Пришло время решать, со мной вы или против меня. Мне следовало уехать отсюда еще сегодня, но я не хочу, чтобы город разграбили окончательно. Завтра утром Андреа Дориа сдаст мне крепость, и я пойду на Кастелло и Перуджу. Когда с ними будет покончено, займусь Сиеной.

— Неужели король Франции смирится с тем, что вы захватываете города, находящиеся под его защитой?

— Конечно, нет, и я не настолько глуп, чтобы не помнить об этом. Я захватываю их не для себя, а для церкви. Лично мне не нужно ничего, кроме Романьи.

Макиавелли вздохнул, невольно восхищаясь неистовством души герцога, его уверенностью в том, что на свете нет ничего невозможного.

— Фортуна благоволит к вам, ваша светлость.

— Судьба благосклонна к тем, кто не упускает представившихся возможностей. Или вы полагаете, что мне удалось разделаться с мятежниками лишь благодаря счастливому случаю?

— Я не могу допустить такой несправедливости по отношению к вашей светлости. Уверен, вы позаботились о том, чтобы Андреа Дориа отказался сдать крепость кому-либо, кроме вас.

Герцог рассмеялся.

— Вы мне нравитесь, секретарь. Вы — один из немногих, с кем можно поговорить. — Он замолчал, задумчиво глядя на Макиавелли. — Почему бы вам не пойти ко мне на службу?

— Вы очень добры, ваша светлость. Но меня вполне устраивает служба Республике.

— И что вы с этого имеете? Вам платят жалкие гроши, и, чтобы свести концы с концами, вам приходится залезать в долги.

Макиавелли понял, что герцог намекает на двадцать пять дукатов Бартоломео.

— Я легко расстаюсь с деньгами и, пожалуй, расточителен, — с улыбкой ответил он. — И если иногда я живу не по средствам, в этом только моя вина.

— У меня на службе вам не придется беспокоиться об этом. Ведь так приятно иметь возможность подарить красивой женщине браслет, кольцо или брошь, особенно если хочешь добиться ее расположения.

— Я взял за правило не связываться с теми, кто слишком дорого ценит свое целомудрие.

— Это хорошее правило. Но иногда страсть выходит из-под контроля,

и кто знает, какую шутку выкинет с мужчиной любовь. Разве вам не известно, секретарь, на какие расходы может пойти влюбленный в добродетельную женщину?

Герцог насмешливо взглянул на Макиавелли, и тот на мгновение заподозрил, что Эль Валентино известно о его неудачном романе с Аурелией. Но тут же отогнал от себя эту мысль. Чезаре Борджа хватало забот и без амурных увлечений флорентийского посла.

— Я довольствуюсь малым, оставляя наслаждения и расходы другим.

Герцог задумчиво смотрел на Макиавелли.

— Неужели вы согласны всю жизнь быть чьим-то подчиненным? Мне кажется, вы слишком умны для этого.

— Аристотель учит нас: лучше всего придерживаться золотой середины.

— То есть вы лишены честолюбия?

— Наоборот, — улыбнулся Макиавелли. — Мое честолюбие — наилучшим образом служить моему государству.

— Именно этого вам и не позволят. Кому, как не вам, известно, что в Республике с подозрением относятся к талантливым людям. Там человек достигает высокого положения только потому, что его посредственность не представляет угрозы для коллег. Поэтому демократическим государством управляют не самые достойные, но те, чья ничтожность не вызывает опасений остальных. Вы знаете, какие язвы разъедают сердце демократии?

Он посмотрел на Макиавелли, ожидая ответа, но флорентиец промолчал.

— Зависть и страх. Чиновники завидуют друг другу. Готовы на все, лишь бы не дать талантливому человеку прославиться, даже помешать ему принять необходимые меры для безопасности и процветания государства. И каждый боится, потому что знает: найдутся другие, которые не остановятся ни перед ложью, ни перед подлогом, чтобы занять его место. И что из этого следует? В результате больше всего на свете они боятся ошибиться. А, как известно, не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. Говорят, ворон ворону глаз не выклюет. Думаю, тот, кто придумал эту поговорку, никогда не жил в демократическом государстве.

Макиавелли по-прежнему молчал. Герцог говорил правду. Флорентиец вспомнил, в какой жаркой борьбе добился он своего не слишком значительного поста и с какой горечью восприняли поражение другие кандидаты. И как многие коллеги следили за каждым его шагом, чтобы при первой же возможности потребовать у Синьории его увольнения.

— Государь же волен подбирать себе людей в зависимости от их

способностей, — продолжал герцог. — Он не обязан давать человеку пост только потому, что ему нужна его поддержка, или потому, что за ним стоят люди, чьи заслуги нельзя оставить без внимания. Он не боится соперников, так как стоит выше соперничества, и вместо посредственности, находящейся под чьим-либо покровительством, этого проклятия демократии, привлекает к себе талант, энергию, инициативу и ум. Не удивительно, что дела у Республики идут все хуже и хуже. Способности являются последним из критериев, по которым занимаются у вас государственные должности.

Макиавелли сухо улыбнулся.

— Позвольте напомнить вам, что благосклонность государей слишком непостоянна. Они могут высоко вознести, а затем с той же легкостью сбросить в глубокую пропасть.

Герцог довольно хмыкнул.

— Вы намекаете на Рамиро де Лорку. Государь должен уметь как награждать, так и наказывать. Его великодушие должно быть безграничным, а суд — суровым. Рамиро совершил тяжкие преступления и понес заслуженное наказание. А что бы сделали с ним во Флоренции? Там нашлись бы люди, которые восприняли бы казнь Рамиро как личное оскорбление. За него вступились бы те, кто наживался на его злодеяниях. Синьория, как всегда, начала бы юлить, и в конце концов его послали бы послом к королю Франции или ко мне.

Макиавелли рассмеялся.

— Верьте мне, ваша светлость, они пришлют посла с безупречной репутацией.

— Представляю, как он мне наскучит. Мне будет не доставать вас, секретарь. — Он улыбнулся. — Почему бы вам все-таки не поступить ко мне на службу? Я найду применение вашему острому уму и обширным знаниям, и вам не придется жаловаться на мою неблагодарность.

— Разве можно доверять человеку, предавшему свое государство за несколько дукатов?

— Я не прошу вас предавать Флоренцию. Наоборот, у меня на службе вы сможете помочь ей куда больше, чем на месте секретаря Второй канцелярии. У меня уже служат флорентийцы, и мне кажется, они всем довольны.

— Странники Медичи, сбежавшие вместе с ними и теперь готовые на все ради куска хлеба.

— Не только. Леонардо и Микеланджело оказались не столь горды, чтобы отвергнуть мои предложения.

— Художники. Они придут к любому, кто платит. Безответственные люди.

Глаза герцога весело сверкнули.

— У меня есть поместье недалеко от Имолы. Виноградник, пахотная земля, лес. Я буду счастлив отдать его вам. И доход в десять раз больше того, что приносят вам жалкие акры в Сан-Касчиано.

Имола! Почему Борджа упомянул этот город, а не какой-то другой? И снова Макиавелли подумалось, что герцогу известно о его злоключениях.

— Эти жалкие акры в Сан-Касчиано принадлежат моей семье уже триста лет, — холодно ответил Макиавелли. — И зачем мне поместье в Имоле?

— Вилла — новая, красивая, удобная. Жарким летом очень приятно приехать туда отдохнуть.

— Вы говорите загадками, ваша светлость.

— Я посылаю Агапито губернатором в Урбино. Кроме вас, я не знаю ни одного достаточно компетентного человека, который мог бы занять его место. Однако в этом случае могут осложниться переговоры с Флоренцией, которые поведет ваш преемник. Поэтому я готов назначить вас губернатором Имолы.

На мгновение Макиавелли показалось, что остановилось сердце. Он не мог и мечтать об этом. Когда Флоренция присоединяла к своим владениям какие-нибудь города, губернаторами становились люди высокого происхождения или имеющие влиятельных покровителей. Если б он стал губернатором Имолы, Аурелия гордилась бы тем, что он выбрал именно ее. А уж отделаться от Бартоломео, когда ему это понадобится, он всегда сумеет. Герцогу явно все известно. Иначе он не сделал бы такого предложения. Но откуда? Не без удовольствия Макиавелли отметил, что столь заманчивая перспектива совершенно его не взволновала.

— Я люблю родину больше, чем душу, ваша светлость.

Эль Валентино не привык, когда ему перечили. И Макиавелли ожидал, что герцог рассердится и прогонит его. Но, к удивлению, Борджа продолжал задумчиво смотреть на него, лениво играя орденом Святого Михаила. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем он снова заговорил:

— Я всегда был с вами откровенен, секретарь. Я знаю, вас не так-то легко обмануть, и не буду тратить на это время. Я выложу карты на стол. И не стану просить вас сохранить наш разговор в тайне. Все равно никто не поверит, что я рассказал вам о своих планах. Синьория наверняка решит, что вы пытаетесь пустить им пыль в глаза, представляя свои домыслы за

действительные факты. — Герцог помолчал. — Под моим контролем находятся Романья и Урбино. Скоро я присоединю к ним Кастелло, Перуджу и Сиену. Пиза сама просится под мою защиту. Лукка сдастся по моему первому требованию. И в каком положении окажется тогда Флоренция, окруженная моими владениями?

— Безусловно, в опасном. Но у вас есть договор с Францией.

Ответ Макиавелли, судя по всему, позабавил герцога.

— Два государства заключают договор о дружбе, исходя из взаимной выгоды. Однако благоразумное правительство расторгает его, если положения договора не отвечают его интересам. Будет ли король Франции возражать против захвата Флоренции, если в обмен на его молчаливое согласие я предложу начать совместные действия против Венеции?

По спине Макиавелли пробежал холодок. Уж он-то знал, что Людовик XII без малейшего колебания пожертвует честью ради достижения своих интересов. Он ответил не сразу, тщательно взвешивая каждое слово.

— Ваша светлость допускает ошибку, полагая, что Флоренцию можно взять малой кровью. За нашу свободу мы будем сражаться до последнего.

— Неужели? Ваши сограждане слишком увлечены торговлей, чтобы готовиться к защите своей земли. Вы покупаете наемников, чтобы те сражались за вас. Как глупо! Наемные солдаты воюют только ради денег. Государство обречено, если не может защитить себя. Единственный путь к спасению — создание из своих граждан хорошо вооруженной и обученной армии. Но разве флорентийцы способны на такие жертвы? Я в это не верю. Вами управляют деловые люди, а единственное стремление деловых людей — любой ценой заключить нужную сделку. Им нужна сиюминутная выгода, и они готовы на мир сегодня даже ценой унижения и гибели завтра. Ливий писал, что безопасность республики зависит от цельности людей. А ваши граждане неустойчивы. Ваше государство прогнило и заслуживает уничтожения.

Макиавелли помрачнел. Он не находил возражений. А герцог неторопливо продолжал:

— Испания уже объединилась, Франция окрепла, изгнав англичан. Прошло то время, когда города-государства могли оставаться независимыми. Их независимость — фикция, так как не опирается на силу, и они остаются свободными, пока это устраивает ту же Францию или Испанию. Я контролирую владения церкви, и недалек тот день, когда падет Болонья. Флоренция обречена. Я стану владыкой всей страны — от Неаполитанского королевства на юге до Милана и Венеции на севере. У меня мощная артиллерия, сильная армия. С королем Франции мы поделим

богатства Венеции.

— Но если все произойдет, как вы рассчитываете, — хмуро заметил Макиавелли, — вы добьетесь лишь усиления Франции и вызовете страх и зависть как Франции, так и Испании. Каждая из них может стереть вас в порошок.

— Верно. Но с моими солдатами и золотом я представляю такого мощного союзника, что сторона, к которой я примкну, наверняка одержит победу.

— И по-прежнему останетесь вассалом победителя.

— Секретарь, вы были во Франции и вели переговоры с французами. Скажите, что вы о них думаете?

Макиавелли презрительно дернул плечом.

— Они легкомысленны и ненадежны. Если противник выдерживает ярость первой атаки, их храбрость тает как дым. Они не привыкли ни к трудностям, ни к лишениям и, пожалуй, слишком беспечны.

— Я знаю. Когда приходит зима с холодом и дождями, они расползаются из лагеря, как муравьи, и их можно брать голыми руками.

— С другой стороны, Франция богата. Ее король сокрушил баронов и очень могуществен. Возможно, он не слишком умен, но у него хорошие советники, заботящиеся о благе государства.

Герцог кивнул.

— А что вы думаете об испанцах?

— Я слишком редко сталкивался с ними.

— Тогда послушайте, что я вам скажу. Они храбры, выносливы, решительны. И бедны. Им нечего терять, но приобрести они могут очень многое. Никто не устоял бы перед ними, если б не одно обстоятельство: и войска, и вооружение им приходится привозить только морем. И однажды выбив их из Италии, мы сумели бы не пустить их вновь.

Эль Валентино замолчал, задумавшись. Его глаза горели огнем, и в них Макиавелли видел отсветы кровавых сражений. Окрыленный сегодняшним успехом, герцог чувствовал в себе силы превратить в реальность самые дерзкие мечты, и кто знает, какие видения возникали в его смелом воображении. Он улыбнулся.

— С моей помощью французы могут выгнать испанцев из Неаполя и Сицилии, а испанцы — вышибить французов из Милана.

— Тот, кому вы поможете, останется тем не менее хозяином Италии. И вашим тоже.

— Если я помогу испанцам — да. Если французам — нет. Мы уже изгоняли их из Италии. Прогоним и теперь.

— Они дождутся удобного момента и придут снова.

— Я подготовлюсь к встрече. Король Фердинанд — старая лиса. Если они нападут на меня, он воспользуется представившейся возможностью и двинет армию во Францию. Он выдал дочь замуж за сына короля Англии. И англичане не упустят случая объявить войну своим заклятым врагам. Нет, у французов больше причин бояться меня, чем у меня — их.

— Но папа стар, ваша светлость. Умрет он — и вы лишитесь значительной части войск и почти всего золота.

— Вы полагаете, что я не учитываю этого? Я все предусмотрел. Когда отец умрет, следующего папу выберут по моему указанию. За ним будет стоять моя армия. Нет, я не боюсь смерти папы. Она не нарушит моих планов.

Герцог вскочил с кресла и начал стремительно шагать по комнате.

— Именно церковь мешает объединению нашей страны. Она недостаточно сильна, чтобы править всей Италией. Однако препятствует в этом другим. А путь к процветанию Италии лежит через ее объединение в единое государство.

— Наша бедная страна стала добычей варваров только потому, что ее раздирают на части герцоги и принцы, — вздохнул Макиавелли.

Эль Валентино остановился и пристально взглянул на флорентийца.

— Мой дорогой секретарь, в поисках лекарства мы должны обратиться к Евангелию. А там сказано: кесарю кесарево, а богу богово.

Макиавелли сразу понял злое значение слов герцога. И его поразило спокойствие, с которым тот говорил о шаге, повергшем бы в ужас весь христианский мир.

— Правитель должен поддерживать духовную власть церкви, — хладнокровно продолжал Борджа, — чтобы вернуть ее, к сожалению, утраченное влияние на души верующих. Но для этого церковь нужно как можно скорее освободить от бремени светской власти.

Макиавелли лихорадочно пытался найти ответ на столь циничное заявление, но тут в дверь постучали.

— Кто там? — сердито воскликнул герцог. Дверь отворилась, и на пороге появился дон Мигель, испанский капитан, высокий мужчина могучего телосложения с жестоким лицом и огромными волосатыми руками. Говорили, что именно он задушил прекрасного Альфонсо, возлюбленного Лукреции Борджа.

— А, это ты. — Тон герцога сразу изменился.

— Murieron.

Макиавелли плохо знал испанский, но и он понял значение этого

мрачного слова: «Они умерли». Дон Мигель остался у двери, герцог подошел к нему и заговорил шепотом по-испански. Вскоре дон Мигель вышел, а герцог, широко улыбаясь, вновь сел в кресло.

— Вителлоццо и Оливеротто мертвы. Они умерли не так храбро, как жили. Оливеротто на коленях молил о пощаде. Всю вину за предательство он ввалил на Вителлоццо, говоря, что тот сбил его с пути истинного.

— А Паголо Орсини и герцог Гравины?

— Они находятся под стражей. Я буду держать их, пока не получу известий от его святейшества папы. Макиавелли вопросительно взглянул на герцога.

— Арестовав этих мерзавцев, я тут же послал гонца к папе с просьбой схватить кардинала Орсини. Паголо и его племянник подождут наказания за свои преступления, пока я не узнаю, что кардинал схвачен.

Борджа сделался мрачнее ночи. Макиавелли встал, приняв наступившее молчание за окончание аудиенции, но герцог нетерпеливым взмахом руки вернул его на место. И заговорил вновь низким, сердитым голосом.

— Мало уничтожить мелких тиранов, подданные которых стонут от их плохого управления. Мы стали жертвой варваров. Ломбардия разграблена, Тоскана и Неаполь платят дань. Я один могу сокрушить этих чудовищ. Я один могу освободить Италию.

— Италия молится за освободителя, который разобьет ее цепи.

— Это время пришло, и те, кто пойдет со мной, прославятся на века. — Герцог буравил Макиавелли глазами. — Почему вы отказываетесь присоединиться ко мне?

Макиавелли тяжело вздохнул.

— Я всем сердцем хочу помочь освобождению Италии от этих варваров, опустошающих нашу землю, насилюющих наших женщин, грабящих наших граждан. Возможно, вы — тот человек, который принесет нам свободу. Но, встав в ваши ряды, мне придется заплатить слишком высокую цену: пожертвовать свободой города, давшего мне жизнь.

— С вами ли, без вас Флоренция все равно потеряет свободу.

— Тогда я умру, защищая ее.

Герцог пожал плечами.

— Ответ, достойный древнего римлянина, но не современного здравомыслящего человека.

Борджа высокомерно кивнул, давая понять, что аудиенция закончена, Макиавелли встал, поклонился и направился к двери. Но герцог остановил его.

— Прежде чем вы уйдете, секретарь, — произнес герцог с какой-то особой учтивостью, — я бы хотел воспользоваться вашим советом. В Имоле вы подружились с Бартоломео Мартелли. Он успешно провел для меня несколько торговых операций. Сейчас мне нужен человек для поездки во Францию. Он должен будет провести переговоры с торговцами шерстью. Потом ему придется заехать в Париж. Как вы думаете, могу я послать Бартоломео?

Макиавелли понял, что скрывается за этим вопросом. Теперь он не сомневался: герцог в курсе его любовных увлечений. Губы Макиавелли сжались, но ни один мускул не дрогнул на лице.

— Раз вы, ваша светлость, сочли возможным поинтересоваться моим мнением, я скажу. Бартоломео помогает вам держать в повиновении жителей Имолы, и было бы ошибкой отсылать его во Францию.

— Вероятно, вы правы. Он останется в Имоле.

Макиавелли снова поклонился и вышел.

Пьеро и слуги ждали его у ворот. На темных улицах не было ни души. Лишь мертвецы валялись в канавах, да на площади для устрашения остальных висело несколько мародеров. В таверну, запертую на крепкие засовы, их впустили, лишь внимательно оглядев в глазок. После пронизывающего холода ночи Макиавелли особенно обрадовался весело потрескивающим поленьям в кухонном камине. Кто-то пил, некоторые играли в карты и кости, большинство спало на полу или на скамьях. Хозяин положил матрац для Макиавелли и Пьеро в своей комнате рядом, с широкой кроватью, на которой спали его жена и дети. Они легли, завернувшись в плащи. Но если Пьеро, утомленный дорогой из Фано, волнующими событиями дня и долгим ожиданием у дворца, мгновенно заснул, то Макиавелли еще долго не мог сомкнуть глаз.

Эль Валентино, несомненно, знал о его неудавшейся интрижке с Аурелией. Но герцог допустил ошибку, рассчитывая, что ради Аурелии он изменит Республике и перейдет к нему на службу. Неужели он не понимал, что здравомыслящий человек никогда не смешивает любовную страсть и жизненные устои? Макиавелли не видел Аурелию несколько недель, и если его все еще тянуло к ней, то причиной была не любовь, а уязвленное самолюбие. Но больше всего Макиавелли интересовало, каким образом герцог узнал о его тайне. Конечно, не через Пьеро, юноша доказал свою верность. Через Серафину? Он принял все меры, чтобы та ни о чем не узнала. Монна Катерина и Аурелия приняли слишком активное участие в осуществлении их плана, чтобы предать его. Нина? Нет, ее тоже держали в неведении. И тут Макиавелли догадался. Какой же он глупец! Это же ясно как день. Фра Тимотео! Вне всякого сомнения, он был шпионом герцога. Близость к Серафине и семье Бартоломео позволяла ему следить за флорентийским послом. Через монаха Эль Валентино узнавал, чем занимался Макиавелли, кто к нему приходил, когда он посылал письма во Флоренцию и получал ответы. И не случайно герцог вызвал его в ту ночь, когда Бартоломео спокойно молился у гроба святого Виталя, а секретарь прибыл именно в тот момент, когда он выходил из дома. Ведь фра Тимотео знал все подробности и сообщил о них своему хозяину. Макиавелли охватила ярость. С какой радостью он свернул бы шею этому хитрому монаху. Видимо, Борджа полагал, что неудача разожжет страсть Макиавелли и тот ухватится за его заманчивые предложения. Поэтому фра

Тимотео и отказался помогать ему в дальнейшем. Это он внушил Аурелии, что само провидение уберегло ее от смертного греха и впредь она не должна поддаваться искушению.

«Интересно, сколько заплатили ему сверх моих двадцати пяти дукатов», — пробормотал Макиавелли, уже забыв, что занял деньги у Бартоломео, а тот, в свою очередь, получил их от герцога.

Но в то же время Макиавелли льстило, что Борджа приложил такие усилия, чтобы привлечь его к себе на службу. Герцог, судя по всему, ценил его очень высоко. А господа из Синьории любили посмеяться над его шутками, с интересом читали его донесения, но не считались с его мнением и никогда не следовали его рекомендациям.

«Нет пророка в своем отечестве», — печально вздохнул Макиавелли.

Уж он-то понимал, что у него ума больше, чем у всех членов Синьории вместе взятых. Пьетро Содерини, глава Республики, слаб и безволен. И скорее всего, именно его имел в виду герцог, говоря о тех, кто предпочитает ничего не делать, лишь бы не допустить ошибку. Да и остальные члены Синьории отличались разве что посредственностью и нерешительностью. Они умели только тянуть время. Его начальник, секретарь Республики Марвелло Виргилио, обладал приятной внешностью и был хорошим оратором. Но Макиавелли не верил в его способности. Как бы удивилась вся эта братия, узнав, что посол, посланный ими к Эль Валентино, маленький винтик в государственной машине Флоренции, назначен губернатором Имола и стал доверенным советником герцога! Макиавелли не собирался принимать предложение Борджа, но не мог отказать себе в удовольствии представить ужас Синьории и ярость недругов.

Имола была бы лишь первым шагом. Если бы Чезаре Борджа стал королем Италии, он бы занял место первого министра. Могла ли Италия найти в Чезаре своего освободителя? Даже если им двигало честолюбие, герцог взялся за благородное дело. Все признавали его ум и храбрость, его любил и боялся народ, ему доверяли солдаты. И в Италии, раздавленной и порабощенной, по-прежнему жил гордый дух предков. Объединенный сильной рукой, ее народ мог бы обрести долгожданную уверенность в завтрашнем дне и двинуться навстречу счастью и процветанию. И что могло прославить человека больше, чем благословенный мир, который он даст страждущей стране.

И тут Макиавелли пришла в голову столь неожиданная мысль, что он вздрогнул, толкнув в бок Пьеро, который недовольно заворочался, но не проснулся. Происшедшее в Имоле могло оказаться всего лишь шуткой Эль Валентино, решившего поразвлечься.

Макиавелли прекрасно знал, что герцога, несмотря на внешнюю вежливость, не устраивала его деятельность, потому что он не захотел убедить Синьорию заключить соглашение, выгодное Борджа. Это могла быть обыкновенная месть. Кровь бросилась в лицо Макиавелли. Неужели Эль Валентино, Агапито и остальные следили за каждым его шагом и, захлебываясь от смеха, придумывали, как помешать ему достигнуть желанной цели? Макиавелли пытался убедить себя, что это всего лишь фантазия, которую надо тут же забыть, но сомнения терзали его душу.

На следующее утро, оставив в Синигальи небольшой гарнизон, герцог повел армию на Перуджу.

Лил дождь, и под копытами лошадей и колесами фургонов дорога превратилась в грязное месиво. В маленьких городках делали остановки. Но разместить такое огромное количество людей было невозможно. Только наиболее счастливым удавалось найти крышу над головой. Макиавелли привык к теплым мягким постелям, и его настроение ухудшалось с каждой ночью, проведенной на голой земле в крестьянских хижинах. От отвратительной еды у него вновь заболел желудок. В Сассо-Феррато герцог получил известие о том, что родственники Вителлоццо убежали в Перуджу, а в Гуальдо его ждут граждане Каstellо, чтобы сдать ему город. Затем прибыл гонец с сообщением, что Бальони оставил надежду защитить Перуджу и вместе с войсками ушел в Сиену. И на следующий день Перуджа принадлежала герцогу. Так, без единого выстрела, Чезаре Борджа овладел двумя важными городами.

Далее он двинулся на Ассизи. Там его встретила делегация Сиены. Они хотели знать, почему герцог собирается напасть на их город. Борджа ответил, что питает к жителям Сиены самые теплые чувства, но считает необходимым свести счеты с Пандолфо Петруччи, их правителем и его смертельным врагом. Если они сами выгонят его из города, пояснил Эль Валентино, им нечего бояться. Если нет, армия будет штурмовать Сиену со всеми вытекающими отсюда последствиями. Он продолжил движение на Сиену, но избрал кружной путь, чтобы дать горожанам время подумать. Захватывая отдельные замки и деревни, войска оставляли после себя выжженную землю. Население убегало от разъяренной солдатни, а оставшихся стариков и немногих женщин подвешивали за руки над горящими углями, чтобы они сказали, где спрятаны ценности. Многие умирали под пытками.

В это время из Рима прибыли хорошие вести. Получив письмо сына о событиях в Синигальи, его святейшество сообщил кардиналу Орсини, что цитадель сдалась герцогу и его храбрым капитанам. На следующий день кардинал с родственниками и друзьями пришел в Ватикан, чтобы поздравить папу с победой. Их арестовали прямо в приемной. Как только герцогу стало известно об этом, он поручил дону Мигелю задушить Паголо Орсини. Кардинала бросили в подземелье замка Сан-Анжело, где он вскоре

и умер. Таким образом, отец и сын обезглавили семью Орсини. А герцог мог поздравить себя с окончательным подавлением мятежа капитанов.

Когда Борджа приехал в Читта-делла-Пиаве, Макиавелли получил известие, что его преемник вот-вот покинет Флоренцию. Герцог решил задержаться в этом городке, чтобы войска могли отдохнуть. И Макиавелли надеялся, что новый посол, Джакомо Салвиати, прибудет до того, как армия вновь тронется в путь. Он устал от бесконечных переездов, от плохой еды, от недосыпания.

Как-то утром, дня через два или три, когда он лежал в постели и размышлял о случившемся, с улицы донесся громкий голос. Спрашивали мессера Никколо Макиавелли.

— Мессер Бартоломео! — воскликнул Пьеро, сидевший у окна.

— Какого черта ему тут надо, — раздраженно пробормотал Макиавелли, поднимаясь с кровати.

Мгновение спустя толстяк влетел в комнату, прижал Макиавелли к груди и расцеловал в обе щеки.

— Я еле нашел вас. Мне пришлось идти от дома к дому.

Макиавелли высвободился из жарких объятий.

— Как вы тут оказались?

Прежде чем ответить, Бартоломео тепло поздоровался с Пьеро.

— Меня вызвал герцог. Я ехал через Флоренцию и присоединился к слугам вашего посла. Он прибудет сюда завтра. Никколо, Никколо, мой дорогой друг, вы осчастливили меня.

Он вновь обхватил и расцеловал недоумевавшего Макиавелли.

— Я рад видеть вас, Бартоломео... — начал он, но толстяк перебил его.

— Благодаря вам свершилось чудо. Аурелия ждет ребенка.

— Что?!

— Через семь месяцев, мой дорогой Никколо, я стану отцом шустрого мальчугана, и его появлением на свет я обязан только вам.

Известие ошеломило Макиавелли. Он слишком хорошо знал, что не имеет никакого отношения к ребенку Аурелии.

— Успокойтесь, Бартоломео, и объясните, — в его голосе слышалось раздражение, — почему именно мне вы обязаны своим сыном?

— Как я могу быть спокоен, когда исполнилась мечта всей моей жизни! Теперь я могу умереть спокойно, оставив титул и все состояние моему прямому наследнику. Констанца, моя сестра, вне себя от ярости.

Бартоломео громко расхохотался. Макиавелли вопросительно взглянул на Пьеро. Тот ответил удивленным взглядом.

— Я у вас в неоплатном долгу. Если бы не вы, я бы никогда не поехал в Равенну и не провел ночь у гроба святого Виталья. Правда, идея принадлежала фра Тимотео. Но я ему не верил. Разумеется, фра Тимотео — добрый и благочестивый человек, но с монахами надо всегда быть начеку. Никогда не знаешь, не ищут ли они для себя выгоду. Я не виню их, они верно служат нашей святой церкви. Но, скорее всего, я не поехал бы, не расскажи вы о мессере Джулиано да Альбертелли. Вам я мог доверять, вы думали только о моем благе, вы — мой друг. Если святой Виталь помог добропорядочному гражданину Флоренции, решил я, он может помочь и мне. И действительно монна Аурелия зачала в ночь моего возвращения из Равенны.

От возбуждения и бурного жестикулирования, которым Бартоломео сопровождал свою речь, на лбу толстяка выступили капли пота, и он смахнул их рукавом. Макиавелли никак не мог прийти в себя.

— Вы абсолютно уверены в том, что монна Аурелия в положении? — спросил он. — В таких делах женщины иногда ошибаются.

— Конечно, уверен. Я хотел сказать вам об этом еще в Имоле, но монна Катерина и Аурелия не позволили мне поделиться с вами нашей радостью. «Давайте никому ничего не говорить, — убеждали они меня, — пока мы не будем знать наверняка». Разве вы не заметили, как плохо она выглядела? Она очень рассердилась на меня, когда я привел вас попрощаться. Она опасалась, что вы заподозрите причину ее недомогания. Она, видите ли, хотела сохранить все в тайне, пока не исчезнут последние сомнения. Я пытался урезонить ее, но вы ведь знаете, каково спорить с беременной женщиной.

— Я ничего не заподозрил, — ответил Макиавелли. — Я женат всего несколько месяцев, и у меня нет опыта в подобных делах.

— Я хотел, чтобы вы узнали об этом первым, потому что именно с вашей помощью я стал счастливым отцом.

Бартоломео вновь хотел обнять Макиавелли, но тому удалось увернуться.

— Поздравляю вас от всего сердца. Однако, раз завтра прибывает посол Флоренции, я не могу терять ни минуты и должен немедленно сообщить об этом герцогу.

— Я ухожу, но сегодня вечером вы с Пьеро должны поужинать со мной. Выпьем за здоровье моего сына.

— Здесь нам это не удастся, — ответил Макиавелли, едва сдерживая

злость. — В этом городишке не найдешь ничего, кроме паршивого вина и отвратительной еды.

— Я подумал об этом, — рассмеялся Бартоломео, довольно потирая руки, — и привез из Флоренции вино, зайца и поросенка. Мы отлично повеселимся.

Устоять перед таким соблазном Макиавелли не смог.

— Вечером я зайду к вам, — продолжал Бартоломео. — Но, прежде чем уйти, я бы хотел посоветоваться с вами об одном важном деле. Я обещал фра Тимотео подарить картину для алтаря святой девы Марии. Хотя своим счастьем я обязан святому Виталю, не хочу обижать нашу Мадонну, так как она, вне всякого сомнения, делала все, что могла. Как вам понравится такая композиция? В центре богородица, сидящая на богато украшенном троне с сыном на руках, рядом я с Аурелией, коленопреклоненные. С одной стороны трона — святой Виталь, а с другой, по рекомендации, фра Тимотео, — святой Франциск.

— Задумано неплохо, — процедил Макиавелли.

— Во Флоренции много художников. Подскажите, кому заказать картину?

— Боюсь, я ничем не смогу вам помочь. По-моему, эти художники очень ненадежны и распущенны. Я предпочитаю не связываться с ними.

— Но, может, вы предложите мне кого-нибудь?

— Когда прошлым летом я был в Урбино, мне говорили об одном юноше, ученике Перуджино. Все пророчили ему блестящее будущее.

— А как его зовут?

— Понятия не имею. Мне называли его имя, но я его давно забыл. Впрочем, это не сложно выяснить, и я думаю, что заказ обойдется вам довольно дешево.

— Цена не имеет значения, — Бартоломео небрежно махнул. — Я деловой человек и знаю, что за хороший товар надо платить столько, сколько требуют. Мне нужен хороший художник, и я готов на любые расходы.

— Вернувшись во Флоренцию, я наведу справки, — торопливо пообещал Макиавелли.

После ухода Бартоломео он опустился на кровать и недоуменно покачал головой.

— Ты слышал что-нибудь подобное? — обратился он к Пьеро. — У него не может быть детей.

— Вероятно, случилось чудо, — ответил юноша.

— Не болтай ерунды. Мы обязаны верить, что чудеса совершились

Иисусом Христом, его апостолами, а также святыми нашей церкви. Но времена чудес прошли. И вообще, с какой стати святой Виталь станет спускаться с небес ради такого толстого дурака, как Бартоломео?

Но, говоря эти слова, Макиавелли вспомнил разговор с фра Тимотео. Как отметил монах, абсолютная вера Бартоломео в могущество святого могла совершить чудо, хотя чудесные способности святого Виталья были всего лишь выдумкой Макиавелли. Могло ли такое случиться? Тогда он подумал, что фра Тимотео использовал столь лице мерный предлог, чтобы отказать ему в дальнейшей поддержке.

Пьеро хотел что-то сказать, но Макиавелли остановил его.

— Помолчи. Я думаю.

Он не считал себя ревностным католиком и довольно часто ловил себя на мысли, что предпочел бы поклоняться прежним обитателям Олимпа. Христианство открыло человеку истину и путь к спасению. Но взывало больше к смирению, а не к борьбе. Оно сделало человечество слабым и отдало в руки нечестивцев, поскольку большинство, ради того чтобы попасть на небеса, предпочитало терпеть притеснения, а не защищать себя от обидчиков. Величайшим благом христианство почитало смирение, покорность и презрение к мировой суете. Древние же восхищались величием души, силой и смелостью.

Происшедшее потрясло Макиавелли. Его разум восставал, но где-то в подсознании росла вера в причастность сверхъестественного вмешательства.

— А может, люди стали такими слабыми потому, что в своем ничтожестве подстраивали религию под себя? Может, они забыли, что она велит нам любить и уважать родную землю и готовить себя к ее защите?

Он расхохотался, заметив изумленную физиономию Пьеро.

— Не обращай на меня внимания, мой мальчик. Сейчас я пойду к герцогу, чтобы сообщить ему о приезде посла, а вечером мы отлично поужинаем с нашим дорогим Бартоломео.

Ужин удался на славу. Под воздействием хорошей еды и доброго вина, привезенного Бартоломео из Флоренции, Макиавелли разговорился. Он шутил, рассказывал неприличные истории. И толстяк смеялся так, что у него заболели бока. Все трое немного опьянели.

События в Синигальи взволновали всю Италию. Слухам не было конца. Причем каждый рассказывал свою историю. А Бартоломео хотел услышать правду от очевидца. И Макиавелли дал волю своему красноречию.

— Покидая Читта-ди-Кастелло, Вителлоццо попрощался с родственниками и друзьями, как будто заранее знал, что видит их в последний раз. Друзьям он завещал охранять город, малолетним племянникам — не забывать о доблести их славного рода.

— Если он догадывался о грозящей опасности, то почему не остался за крепкими крепостными стенами? — спросил Бартоломео.

— Может ли человек убежать от судьбы? Мы считаем возможным подчинить людей своей воле, изменить происходящее к своей выгоде, мы трудимся, боремся, но в конце концов оказывается, что мы всего лишь игрушки в руках судьбы. Когда капитанов арестовали и Паголо Орсини стал возмущаться вероломством герцога, Вителлоццо упрекнул его лишь в одном: «Видите, как вы ошиблись и в каком положении оказался я и мои друзья из-за вашей глупости».

— Вителлоццо — мерзавец и заслужил смерти! — сердито воскликнул Бартоломео. — Я продал ему несколько лошадей, но он не заплатил мне ни гроша. Когда я потребовал деньги, он предложил приехать за ними в Читта-ди-Кастелло. Я предпочел остаться в Имоле.

— И поступили мудро.

Макиавелли задавался вопросом, какие мысли обуревали Вителлоццо, уже состарившегося, усталого и больного, со времени ареста до того момента, как волосатые руки дона Мигеля сомкнулись у него на шее. И улыбнулся, представив тот день, когда герцог, больше не нуждаясь в его услугах, мог бы поступить с ним точно так же, как с верным Рамиро де Лоркой.

— Станный человек, — пробормотал он. — Возможно, великий.

— О ком вы говорите? — спросил Бартоломео.

— Разумеется, о герцоге. О ком еще я могу говорить? Двуличность,

проявленная им, столь совершенна, что нам остается только восхищаться. Художников хвалят за картины, созданные кистью и красками, но что эти картины по сравнению с произведениями искусства, где краски — живые люди, а кисть — ум и хитрость? Герцог — человек действия и склонен к мгновенным решениям. Кто мог предположить, что он способен на столь долгое ожидание? Четыре месяца он держал капитанов в неведении, заставляя гадать о своих дальнейших планах, играл на их страхах, разжигал взаимную зависть, запутывал бесконечными уловками, заманивал ложными обещаниями, и столько терпения потребовалось для того, чтобы расколоть их ряды. В зависимости от ситуации он был дружелюбным и милосердным, суровым и жестоким. И в конце концов они угодили в расставленную им ловушку. Этот обман — своего рода шедевр и заслуживает того, чтобы войти в анналы истории как эталон гениальной продуманности замысла и виртуозности претворения его в жизнь.

Бартоломео хотел что-то сказать, но Макиавелли еще не выговорился.

— Он избавил Италию от самолюбивых тиранов, проклетия нашей страны. Что совершит он теперь? Не он первый пытается освободить Италию, но судьба отворачивалась от его предшественников, и все возвращалось на круги своя. Макиавелли резко встал. Его разморило, и он не хотел выслушивать болтовню Бартоломео. Поблагодарив за угощение, флорентиец откланялся и в сопровождении верного Пьеро вернулся домой.

На следующий день Бартоломео, закончив все дела, отбыл в Перуджу. Чуть позже Макиавелли, Пьеро, слуги и несколько придворных герцога выехали навстречу послу Флоренции. После того как Джакомо Салвиати — а именно так звали посла — сменил дорожную одежду на парадный костюм, Макиавелли представил его герцогу. Последующие дни ушли на то, чтобы познакомить Салвиати с нужными людьми, объяснить, кому и сколько следует платить за предоставленные сведения. При дворе герцога ничего не делалось из любви к ближнему. А так как в своих донесениях Синьории Макиавелли писал далеко не все, опасаясь, что они будут перехвачены, то потребовался не один час, чтобы изложить послу мельчайшие подробности.

Только через шесть дней Макиавелли наконец смог тронуться в обратный путь. Дорога предстояла долгая и небезопасная, поэтому он решил выехать пораньше, чтобы как можно больше проехать дотемна. Он поднялся с рассветом и быстро оделся. Слуги вынесли переметные сумы, упакованные еще с вечера. Все было готово к отъезду.

— Пьеро внизу? — спросил Макиавелли хозяйку.

— Нет, мессер.

— Где он?

— Он ушел.

— Ушел? Куда? Зачем? Разве он не знает, что я не люблю ждать? Пошли за ним кого-нибудь из слуг, да побыстрей.

Едва за хозяйкой закрылась дверь, как в комнату ворвался Пьеро. Макиавелли с трудом узнал юношу. Вместо дорожного костюма на нем была форма солдата герцога.

— Я пришел попрощаться с вами, мессер Никколо. Я вступил в армию герцога.

— Я и сам понял, что ты не для забавы нацепил этот пестрый наряд.

— Не сердитесь на меня, мессер Никколо. За эти три месяца я столько повидал. Оказался свидетелем великих событий и говорил с людьми, причастными к ним. Я молод, силен и здоров. Я не могу вернуться во Флоренцию, чтобы остаток дней обрастать пылью во Второй канцелярии. Я создан, не для того. Я хочу жить.

Макиавелли задумчиво смотрел на Пьеро.

— Почему ты не сказал мне о своих намерениях?

— Опасался, что вы помешаете их осуществлению.

— Я считал бы своим долгом указать тебе, что жизнь солдата тяжела и опасна. Он страдает от голода и жажды, жары и холода. Если он попадает в плен, у него отнимают все до последней нитки. Раненого, его оставляют умирать на поле боя. Если же он все-таки выздоравливает, а воевать больше не может, его удел — просить милостыню на улицах. Ему приходится жить среди грубых, жестоких и распущенных людей, подвергая опасности не только тело, но и душу. И я бы напомнил тебе, что в канцелярии Республики ты бы занял прочное положение и пользовался уважением. Трудолюбием и исполнением причуд своих начальников зарабатывал бы ровно столько, сколько требуется для поддержания существования. А после долгих лет упорного труда мог бы получить и повышение, если, конечно, тебе повезет и это место не займет племянник или зять какой-нибудь влиятельной персоны. Но, исполнив свой долг, я бы не стал препятствовать твоим планам.

Пьеро вздохнул с облегчением и рассмеялся. Он восхищался Макиавелли, но нисколько не боялся его.

— Так вы на меня не сердитесь?

— Разумеется, нет, мой мальчик. Ты хорошо служил мне. Фортуна благоволит к герцогу. И разве я могу винить тебя в том, что ты решил связать с ним свою судьбу?

— Тогда вы замолвите за меня словечко перед матерью и дядей Биаджо?

— У твоей матери разобьется сердце. Она решит, что именно я сбил тебя с пути истинного. Но будем надеяться, что благоразумный Биаджо сумеет успокоить ее. А теперь, мой юный друг, мне пора ехать.

Макиавелли обнял юношу, расцеловал его в обе щеки, и тут его взгляд упал на расшитый воротник его рубашки.

— Где ты взял эту рубашку?

Пьеро покраснел до корней волос.

— Мне дала ее Нина.

— Нина?

— Служанка монны Аурелии.

Макиавелли узнал прекрасное полотно, привезенное им из Флоренции. Лоб Пьеро покрылся капельками пота.

— У монны Аурелии оказался лишний материал, и она отдала его Нине.

— И Нина сама вышила этот воротник?

— Да, — неуклюже солгал юноша.

— Сколько она дала тебе рубашек?

— Только две. На третью не хватило полотна.

— Тебе повезло. Ты сможешь носить одну, пока другую будут стирать. Ты счастливчик. Женщины, с которыми я сплю, не дарят мне подарков. Наоборот, они ждут их от меня.

— Я сделал это только для того, чтобы доставить вам удовольствие, мессер Никколо. — Пьеро ослепительно улыбнулся. — Ведь это вы просили меня поухаживать за ней.

Макиавелли прекрасно понимал: Аурелии и в голову бы не пришло подарить служанке дорогое полотно, а та, конечно же, не смогла бы вышить столь сложный узор. Да и монна Катерина говорила, что такое по силам только Аурелии. Значит, рубашку подарила юноше именно она. Но почему? Потому, что он кузен ее мужа? Ерунда. И тут ему все стало ясно. В злосчастную ночь, когда его вызвал герцог, Пьеро забавлялся не со служанкой, а с ее госпожой. И не чудесное вмешательство небожителя — святого Виталия помогло зачать жене Бартоломео, а содействие вполне земного молодого человека, который стоял перед ним. Вот почему монна Катерина отказывалась устроить ему еще одну встречу с Аурелией, а та всячески избегала его. Макиавелли охватила ярость. Они выставили его на посмеище — две распутницы и этот мальчик, которого он только что назвал другом. Он отступил на шаг, чтобы получше разглядеть Пьеро.

Макиавелли не придавал большого значения мужской красоте, отдавая предпочтение непринужденности манер, изысканности речи и дерзости напора, благодаря чему сам добивался успеха у женщин. Он увидел высокого статного юношу с широкими плечами, узкой талией, стройными ногами. Военная форма подчеркивала достоинства его фигуры. Вьющиеся каштановые волосы, большие карие глаза под изогнутыми бровями, аккуратный нос, алый чувственный рот не могли не нравиться женщинам. И конечно, их привлекал смелый, открытый взгляд Пьеро.

«Да, — подумал Макиавелли, — как же я раньше не заметил всего этого? Тогда я был бы поосмотрительней».

Он выругал себя за проявленную близорукость. Но мог ли он предположить, что Аурелия обратит внимание на этого юнца, который, хоть и приходился кузеном ее мужа, был всего лишь мальчиком на посылках, неуклюжим подростком, не способным очаровать женщину. И мог ли кто-нибудь представить, что Аурелия предпочтет этого зеленого юнца, когда у ее ног лежал умный, образованный, наконец, талантливый человек? Все это казалось полным абсурдом.

Пьеро стойко вынес испытующий взгляд Макиавелли. Он уже пришел

в себя, переборов охватившее его смятение.

— Мне действительно очень повезло, — невозмутимо заметил он. — По пути из Синигальи заболел паж графа Лодовико Алвизи. Он уехал в Рим, а меня граф взял на его место.

— Как тебе это удалось?

— Мессер Бартоломео поговорил обо мне с казначеем герцога, и тот все устроил.

Брови Макиавелли удивленно взметнулись. Мало того, что этот малый соблазнил жену Бартоломео, так еще с его помощью получил тепленькое местечко у одного из фаворитов герцога. Если бы не уязвленное самолюбие, он бы счел сложившуюся ситуацию весьма забавной.

— Фортуна благоволит смелым и молодым, — сказал Макиавелли. — Ты далеко пойдешь. Но позволь дать тебе несколько советов. Следи за тем, чтобы не прослыть остряком, иначе тебя никто не будет воспринимать всерьез. Замечай настроение окружающих и приспосабливайся к ним. Смейся, когда они веселы, изобрази грусть, когда они унылы. Нелепо выказывать ум перед дураками и выглядеть дураком среди умных. С каждым надо говорить на его языке. Будь вежлив и обходителен. Старайся быть полезным, а главное — умеи показать, что ты можешь быть полезным. Нет смысла ублажать себя, если этим ты не доставишь удовольствия и другим. И учти, поощрение грехов нравится куда больше восхваления добродетелей. Никогда не открывай сердца другу, чтобы он не мог причинить тебе вреда, став врагом. С другой стороны, не накаляй отношений с врагом до такой степени, что он ни при каких обстоятельствах не согласится стать твоим другом. Прежде чем что-нибудь сказать, основательно подумай. Назад слов не возьмешь. Помни, правда — самое страшное оружие, которым владеет человек, и распоряжаться им надо с предельной осторожностью. Уже давно я не говорил того, чему верю, и не верю в то, что говорю. А если я и говорю правду, то скрываю ее среди лжи и очень трудно отличить одно от другого.

В то время, как с языка Макиавелли слетали старые пословицы и обыденные банальности, он думал совсем о другом. Ибо он знал: государственный деятель может быть продажным, некомпетентным, жестоким, злопамятным, нерешительным, слабым и эгоистичным и тем не менее достаиваться высших почестей. Но его карьера рушится, как карточный домик, если он становится смешным. Клевету он может опровергнуть, оскорбления не принимать во внимание, но против насмешек он совершенно беззащитен. Макиавелли ценил уважение своих сограждан и то внимание, с которым руководители Республики относились к его

суждениям. Он доверял своему мнению, и его честолюбие простиралось дальше Второй канцелярии. И он прекрасно понимал, что в неудачном романе с Аурелией он предстал в самом комичном свете. Если бы во Флоренции стало известно об этой истории, он превратился бы во всеобщее посмешище. По спине Макиавелли пробежал холодок при мысли о всех пасквилях и эпиграммах, которыми забросают его флорентийские острословы. Даже друг Биаджо, постоянный объект его шуток, с радостью ухватится за возможность поквитаться. Он должен заткнуть рот Пьеро, иначе для него все будет кончено. Макиавелли положил руку на плечо юноши и улыбнулся. Но его глаза горели холодным огнем.

— Позволь мне сказать тебе еще об одном, дорогой мальчик. Фортуна переменчива и нетерпелива. Она может дать власть, почет и богатство, но может принести нужду и болезни. Герцог всего лишь ее игрушка, и вполне возможно, что следующий поворот колеса уничтожит его. Тогда тебе понадобятся друзья во Флоренции. И очень недальновидно превращать во врагов тех, кто в будущем может оказаться весьма полезным. Республика с подозрением смотрит на своих граждан, покинувших ее службу и перекинувшихся к ее недругам. Несколько слов, долетевших до нужного уха, достаточно для конфискации собственности вашей семьи. И тогда твоей матери, выброшенной на улицу, придется жить на подаяние родственников. К тому же у Республики длинная рука. И совсем нетрудно найти гасконца, который за несколько дукатов воткнет тебе в спину острый кинжал. А в руки герцога, разумеется, совершенно случайно может попасть письмо с намеками на то, что ты — флорентийский шпион. После пытки на дыбе ты признаешься, и тебя повесят, как простого вора. Твоя мать будет в отчаянии. Ради твоего же блага, если ты дорожишь своей жизнью, я советую тебе научиться хранить тайны.

Вглядываясь в карие глаза Пьеро, Макиавелли видел, что юноша все понял.

— Не беспокойтесь, мессер Никколо. Я буду нем, как могила.

Макиавелли рассмеялся.

— Я никогда не считал тебя дураком.

И хотя денег у него было в обрез, он достал кошелек и протянул Пьеро пять дукатов.

— Ты хорошо служил мне, и я обязательно расскажу Биаджо о том рвении, с каким ты заботился обо мне в интересах Республики.

Он поцеловал юношу, и рука об руку они сошли вниз. Пьеро держал стремя, пока Макиавелли садился на лошадь. И шел с ним до городских ворот, где они и расстались.

Макиавелли пришпорил лошадь и перешел на легкий галоп. Двое слуг следовали за ним. Настроение у него было отвратительное. Чего уж там говорить: фра Тимотео, Аурелия, ее мать и Пьеро обвели его вокруг пальца. Он даже не мог разобраться, на кого сердится больше. И, что самое ужасное, он не представлял, как свести с ними счеты. Они славно посмеялись над ним, а он не мог отплатить им той же монетой. Разумеется, Аурелия просто дура, коварная, как и все женщины, но дура. Иначе она выбрала бы не безусого юнца, а мужчину в расцвете сил, посла влиятельного государства, ведущего от его лица важные переговоры. Любой здравомыслящий человек отдал бы ему предпочтение. Тем более что никто не считал его уродом. А Мариетта всегда говорила, что ей нравятся его волосы. И сравнивала их с черным бархатом. Слава богу, у него есть Мариетта. Ей он мог доверять. Даже уехав на полгода, ему не пришлось бы волноваться, что в его отсутствие она посмотрит на другого мужчину. Правда, в последнее время ему начали надоедать ее бесконечные жалобы, о которых сообщал в письмах Биаджо. Он, видите ли, не возвращается, не пишет ей ни строчки, да еще оставил ее без денег. Но от женщины в ее положении можно ожидать подобных глупостей. Кого, интересно, она родит? Если мальчика, они договорились назвать его Бернардо, в честь отца Макиавелли. И все-таки приятно сознавать, что тебя ждет жена. Конечно, она не так красива, как Аурелия, но уж, во всяком случае, добродетельна, чего не скажешь о дочери монны Катерины. Макиавелли вздохнул, вспомнив о том, что не везет Мариетте подарка. Но раньше мысль об этом как-то не приходила ему в голову, а теперь у него не было денег.

Оставалось только сожалеть, что он так много потратил на Аурелию. Шарф, перчатки, розовое масло да еще — золотая, нет, не золотая — серебряная цепочка, подаренная монне Катерине. Если бы в ней осталась хоть капля приличия, она бы вернула цепочку, и он смог бы подарить ее Мариетте. Но когда женщины возвращали подарки?!

Старая сводница — вот кто она, да еще без стыда и совести. Она наверняка понимала, что получила цепочку в уплату за определенные услуги. А раз не выполнила своего обещания, то могла бы по меньшей мере вернуть задаток. Он с первого взгляда раскусил эту распутницу. Она, несомненно, испытывала мерзкое наслаждение, устраивая кутежи, в

которых уже не могла принимать участие. Он готов был поспорить, что она сама уложила в постель Пьеро и Аурелию. Как они, должно быть, веселились, уплетая каплунов и запивая их вином, в то время как он мерз под проливным дождем. Только такой болван, как Бартоломео, мог доверить честь жены подобной женщине.

«Если бы он как следует присматривал за своей женой, — пробормотал Макиавелли, — я бы сразу понял, что здесь и пытаться не стоит».

Да, решил он, во всем виноват Бартоломео. Но каким же дураком оказался он, Макиавелли, посылая Аурелии дорогой шарф, как бы прося прощения за опоздание. И послал он его рано утром, едва придя в себя, да еще с Пьеро. Чтобы она получила шарф до возвращения Бартоломео. Как же они, небось, хихикали! А Пьеро наверняка воспользовался возможностью... Достойная пара. Такие своего не упустят!

Мало того, что он осыпал ее дорогими подарками, так еще рассказывал самые забавные истории, чтобы развлечь ее, пел самые лучшие песни, чтобы очаровать ее, — короче, задействовал весь арсенал, которым пользуется мужчина, стремящийся добиться расположения женщины. А потом... потом появился этот мерзкий мальчишка и получил все даром только потому, что ему восемнадцать и у него красивая внешность. А он потратил на Аурелию целый месяц и кучу денег. Хотел бы он знать, что при этом думал Пьеро. Впрочем, идея, скорее всего, исходила от монны Катерины, которая могла пойти на все, лишь бы помешать Бартоломео усыновить племянников. Он попытался представить, как она уговаривала дочь.

«Ну и что нам делать? Мы же не можем ждать его всю ночь. Жаль упускать такую возможность. На твоём месте, Аурелия, я бы не колебалась. Взгляни на его нежное лицо и вьющиеся волосы. Он напоминает мне Адониса с картины в ратуше. Если бы мне предстояло выбрать между ним и мессером Никколо с его желтоватой кожей, длинным носом и маленькими круглыми глазами... ну, моя милая, я бы не задумалась ни на секунду. И, позволь сказать, он сделает то, что нам нужно, гораздо лучше, чем этот костлявый секретарь».

Нехорошая женщина. Безнравственная женщина. Однако Макиавелли никак не мог понять, почему она не захотела, чтобы отцом ребенка ее дочери стал умудренный опытом мужчина.

А может, монне Катерине и не пришлось уговаривать дочь. А как ловко притворялся этот с виду наивный и даже застенчивый мальчик. Да, внешность обманчива. Ни разу он и виду не подал, что между ним и

Аурелией что-то произошло. Хладнокровный, бесстыдный лжец. Только однажды он смутился, когда Макиавелли заметил вышитую Аурелией рубашку. Но как быстро пришел в себя и с какой наглостью встретил молчаливые обвинения своего господина! Хватило же ему нахальства поцеловать Аурелию в губы, а потом запустить руку в лиф между грудей. Каждый мог представить, что произошло дальше. И рассерженное воображение Макиавелли последовало за ними в спальню Бартоломео и в его постель.

«Какой неблагодарный мальчишка!» — прошептал он.

Без всякой корысти он взял Пьеро в путешествие, все сделал для него: представил ко двору герцога, научил, как вести себя в обществе, как заводить друзей и влиять на людей. А в награду ученик увел женщину прямо из-под носа учителя.

«Но уж, во всяком случае, я как следует напугал его».

Макиавелли знал: прелесть злой шутки, сыгранной с благодетелем, наполовину потеряна, если о ней нельзя рассказать друзьям. Но эта маленькая победа не принесла ему утешения.

Если он злился на Пьеро, Аурелию, монну Катерину и Бартоломео, то фра Тимотео он просто ненавидел. Ведь не кто иной, как этот вероломный негодяй, расстроил его тщательно продуманный план.

«Не видать ему проповедей в соборе Флоренции», — прошипел Макиавелли.

Он и не собирался рекомендовать монаха Синьории, но теперь не без удовольствия думал, что, имея он такое намерение, тут же без колебаний отверг бы его. Каков негодяй! Не удивительно, что церковь теряет влияние на верующих и те впадают в грех и ведут беспутную жизнь, если для самих слуг божьих не существует такого понятия, как честь. Все, все обманывали его, но никто не мог сравниться в этом занятии с достойным францисканцем.

Они остановились перекусить в придорожной харчевне. Еда оказалась отвратительной, но вино вполне приличным. И когда Макиавелли вновь сел в седло, чтобы продолжить путешествие, мир предстал перед ним не в таком уж мрачном свете. Он размышлял о роли герцога во всей этой истории. Если тот решил подшутить над ним, то не стал бы разглашать подробности, так как обычно сохранял в тайне свои планы. Если же он рассчитывал таким способом привлечь его к себе на службу, то уже понял, что потерпел неудачу. Затем мысли Макиавелли вернулись к Аурелии. Четыре месяца назад он и не подозревал о ее существовании. Так не лучше ли забыть эту женщину, которую он видел всего лишь несколько раз, а

говорил и того меньше. Не впервые женщина увлекает мужчину, чтобы в последний момент оставить его с носом. Подобные неудачи умный человек воспринимает философски. К счастью, молчание отвечало интересам тех, кто знал об этом деле. Не слишком приятно чувствовать себя дураком, но душевная рана заживает быстрее, если о ней известно только ее обладателю. И вообще, проще представить себе, что все это произошло с кем-то другим.

Внезапно он вскрикнул и рывком натянул поводья. Лошадь остановилась, как вкопанная, и Макиавелли чуть не вылетел из седла.

— Что-нибудь случилось? — спросил подъехавший слуга.

— Ничего, ничего.

Повинуясь всаднику, лошадь вновь тронулась с места. Макиавелли так внезапно остановился, потому что идея молнией пронзила его мозг. Из этой истории могла получиться отличная пьеса. Вот тут-то он и отомстил бы своим обидчикам, выставив их на всеобщее осмеяние. Плохое настроение Макиавелли как рукой сняло, и на его губах заиграла злая улыбка.

Местом действия он выбрал Флоренцию. Действующие лица определились заранее. Ему предстояло лишь оттенить отдельные черты характеров для того, чтобы герои лучше смотрелись со сцены. Бартоломео, например, следовало сделать поглупее и подоверчивее. Аурелию — более остроумной и покорной. Пьеро он отвел роль сводника, который и подстроил злую шутку. Зрители увидят мелкого негодяя и вдоволь посмеются над ним. Общая композиция пьесы — разумеется, комедии — предстала перед ним как на ладони. Себя он видел героем-любовником и сразу подобрал подходящее имя — Каллимако. Симпатичный, молодой и богатый флорентиец, несколько лет проведший во Франции — это давало Макиавелли возможность проехаться по французам, которых он недолюбливал, — возвращается во Флоренцию и безумно влюбляется в Аурелию. Как ему назвать ее? Лукрецией! Макиавелли хмыкнул, дав своей героине имя почтенной римской матроны, покончившей с собой после того, как мужчина покусился на ее честь. Естественно, конец будет счастливым и Каллимако проведет ночь любви в постели своей возлюбленной.

В голубом небе ярко сияло солнце, и, хотя на полях все еще белел снег, Макиавелли, закутанный в толстый плащ, не чувствовал холода. Он размышлял о том, как получше показать зрителям наивность Аурелии, глупость Бартоломео, подлость Пьеро, распущенность монахи Катерины и мошенничество фра Тимотео. Монаху предстояло стать одним из главных персонажей. Макиавелли потирал руки при мысли о том, что покажет фра Тимотео таким, как он есть, с его алчностью, отсутствием моральных

принципов, хитростью и лицемерием. Всем остальным он собирался дать вымышленные имена, но монах останется фра Тимотео, чтобы все знали, какой на самом деле этот сладкоголосый пастырь.

Время прошло так быстро, что он и не заметил, как они прибыли в местечко, где хотели остановиться на ночлег.

«К черту любовь, — пробормотал Макиавелли, слезая с лошади. — Что есть любовь в сравнении с искусством!»

Местечко называлось Кастильоне Аретино, и тамошняя таверна выглядела ничуть не хуже многих других, где ему приходилось ночевать после отъезда из Флоренции. От быстрой езды у Макиавелли разыгрался аппетит, и, войдя в таверну, он первым делом заказал ужин. Затем он написал короткое письмо Синьории, которое тут же отправил с курьером. Таверна была переполнена, но хозяин сказал, что может выделить ему часть кровати, на которой спали он и его жена. Взглянув на хозяйку, Макиавелли ответил, что его вполне устроят несколько овечьих шкур на кухонном полу. Перед ним поставили большую миску с макаронами.

«Что есть любовь в сравнении с искусством? — продолжил он прерванную мысль. — Любовь мимолетна, искусство — вечно. Любовь лишь орудие природы, заставляющее нас приносить в этот мир себе подобных, обрекая их со дня рождения на голод и жажду, болезни и печали, ненависть, зависть и злобу. Макароны лучше, чем я ожидал, и как вкусен этот соус с куриными потрохами. Сотворение человека следует назвать даже не трагической ошибкой, но нелепой неудачей. Чем можно оправдать ее? Я полагаю, искусством. Лукреций, Гораций, Катулл, Данте и Петрарка. Скорее всего, они никогда не создали бы своих божественных произведений, если б в их жизни не было горя и несчастий. Вот и у меня не возникло бы и мысли об этой пьесе, проводи я ночь с Аурелией. Получается, что все вышло как нельзя лучше. Я потерял безделушку, а нашел алмаз, достойный королевской короны».

Плотно поужинав, Макиавелли сыграл в карты с проезжим монахом, направляющимся в какой-то дальний монастырь, лег на постеленные шкуры и быстро заснул.

На заре, в отличном настроении, Макиавелли уже был в седле и с удовольствием представил, как через несколько часов приедет домой. Он надеялся, что Мариетта обрадуется его приезду и не станет упрекать в пренебрежении к ней. А после ужина к нему приедет Биаджо, милый добрый Биаджо, на следующий день он увидит Пьетро Содерини и других членов Синьории, потом навестит друзей. Какое счастье вновь оказаться во Флоренции, каждый день ходить в канцелярию, гулять по знакомым с детства улицам, узнавая в лицо почти каждого прохожего.

«С возвращением, мессер, — скажет один. — Привет, привет, Никколо, откуда ты взялся? — услышит он от другого. — Надеюсь, ты привез

полные карманы золота, — улыбнется третий. — Когда нам ожидать счастливого события? — спросит подруга матери».

Дом. Флоренция. Родина. А еще Ла Каролина, теперь свободная, так как кардинал, содержащий ее, был слишком богат, чтобы умереть естественной смертью. Какая умница и как приятно беседовать с ней, а иногда, после жаркого спора, получить даром то, за что другим приходится платить немалые деньги. Как красива тосканская природа! Еще месяц и зацветет миндаль.

Его мысли вернулись к пьесе. Он вновь чувствовал себя молодым и счастливым. Голова кружилась, как от молодого вина, выпитого натошак. Он повторял про себя циничные речи, которые собирался вложить в уста фра Тимотео. Внезапно он остановил лошадь. Встревоженные слуги подъехали узнать, не случилось ли чего. И к своему изумлению увидели, что их господин сотрясается от приступа беззвучного смеха. А Макиавелли, глядя на их удивленные физиономии, развеселился еще больше и, вонзив шпоры в бока бедного животного, помчался вперед. Он понял, как вдохнуть жизнь в персонажи пьесы, нашел завязку интриги, которая, распрямляясь как тугая пружина, после долгих приключений забросит Каллимако в теплую постель Лукреции. Все знали, что доверчивые женщины покупали корень мандрагоры, якобы способствующий зачатию. Это стало всеобщим поверьем, и каждый флорентиец знал десяток пикантных историй, связанных с его использованием. Теперь он решил убедить Бартоломео, которого он назвал мессер Нича, что его жена сможет зачать, если выпьет настой корня. Но первый мужчина, вступивший с ней в интимную связь, непременно умрет. Как убедить его в этом? Очень просто. Он, Каллимако, переодевшись, представится доктором, обучавшимся в Париже, и пропишет ей это лекарство. Без сомнения, мессер Нича не захочет отдать жизнь, чтобы стать отцом. Значит, потребуется незнакомец, который займет его место на одну ночь. Этим незнакомцем, естественно, станет Каллимако, то есть Макиавелли.

Он буквально летел на крыльях вдохновения. Сцены следовали одна за другой, будто кусочки картинки-головоломки. Казалось, пьеса пишется сама, а он, Макиавелли, присутствует лишь в качестве переписчика. Когда они остановились пообедать, он, полностью поглощенный пьесой, ел все подряд, без разбора, а когда вновь тронулись в путь, не замечал миль, оставшихся позади. Приближаясь к Флоренции, они проезжали знакомые Макиавелли места, но он ничего не видел. Солнце уже склонялось к западу, но он даже не взглянул в сторону огненного светила. Он жил в мире

иллюзий, полностью затмившем мир реальный. Он стал Каллимако, молодым, красивым, богатым, остроумным и жизнерадостным флорентийцем. И в сравнении с неистовым пожаром страсти к Лукреции его влечение к Аурелии казалось слабым огоньком. Макиавелли наслаждался высшим счастьем, когда-либо дарованным человеку, — счастьем созидания.

— Смотрите, мессер, — окликнул его Антонио. — Флоренция.

Макиавелли поднял голову. На фоне зимнего неба он увидел великолепный купол, воздвигнутый Браманте. Перед ним лежал город, который он любил больше всего на свете. Флоренция, город цветов, с колокольнями и баптистериями, церквами и дворцами, садами, кривыми улочками и старым мостом, по которому он каждый день ходил во дворец, его домом, братом Тото, Мариеттой, его друзьями, город, в котором он знал каждый камень, город с богатой историей, где родился он и жили его предки. Флоренция, давшая миру Данте и Боккаччо, не одно столетие боровшаяся за свою свободу. Его любимая Флоренция, город цветов.

Слезы навернулись на глаза и потекли по щекам. Он сжал зубы, едва сдерживая рыдания. Совершенно беспомощной Флоренцией управляли люди, потерявшие мужество. А ее граждане, некогда все как один поднимавшиеся на защиту ее свободы, теперь думали только о купле и продаже. Независимая лишь по милости короля Франции, которому она платила унижительную дань, защищаемая лишь беспринципными наемниками, могла ли она выстоять под ударом герцога? Флоренция была обречена. Если Чезаре Борджа не захватит ее, это сделает кто-нибудь другой, не в этом году, так в следующем, во всяком случае раньше, чем мужчины средних лет станут стариками.

— К черту искусство! — вскричал он. — Что есть искусство в сравнении со свободой. Теряя свободу, человек теряет все.

— Если мы хотим приехать до темноты, мессер, то должны торопиться, — заметил Антонио.

Пожав плечами, Макиавелли натянул поводья, и усталая лошадь затрусила к городским воротам.

Эпилог

Прошло четыре года. Много изменилось за это время. Умер папа Александр VI. Эль Валентино, казалось, предусмотрел все на случай смерти отца, но он не мог предвидеть, что, когда это произойдет, он и сам окажется тяжело болен. Несмотря на тяжелейшую болезнь, ему все-таки удалось добиться избрания Пия III, которого он не опасался. Но принцы и герцоги, изгнанные Чезаре из их городов, воспользовались возможностью вернуть свои владения, и он уже не мог им помешать. Джидобальдо ди Монтефелтро вернулся в Урбино, Паоло Бальони захватил Перуджу. Только Романья осталась верна Борджа. Вскоре умер и Пий III. На папский престол под именем Юлия II взошел Джулиано делла Ровери, смертельный враг Борджа. Чтобы заполучить голоса кардиналов, контролируемых Эль Валентино, Юлий II пообещал герцогу назначить его главнокомандующим войсками церкви и закрепить за ним его владения. Чезаре поверил в обещания и совершил роковую ошибку. Жестокий и беспринципный Юлий II быстро нашел предлог для ареста герцога, заставил его сдать города Романьи, удерживаемые верными Борджа капитанами, а затем позволил ему уехать в Неаполь. Но там, по приказу короля Фердинанда, его вновь бросили в тюрьму и увезли в Испанию. Сначала его заточили в крепость Мурсии, а затем перевели в замок Медины-дель-Кампо, в сердце Кастилии. Казалось, Италия навсегда избавилась от этого честолюбивого авантюриста, так долго будоражившего всю страну.

Однако несколько месяцев спустя всех потрясло известие о том, что герцог бежал и после головокружительных приключений, переодевшись купцом, прибыл в Памплону, столицу короля Наваррского. Новость вдохновила его сторонников, а принцы и герцоги вновь затряслись в своих дворцах. Король Наварры в это время воевал со своими баронами и назначил Чезаре Борджа командующим армией.

Эти четыре года Макиавелли трудился, не покладая рук. С различными миссиями он ездил по всей Италии. А в самой Флоренции ему было поручено создать отряды милиции, чтобы при нападении врага город мог рассчитывать не только на наемников. Его постоянно подводил желудок, и долгие поездки верхом в стужу и зной, дождь и снег, а также плохое и нерегулярное питание в паршивых харчевнях окончательно подкосили его здоровье и в феврале 1507 от Рождества Христова он тяжело заболел. Ему пускали кровь, давали слабительное, он принимал таблетки, состав

которых подобрал сам, излечивающие, по его мнению, любой недуг. Макиавелли стало лучше, но болезнь так ослабила его, что Синьория предоставила ему месячный отпуск. Он поехал на свою ферму в Сан-Касчиано, где его здоровье быстро пошло на поправку.

Весна в тот год наступила рано, и деревья, одетые зеленой листвой, ковер полевых цветов на изумрудной траве и дружные всходы пшеницы радовали глаз.

Как-то мартовским утром Макиавелли встал с восходом солнца и направился к маленькой рощице. Он дошел до ручейка, устроился на берегу и достал из кармана принесенную с собой книгу. Это был Овидий. С улыбкой Макиавелли начал перечитывать веселые и жизнерадостные стихи, в которых поэт описывал свои любовные приключения. Они напомнили ему его собственные.

— Насколько лучше согрешить и раскаяться, — пробормотал он, — чем сожалеть о том, что не согрешил.

Проголодавшись, Макиавелли пошел домой, чтобы разделить скромную трапезу с женой и детьми. После обеда он отправился в таверну. Там его ждали мясник, мельник и кузнец. Они играли в карты, сопровождая каждый ход криками, шумом, взаимными оскорблениями. И Макиавелли кричал и ругался ничуть не меньше других. Спустились сумерки, и он вернулся домой. Мариетта, беременная в третий раз, кормила сыновей ужином.

— Я думала, ты никогда не придешь, — сказала она.

— Мы играли в карты.

— Кто?

— Как всегда — мясник, мельник и Батиста.

— Зачем тебе эта шваль?

— Они не позволяют заплесневеть моему остроумию, и потом они ничуть не глупее большинства наших государственных мужей и даже порядочнее.

Он посадил на колени старшего сына Бернардо, которому шел четвертый год, и начал кормить его.

— У тебя остынет суп, — напомнила Мариетта. Они ели на кухне вместе со служанкой и батраком. Когда Макиавелли покончил с супом, служанка принесла ему полдюжины жаворонков, поджаренных на вертеле. Он удивился и обрадовался, так как обычно их ужин состоял из супа и салата.

— Откуда это?

— Джованни поймал. И я подумала, что ты с удовольствием съешь их

на ужин.

— Ты очень добра, Мариетта.

— За пять лет супружеской жизни я убедилась, что путь к твоему сердцу лежит через желудок, — сухо ответила Мариетта.

— Такая наблюдательность заслуживает жаворонка, дорогая, — улыбнулся Макиавелли, взял одну из крохотных птичек и, невзирая на протесты Мариетты, засунул ей в рот.

— В восторге летят они к небесам, заливаясь пением, а потом в один прекрасный день их жарят и съедают. Вот так и человек с его интеллектом, идеалами и устремлениями в конце концов становится не чем иным, как пищей для червей.

— Ешь, пока они не остыли, дорогой. Поговорить ты еще успеешь.

Макиавелли засмеялся и съел очередного жаворонка, с любовью глядя на Мариетту. Ему досталась хорошая жена, хозяйственная и добродушная. Она всегда с грустью провожала его в поездки и с радостью встречала при возвращении. Знала ли Мариетта, что он частенько изменяет ей? Если и знала, то никогда виду не показывала. Да, с женой ему повезло.

После ужина служанка помыла посуду, Мариетта уложила детей, а Макиавелли поднялся к себе, чтобы почитать перед сном. Но не успел он раскрыть книгу, как раздался топот копыт и он услышал голос Биаджо, спрашивающего служанку, дома ли хозяин.

— Никколо! — позвал тот. — У меня есть новости.

Макиавелли быстро спустился вниз. Биаджо ждал его на ступеньках.

— Эль Валентино умер.

— Откуда тебе это известно?

— Прибыл гонец из Памплоны. Я подумал, что ты должен знать об этом, и прискакал сюда.

— Пойдем ко мне.

Они поднялись в кабинет, Макиавелли сел за стол, а Биаджо в резное кресло из приданого Мариетты.

Как передал курьер, Чезаре Борджа занял деревню на берегу Эбро и готовился к штурму замка графа Лерина, самого могущественного из мятежных вассалов короля Наваррского. Рано утром двенадцатого марта произошла стычка его войск с отрядом графа. Когда раздался сигнал тревоги, Чезаре Борджа вскочил на лошадь и бросился в битву. Мятежники обратились в бегство, а герцог, не оглядываясь назад, помчался вслед за ними. Его спутники отстали, и мятежники, заметив, что герцог один, остановились, окружили его и убили в жаркой схватке. На следующий день люди короля обнаружили его тело.

Макиавелли внимательно выслушал Биаджо. А когда тот закончил, не проронил ни слова.

— Хорошо, что он умер, — прервал молчание Биаджо.

— Он потерял свои владения, деньги и армию, а Италия все равно боялась его.

— Это был страшный человек.

— Скрытный и непостижимый. Жестокий, вероломный и беспринципный, но талантливый и энергичный. Сдержанный в страстях и уверенный в себе. Он не позволял эмоциям преобладать над разумом. Он любил женщин, но никогда не поддавался под их влияние. Он создал армию, на которую мог положиться и которая верила в него. Он не щадил себя. В походах его не страшили ни холод, ни зной, а богатырское здоровье позволяло не чувствовать усталости. В сражении он был смел и решителен. Он разделял опасности с последним из солдат. В мирных делах он разбирался ничуть не хуже, чем в военном искусстве. Он подбирал себе деятельных помощников и следил за тем, чтобы они не забывали, кому они обязаны своим возвышением. Он не упускал ни одной мелочи, которая могла укрепить его положение, и не его вина, что ему не удалось добиться успеха. Просто фортуна сыграла с ним злую шутку. С его безмерным честолюбием он не мог быть кем-то другим. Его планам помешала лишь тяжелая болезнь в момент смерти Александра.

— Он понес заслуженное наказание за свои преступления, — возразил Биаджо. Макиавелли пожал плечами.

— Останься он в живых, фортуна, скорее всего, продолжала бы благоволить к нему и он изгнал бы чужеземцев из нашей несчастной страны и дал бы ей мир и покой. Тогда люди забыли бы преступления, ценой которых он захватил власть, и он вошел бы в историю великим и добрым политиком. Кого теперь волнует, что Александр Македонский был жесток и неблагодарен. Кто помнит о вероломстве Юлия Цезаря? В этом мире важно захватить власть и удержать ее, тогда и использованные для этого средства признают честными, а победителя будут носить на руках. Цезаре Борджа называют негодяем только потому, что он потерпел поражение. Когда-нибудь я напишу книгу о нем и о моих впечатлениях от наших встреч.

— Мой дорогой Никколо, ты так непрактичен. Кто, по-твоему, будет читать ее? Ты думаешь, она принесет тебе славу.

— Я и не помышляю о ней, — рассмеялся Макиавелли.

Биаджо подозрительно взглянул на толстую стопку листов, лежащую на столе.

— Что это?

Макиавелли широко улыбнулся.

— У меня сейчас много свободного времени, и я решил написать комедию. Хочешь, я прочту ее тебе?

— Комедию? — удивился Биаджо. — Полагаю, она имеет политическое звучание?

— Отнюдь. Ее единственное назначение — вызвать смех.

— О, Никколо, когда же ты, наконец, станешь серьезным? Наши критиканы набросятся на тебя, как стая шакалов.

— Но почему? Ведь никто не сомневается, что Апулей написал «Золотого осла», а Петроний — «Сатирикон» только для развлечения.

— Но они классики. В этом вся разница.

— Ты хочешь сказать, что комедии, как и продажных женщин, начинают признавать только с возрастом. Я всегда удивлялся, почему критики узнают шутку, когда она уже сохлась от старости. Они никак не могут понять, что юмор неотрывен от действительности.

Все еще улыбаясь, Макиавелли пододвинул к себе рукопись и начал читать.

— «Улица Флоренции».

Но, как и каждого автора, впервые читающего другу свое произведение, его охватило сомнение, понравится ли оно. И, оторвавшись от рукописи, он сказал:

— Это только первый вариант. Мне еще придется вносить много изменений.

Он неуверенно перелистывал страницы. Макиавелли с увлечением работал над пьесой. Но произошло то, чего он не мог учесть: персонажи зажили собственной жизнью и в результате стали совсем не такими, какими он их задумывал. Лукреция стала лишь слабой тенью Аурелии. Ему не удалось сделать ее более реальной. В соответствии с сюжетом Макиавелли пришлось показать Лукрецию добродетельной женщиной, которую мать и духовник уговорили пойти против совести. Пьеро, названный им Лигурио, наоборот, занял более значительное место, чем предполагалось вначале. Именно он предложил обмануть глупого мужа, он же договаривался с матерью Лукреции и монахом, короче, завязал интригу и довел ее до успешного завершения. Хитрый, сообразительный и остроумный мошенник. Макиавелли без труда мог представить себя на его месте. Когда пьеса была написана, он обнаружил, что и галантный герой-любовник, и проныра-слуга напоминали его самого.

— Между прочим, тебе известно, как поживает Пьеро? — спросил он,

взглянув на Биаджо.

— Да. Я как раз собирался рассказать тебе о нем. Он хочет жениться.

— Неужели? Он нашел хорошую партию?

— Да, он женится на деньгах. Ты помнишь Бартоломео Мартелли из Имолы? Моего дальнего родственника?

Макиавелли кивнул.

— Когда Имола восстала, он решил переждать беспорядки в более спокойном месте. Как ты знаешь, Бартоломео рьяно поддерживал герцога и опасался, что ему это припомнят. Он уехал в Турцию. Войска папы вскоре заняли город. На счастье, Пьеро служил в его армии и, как оказалось, пользовался покровительством кое-кого из окружения Юлия II. Ему удалось уберечь дом и поместье Бартоломео. Того, правда, навечно изгнали из Имолы. А недавно пришло известие, что он умер в Смирне. И теперь Пьеро женится на его вдове.

— Как благородно с его стороны, — процедил Макиавелли.

— Мне говорили, что она молода и красива. Естественно, ей необходима мужская поддержка, а у Пьеро есть голова на плечах.

— Это я заметил.

— Во всей истории есть только одна загвоздка. Бартоломео оставил наследника, маленького мальчугана трех или четырех лет, и это не сулит перспектив детям Пьеро.

— Будь уверен, Биаджо, — хмыкнул Макиавелли, — он будет любить малыша как собственного сына.

Взглянув на рукопись, он довольно улыбнулся. Уж кто ему удался, так это фра Тимотео. В этот персонаж он вложил всю ненависть и презрение к монахам, жиреющим на доверии невежественного народа.

— «Улица Флоренции», — прочел Макиавелли и вновь замолчал.

— Что ты молчишь? — спросил Биаджо.

— Ты сказал, что Чезаре Борджа понес заслуженное наказание. Не злодеяния уничтожили его, но обстоятельства, над которыми он не властен. В этом мире греха и скорби если добродетель и торжествует над пороком, то не потому, что она добродетельная, а потому, что у нее более мощные пушки. И если честность побеждает обман, то не потому, что она честная, а потому, что у нее более сильная армия. И если добро сокрушает зло, дело не в том, что оно доброе, просто у него более тугой кошелек. Хорошо, если правда на нашей стороне, но было бы безумием забывать, что, не подкрепленная силой, она не принесет нам пользы. Мы должны верить, что бог любит людей доброй воли, но у нас нет доказательств того, что он спасает дураков от просчетов, вызванных их глупостью.

Макиавелли вздохнул и в третий раз начал чтение.
— «Улица Флоренции»...

notes

1

Все течет, ничего не меняется. (*фр.*)

Кого господь хочет погубить, того лишает разума (*лат.*)